

ф8

4/8
1194 РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ СКАЗКИ,

ПРИБАУТКИ и ПОБАСЕНКИ

Е. А. ЧУДИНСКАГО.

Цена 50 к. с.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1864.

~~84/09~~
9

Народная жизнь наша мало по малу начинаетъ заявлять себя, обнаруживаться. — Всѣ мы въ настоящее время живо понимаемъ интересъ ея и потому-то съ такимъ усиліемъ хлопочемъ объ изученіи ея во всевозможныхъ видахъ. — Издаваемая книжка заключаетъ въ себѣ нѣкоторые отрывки изъ нашей рукописи, посвященной изученію устнаго народнаго слова. — Дай Богъ, чтобы и эта лепта принесла свой плодъ! —

Чудинскій.

1. Мизинчикъ.

Жилъ былъ мужичекъ семейный, да бѣдный. Дѣтокъ много, а перекусить нечего. Дѣтки все малые, — малъ-мала меньше, а самый меньшей ростомъ съ мизинчикъ. Такъ его и звали мизинчикомъ. Мужика звали Максимомъ, жену Пелагѣей. Разъ въ вечеру дѣтки улеглись спать, Максимъ и говоритъ женѣ: „Пелагѣюшка! какъ намъ жить-то? Дѣтокъ сколько, а въ домѣ хлѣба ни корки!“ — Охъ, Максимушка! говоритъ Пелагѣя, — тяжело, что и говорить, — хоть бы котораго Господь прибралъ! — „А я вотъ что думаю, Пелагѣюшка, не свести ли мнѣ половинку ихъ къ барину, — можетъ, котораго возьметъ въ услугу! А баринъ не приметъ, такъ просто хошь въ лѣсъ заводи, да бросай ихъ тамъ, какъ котятъ! Добрые люди, можетъ, найдутся, — пріютъ дадутъ, а намъ совсѣмъ не до нихъ!“ — Дѣлай, какъ знаешь! говоритъ Пелагѣя. — Поговорили такъ мужикъ съ бабой, огонь погасили и заснули. А Мизинчикъ, лежа на полатахъ, весь этотъ разговоръ подслушалъ, да на другой же день утромъ выпросилъ у сосѣдей краюшечку хлѣбца, положилъ ее въ кармашекъ и никому объ этомъ ни словечка. На другой день взялъ мужикъ четверыхъ дѣтокъ своихъ, самыхъ младшихъ и повелъ къ барину. Баринъ въ услугу ихъ не принялъ, — малы, говоритъ, больно, а только награ-

дилъ Максима на бѣдность хлѣбцемъ, да кое-какими харчишками. Идетъ Максимъ отъ барина съ дѣтками, попадаетъ ему на дорогѣ лѣсъ. Максимъ зашелъ въ него, будто грибовъ поискать. Дѣтки за нимъ. Зашли они тутъ далеконько, — дѣтки и спрашиваютъ отца: „куда жъ это ты насъ, батюшка, ведешь?“ Максимъ только махнулъ имъ рукой на отвѣтъ. Идутъ дальше. Мизинчикъ, смекнувши дѣло, идетъ по дорожкѣ, а самъ кусочки хлѣба бросаетъ, — идетъ, да бросаетъ, — идетъ, да бросаетъ. Шли, шли они такъ, зашли въ чащу непроходимую. Максимъ бросилъ тутъ дѣтокъ, а самъ тягу! Мальчики звать отца, — разъ, другой позвали его, — нѣту, не откликается! — Видятъ, что отецъ ихъ бросилъ, — и давай ревѣть! — Мизинчикъ и говоритъ: „не тужите, братцы, я васъ отсюда выведу!“ — Сейчасъ же отыскалъ послѣдній свой кусочекъ, который онъ на лѣсу бросилъ, за нимъ другой, третій, да такъ по нимъ и вывелъ братьевъ изъ лѣсу, — привелъ домой. Пришли дѣтки домой, стоятъ у дверей и слушаютъ. Мать и говоритъ: „ахъ, Максимъ, Максимъ! за чѣмъ же ты ихъ въ лѣсу-то бросилъ? Баринъ далъ намъ хлѣбушка и другаго прочаго кое-чего довольно, — тепериче всѣмъ бы хватило поѣсть!“ — Да мы здѣсь! — говорятъ дѣтки изъ за двери. Тотчасъ же и вошли все въ избу. Мать заплакала, — напоила, накормила ихъ. И Максимъ тоже будто имъ обрадовался. На другой день запрягъ онъ лошадь и зоветъ опять дѣтокъ съ собой въ лѣсъ за дровами. Дѣтки собрались. Мизинчикъ смекнулъ опять, къ чему дѣло клонится, тотчасъ же набралъ въ кармашекъ маленькихъ камушковъ и тоже собрался съ ними ѣхать. Поѣхали. Ыхали, ѣхали, заѣхали въ глушь, — трущобу страшную! Максимъ столкнулъ тутъ съ телеги дѣтокъ своихъ, лошадь поворотилъ, стегонулъ,

да такъ и уѣхалъ. Мизинчикъ сталъ опять дорогу отыскивать по камушкамъ, которые разбросалъ, ѣдучи по лѣсу. Вдругъ наступила ночь, — полилъ дождь, — громъ, молонья, — темень, — дѣтки сбились съ дороги, — промокли, прозябли и побрели по лѣсу на удачу. Шли, шли, — видятъ, — огонекъ въ избушкѣ! Подошли къ избушкѣ, стучать. Вышла къ нимъ женщина. Они и просятъ переночевать. — „Ахъ, дѣтки! говоритъ женщина, — вѣдь я Людоѣдова жена! Сейчасъ мужъ придетъ домой и всѣхъ васъ съѣстъ, какъ только узнаетъ, что вы сюда забрели. Какъ я васъ пушу-то?“ — Ничего, говоритъ Мизинчикъ, — отъ судьбы ни убѣжишь, ни уѣдешь, — воля Божья, — будь, что будетъ, пусти только теперича-то Христа ради, пріюти отъ темной ночи и непогоды! — „Ступайте!“ говоритъ женщина. Привела ихъ въ избу, обогрѣла, напоила, накормила и спать подъ кровать свою положила, чтобы мужъ не видалъ. Приходитъ Людоѣдъ. — „Ну, жена! говоритъ, — подавай ужинать, да что посытнѣе, повкуснѣе, отъ дождя и сырости промокъ и продрогъ весь, такъ получше чего поѣсть надо!“ — Жена ему подала говядины, телятины, водки штофъ. Людоѣдъ все съѣлъ. — „Подавай еще, что есть!“ — Нѣту ничего! говоритъ жена. — „Не можетъ быть! говоритъ Людоѣдъ, — что жъ у тебя русскимъ мясомъ пахнетъ!“ — Жена видитъ, что мужъ учуялъ мальчиковъ и говоритъ: — это мясо тебѣ къ завтраму на жаркое берегу! — „Ладно, говоритъ Людоѣдъ, — и то хорошо!“ Послѣ того Людоѣдова жена взяла этихъ мальчиковъ изъ подъ кровати, перенесла ихъ въ свѣтлицу, гдѣ Людоѣдовы дочери спали, тоже четыре, — надѣла на нихъ колпачки, а на дочерей шапочки, пришла къ мужу и говоритъ: „уложила я всѣхъ этихъ мальчиковъ въ свѣтлицѣ и колпачки на всѣхъ понадѣла.“ — Всѣ потомъ за-

снули, одинъ Мизинчикъ не спитъ, работаетъ свое дѣло. Потихоньку ночью поснималъ онъ шапочки съ дочерей людоѣдовыхъ, надѣлъ ихъ на братьевъ, съ братьевъ колпачки снялъ, надѣлъ на дочерей людоѣдовыхъ и улегся. Ранехонько утромъ, еще темно было, приходитъ Людоѣдъ въ эту свѣтлицу, ущупалъ колпачки на дочеряхъ и давай вертѣтъ имъ головы, какъ курамъ, — всѣмъ перевертѣлъ, замѣсто мальчиковъ. Приходитъ къ женѣ и говоритъ: „поди, убери тамъ, я всѣмъ головы перевертѣлъ!“ — Жена пошла со свѣчкой, а Мизинчикъ разбудилъ въ это время братьевъ и давай Богъ ноги, — ушли всѣ. Приходитъ жена въ свѣтелку, видитъ, что дочери мертвыя, а мальчиковъ нѣтъ, тутъ же съ отчаянности такъ и упала въ обморокъ. Людоѣдъ ждетъ жену, — не идетъ что-то долго. Пошелъ самъ въ свѣтлицу. Приходитъ, видитъ такое несчастье, а мальчиковъ нѣту, досада взяла его на нихъ. Тотчасъ же надѣлъ на себя семиверстные сапоги и пошелъ ходуномъ по ихъ слѣду. Идетъ, шагаетъ, только версты успѣваетъ считать, — что ни шагъ, то семь верстъ, — что ни ступитъ, то семь верстъ. Мизинчикъ видитъ, что Людоѣдъ настигаетъ ихъ близко, тотчасъ же отыскалъ промоину въ оврагъ, свелъ туда братьевъ своихъ, тутъ они всѣ и притаились. Людоѣдъ дошелъ до нихъ, перешагнулъ мимо и пошелъ дальше. Шагаль, шагаль, чуть всю подвселенную не обшагаль, измучился до смерти, а мальчиковъ не нашелъ. Приходитъ назадъ къ той же промоинѣ, вздумалъ около нея отдохнуть. Сейчасъ же растянулся и захрапѣлъ во всю мочь. Мизинчикъ не будь плохъ, вышелъ изъ промоины, снялъ съ него соннаго семиверстные сапоги, надѣлъ на себя, братьямъ велѣлъ итти дальше, а самъ къ Людоѣдовой женѣ пошелъ. Приходитъ, она ужь очнулась. Онъ

и говорить: „мужъ твой попался къ разбойникамъ въ плѣнъ, они требуютъ съ него денегъ несмѣтное число, подавай всѣ, сколько у тебя есть на лицо, — посылай со мной, — онъ меня нарочно за ними прислалъ и вотъ даже на дорогу сапоги свои далъ!“ — Жена Людоѣдова повѣрила Мизинчику, отдала ему всѣ деньги. Мизинчикъ взялъ. Тотчасъ же по дорогѣ настигъ своихъ братьевъ, привелъ ихъ опять домой, — отдалъ отцу денежки и стали они съ тѣхъ поръ всѣ вмѣстѣ жить, да поживать, денегъ еще больше наживать, а объ хлѣбѣ насущномъ перестали вовсе горевать.

(Записана со словъ уроженки Смоленской губерніи.)

2. Солдатъ.

Прослужилъ солдатъ 25 лѣтъ. Выходила ему чистая. Передъ отставкой пришелъ онъ къ своему начальнику и говорить: „ваше высокоблагородіе! вамъ извѣстно, что я служилъ честно и безпорочно, выстоялъ на одной квартирѣ всю службу и съ хозяйшкой не побранился ни разу! Дайте за мою вѣрную службу солдатскій значекъ, казенный барабанъ!“ — Этого нельзя! говорить ему начальникъ. — „Какъ хотите, говорить солдатъ, — а безъ этого значька мнѣ нельзя и домой притти, домашніе не повѣрятъ, — скажутъ, что я и въ службѣ-то совсѣмъ не былъ. И ежели только заправду не дадите этого барабана, такъ лучше брейте ужъ меня опять въ солдаты!“ — Начальникъ и говорить: — ну, братецъ, нужно тебѣ дать солдатскій значекъ! — Солдатъ низко поклонился начальнику, взялъ барабанъ и въ дорогу пустился. Идетъ однимъ селеньемъ и думаетъ: гдѣ ему ночевать? Денегъ нѣтъ, — даромъ не пустятъ! Видитъ вдругъ, — домъ бояр-

скій въ сторонѣ. При этомъ домъ садъ. И думаетъ солдатъ: „пойду я въ этотъ садъ, ночую!“ Подходитъ къ нему, видитъ бесѣдку въ саду въ отдаленности и думаетъ: вотъ какую фатеру Богъ даетъ, не хуже моей бывшей, даромъ не возьмешь!“ — Входитъ въ бесѣдку: „ба! да тутъ и печка!“ Скомандовалъ отъ двери: „три шага впередъ!“ Входитъ, столъ стоитъ, на столѣ бутылка, и закуска, и пирогъ боярскій. — Солдатъ думаетъ: „плохо дѣло! кто нибудь, значить, придетъ сюда! погоди же! Залѣзу я на печку и ни одинъ чортъ меня тамъ не увидитъ!“ Полѣзъ на печку солдатъ, только и думаетъ: „да что же я за дуракъ! Изъ бутылки-то и не попробовалъ!“ Пошелъ опять къ столу. — „Дай-ка, говоритъ, — чебурахну, смѣлѣй будетъ!“ Хватилъ изъ горлышка порядкомъ, залѣзъ потомъ на печь, притаился въ уголку. Вдругъ слышитъ: „тиру, кобыла!“ — Смотритъ солдатъ: идетъ въ бесѣдку какой-то мужчина, прямо за столъ, взялъ бутылку и говоритъ: „что-то нынче не полна, поскупилась барыня!“ — Вотъ и она ѣдетъ, а солдатъ думаетъ: „конница валить!“ Пріѣхала барыня, — всякой всячины навезла. Попили, поѣли тутъ эти пріѣзжіе и идутъ къ печи. А солдатъ какъ крикнетъ на нихъ изъ угла: „куда васъ чортъ несетъ? Али мало бесѣдки-то?“ — Они какъ бросятся бѣжать оба вонъ! А солдатъ въ барабанъ бить! А они-то мчагъ безъ оглядки! — Солдатъ слѣзъ съ печи, поужиналъ за первый сортъ, выходитъ изъ бесѣдки, только одни лошади стоятъ съ повозками, а изъ людей никого нѣтъ! — А эти пріѣзжіе-то, должно быть, солдата-то за чорта приняли, да и убѣжали отъ него. Солдатъ пождалъ, пождалъ ихъ, — видитъ, долго нѣту, тотчасъ же сѣлъ въ коляску ихову, стегоннул лошадей, лошади помчали, солдатъ и поѣхалъ на нихъ бариномъ въ свою родину. А тамъ рассказалъ: „вотъ я

до какого богатства дослужился, — ступайте-ка, молю, и вы, сиволापые, служить по моему, по солдатскому! — Вотъ какіе солдатики-то, размолодчики бываютъ!

(Съ записки двороваго человека въ Москвѣ)

3. Иванъ, вдовинскій сынъ и Гриша.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, а именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, — жилъ-былъ въ одной деревнѣ мужичекъ. Вздумалъ онъ жениться. Сталъ свахъ засылать. Только свахи туда-сюда, нигдѣ не могутъ найти ему невѣсты, — вездѣ получаютъ отказную. По деревнѣ всѣ знали, что мужикъ этотъ шумливый, неразумный, до дѣла нерадивый, хоть изъ себя и здоровенный былъ. Вотъ стали надъ нимъ сосѣди смѣяться и стали говорить: „какой ты мужичинище здоровенный, а никто за тебя нейдетъ, — ни одна невѣста. Да и какая пойдетъ, не рада будетъ жизни, — натерпится муки отъ этой руки“. — И слышитъ эти смѣхи на деревни его тетушка, Маланьей звать, что хочетъ, дескать, ея племянничекъ, Трофимушка, жениться, да никто за него за мужъ нейдетъ. Куды было не по сердцу слышать эти басни тетушкѣ! — Вотъ недѣли черезъ двѣ приходитъ къ ней Трофимъ. — „Здорово, тетушка Маланья!“ — Здорово, Тронюшка, давно я тебя не видала! Богъ велѣлъ еще холостаго видѣть, а я слышала, что, на томъ краю, кто-то невѣстъ высматриваетъ, — ужъ не ты ли это полно? — „Я, тетушка Маланья!“ — Эхъ, Тронюшка, Тронюшка! — говоритъ ему тетка Маланья, — посрамилъ ты наши головушки! Куды бы ужъ тебѣ жениться! — „Я такъ и зналъ, тетушка Маланья, что ты мнѣ этаго неприговѣтуешь, — вотъ за то и не женился!“ — Ну, такъ и

не женись же безъ меня, дитятко! — „Эхъ, тетушка, тетушка! — говоритъ Трофимъ, — да что же мнѣ теперича безъ жены-то дѣлать, вѣкъ изживешь бобылемъ, — никто объ тебѣ и хорошаго слова не скажетъ!“ — повалился Трофимъ ей въ ноги: „родная моя тетушка, Маланья Прохоровна, жени меня ради Бога, — куплю тебѣ я за это платокъ парчевый — самый первый сортъ изъ всего рынка!“ — Охъ, дитятко! — говоритъ ему тетка Маланья, — да есть ли на что купить-то? — „Да мнѣ дать хозяйинъ!“ — Прельстилъ старуху Трофимъ. — Ну, слушай же, Троша! — говоритъ ему Маланья, — знаешь въ Александровкѣ недавно овдовѣла одна вдова, — за какимъ мужемъ-то хорошимъ была, за умницей, да до всего додѣльнымъ! И про самое-то нечего сказать, — кровь съ молокомъ! Празнишное время нарядится, словно павынька! Послѣ того-то мужа два парнечька остались и ужъ такіе матерья, — скоро будутъ тебѣ работниками! — „Когда жъ ты, тетушка Маланья, за сватовство-то примешься?“ — Да у меня ужъ все давнымъ давно слажено! Вотъ постой, — она общалась сегодня придти ко мнѣ за дѣльцемъ, а ты ступай-ка пока тѣмъ временемъ принарядись, да и я то поприберусь, а потомъ и приходи! — Только успѣлъ Трофимъ вытти, — стукъ въ окно! — „Дома хозяйка?“ — Ахъ, болѣзная, какая ты легкая на поминъ! Добро пожаловать! — Взошла она въ избу, Богу помолилась, поздоровалась: „охъ, матушка, Маланья Прохоровна! — говоритъ, — ужъ и насилу-то я до тебя добрела!“ — Да что съ тобой такое, не случилось ли чего дорогой? — „Охъ, матушка, — только съ большой горы стала опускаться, — ноги у меня скользянулись, а сердце, точно голубь, такъ и затрепетало, да и теперича даже, словно выскочить хочетъ!“ — Ну,

лебедушка, это вотъ къ чему, я тебѣ скажу, — какая-то радость великая у тебя! — „Охъ, нѣтъ, Маланья Прохорова, это на безголовье!“ — Да погоди, вотъ я брошу на бобахъ, они всю правду скажутъ. — „Загадай!“ Загадала тетка Маланья. — Вотъ, лебедушка, бобы-то что говорятъ: быть тебѣ скоро за-мужемъ! — „Ну-ка еще брось: за какимъ буду?“ — Другой разъ загадала. — Матушка, — закричала тетка Маланья, — родней будешь! Да ужли, Господи, дастъ мнѣ такую родню! Да я, кажись, и Бога-то за это не умолила! — „Полно, Маланья Прохорова, что это я тебѣ ужъ такъ больно показалась? Погадай-ка въ третій разъ!“ — Кинула тетка Маланья въ третій разъ. — Вотъ что бобы-то говорятъ: ближется ужъ женихъ-отъ ко двору нашему! Да, чу! кто-то и за прямъ идетъ! — А это Трофимъ былъ. — А, Трофимушка, добро пожаловать! — „Здравствуй, тетушка Маланья!“ — Здравствуй, батюшка, а посмотри-ка ты, у меня какая гостья-то сидитъ! — Нашъ Трофимъ съ ней поздоровался. — Теперича вотъ что я тебѣ скажу, племянничекъ, вотъ тебѣ невѣста, а тебѣ, моя голубушка, женихъ, чѣмъ не парень? Да и бобы сказывали, что это твой суженый! Если другъ дружкѣ приглянитесь, такъ по рукамъ, да и въ баню! Жениху-то я вижу ужъ по глазамъ, что невѣста понравилась, не знаю только какъ невѣсть? — „И мнѣ ничего!“ — говоритъ невѣста. — Ну, такъ и слава Богу! Такъ теперича встаньте-ка, да помолимся иконамъ святымъ, потомъ поцѣлуйте, да со Христомъ и давайте-ка за свадебку, — нечего тутъ хорошаго дѣла въ дальній ящикъ откладывать!

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Женился наконецъ Трофимъ, живетъ годъ, и другой, и третій, только прибыли ему въ богатствѣ нѣтъ нисколько.

ко, а еще все только больше, да больше бѣднѣеть. Сталъ онъ послѣ того пить, жену свою бить, а ребятишекъ такъ просто согналъ съ Божьяго свѣта. Далъ Трофимъ потомъ женѣ своей послѣдній приказъ: „чтобы не было твоихъ дѣтей въ моемъ домѣ!“ — Стала наша мать думать, да гадать, — куды бы ей своихъ дѣтей дѣвать? — И думаетъ она себѣ: „отвезу ихъ въ лѣсъ, поѣдутъ купцы, возьмутъ ихъ съ собой и станутъ какъ-нибудь жить!“ — Мужъ ушелъ куда-то, она взяла своихъ дѣтей, одѣла, обула ихъ, благословила одинакими образками, а сама горько плачетъ — и говоритъ: „храните материнно благословеніе, вы еще молоды, забудете другъ друга, а по матернему благословенію узнаете!“ — Одному было 12 лѣтъ, а другому 14. — Потомъ завела ихъ мать въ большой лѣсъ на нѣсколько верстъ: „ступайте, говоритъ, по этой дорогѣ!“ — Разстались дѣтки съ матерью и пошли. — Немного они прошли, — лежатъ двѣ дороги! — И говоритъ меньшой братъ старшему: ступай, Гриша, ты по этой дорогѣ, а я по другой пойду! — „Нѣтъ, Ваня, мнѣ жаль тебя! — говоритъ Гриша, — а пойдемъ ужъ лучше вмѣстѣ, что Богъ не дастъ!“ — Э, Гриша! — говоритъ Ваня, — теперича нечего другъ друга жалѣть въ лѣсу дрѣмучемъ! Медвѣдь, али волкъ нападутъ, обоихъ заразъ съѣдятъ, а въ одиночку-то все можетъ, который въ живыхъ останется! — Гриша согласился. — Распростились они. — И пошелъ Гриша по одной дорогѣ, а Ваня по другой. — И идетъ эдакъ Ваня, — гдѣ поплачетъ, гдѣ пѣсенки споетъ, гдѣ на кочечкѣ посидитъ, гдѣ полежитъ, гдѣ ягодокъ поѣстъ, покормится. — И видитъ онъ вдругъ: ѣдетъ впереди, верхомъ на хорошемъ конѣ, человѣкъ какой-то! — Поровнялись они; — Ваня поклонился. — „Здравствуй, Иванъ вдовинскій сынъ!“ — гово-

рить ему проѣзжій — Ваня и говорить: а почему ты меня знаешь? — „Да кому жь и знать, какъ не мнѣ!“ — А это, значить, былъ Духъ-волшебникъ, — проѣзжалъ онъ въ свое царство. — „Хочешь, — говоритъ, — служить у меня? Житье будетъ тебѣ богатое!“ — Ваня говоритъ: хочу, дядинька! — „Ну, такъ садись со мной!“ — Ваня сѣлъ. — И помчались они, точно вихорь! — Пріѣхали. — Видитъ Ваня большое заведеніе! — „Вотъ тебѣ, — говоритъ ему Духъ, — всѣ ключи и всѣ замки отъ моего дома, а вотъ и отъ конюшни! Корми, говоритъ, въ ней всѣхъ лошадей, катайся на нихъ, сколько хочешь, только одного не бери, который прикованъ на пяти цѣпяхъ, — давай ему сѣна по три прута желѣзныхъ всякій день по спинѣ, а рядомъ съ нимъ верблюдъ стоитъ, — этому бѣлояраго пшена давай!“ — Ваня исправлялъ всѣ эти приказанія своего хозяина нѣсколько лѣтъ. Только вздумалъ разъ его хозяинъ по Руси полетать, — разныхъ диковинокъ посмотреть. Улетѣлъ. Приходитъ послѣ того Ваня въ конюшню, прямо къ прикованному коню, беретъ желѣзный пруть и хочетъ его бить. Конь и говорить человѣчьимъ голосомъ: „Иванъ, вдовинскій сынъ! не бей меня! Гожуся я тебѣ на какое-нибудь дѣло, а ударъ лучше горбатаго-то, — я черезъ него терплю!“ — Ваня испугался, что конь заговорилъ съ нимъ человѣчьимъ голосомъ, не сталъ его бить, а далъ бѣлояраго пшена. Приходитъ на другой день въ конюшню и говоритъ ему опять конь: „Иванъ, вдовинскій сынъ, поди, возьми ключи отъ подвала, тамъ есть западня, а тамъ стоятъ двѣ чаши съ водой и лежатъ три гребенки волшебныя. Породы попей, гребенками почешись и приходи сюда!“ — Ваня сходилъ въ подвалъ, точно все это есть тамъ, — воды попилъ и почувствовалъ въ себѣ большую силу, — гре-

бенкой почесался, стали волосы у него медные, другой почесался — серебрянные, третьей — золотые! — Приходить къ коню, конь и говорить ему: „ступай еще, вотъ тутъ есть еще западня, — тамъ лежить: щетка и мыло, огниво и кремень, и ратна боевая сбруя, — возьми все это съ собой и приходи сюда!“ — Ваня пошелъ, все нашелъ, взялъ съ собой, приходитъ къ коню, — конь и говорить: „ну, сбрось теперича съ меня эти цѣпи, осѣдай и садись!“ — Ваня дотронулся до цѣпей, — всѣ такъ и поломались одна за другой, словно лучинки! — „Принарядись теперича, — говорить конь, — сѣдай меня и садись!“ — Ваня принарядился въ ратну боевую сбрую, осѣдалъ коня, сѣлъ и точно вихорь помчался! — Верблюдъ закричалъ, лошади заржали, собаки залаяли, звѣри завыли, птицы засвистали, а нашъ Иванъ ужъ далече былъ. Духъ былъ въ это время за нѣсколько верстъ и почувалъ, что что-нибудь да неладно въ моемъ теремѣ. Въ одну минуту собрался и прилѣтѣлъ. Верблюдъ и рассказываетъ: „какъ ты только улетѣлъ, Иванъ-то меня все желѣзнымъ прутомъ билъ, а ему бѣлаяраго пшена давалъ. Потомъ конь то велѣлъ ему сходить въ подвалъ и взять какія-то вещи. Забрали эти вещи, собрались и уѣхали. А я тотчасъ подалъ тебѣ объ этомъ извѣстіе!“ Ихъ разсердился Духъ на верблюда: „что жъ ты не далъ мнѣ знать раньше, какъ онъ ходилъ въ подвалъ отъ? Если я теперича на тебѣ его недогоню, то я тебя жестоко накажу!“ — Сѣлъ на верблюда и полѣтѣлъ въ погоню, точно моланья блеснула! — Черезъ нѣсколько время догоняетъ ихъ Духъ. — Конь и говорить Ивану: „оглянись-ка назадъ, да посмотри-ка, нѣтъ ли какой погони за нами?“ — Иванъ оглянулся: „ничего, говорить, невидать, только въ лѣвой сторонѣ, словно черная туча выходитъ

изъ за-лѣса“. — Конь и говоритъ: „когда эта туча подойдетъ близко, бросай скорѣе гребенку!“ — Туча подошла, онъ бросилъ гребенку и выросъ лѣсъ на томъ мѣстѣ преогромнѣйшій, такъ что Духъ и перелетѣть не могъ. Духъ воротился назадъ за волшебнымъ топорикомъ. — Пока онъ ворочался назадъ, да рубилъ лѣсъ, а Иванъ ужъ далече былъ. Прорубилъ Духъ этотъ лѣсъ, опять поскакалъ на верблюдѣ въ погоню. Ъдитъ Иванъ, конь и говоритъ: „слѣзь-ка, Иванъ вдовинскій сынъ, приложись ухомъ къ землѣ, да послушай, — нѣтъ ли за нами опять погони!“ — Иванъ вдовинскій сынъ слѣзь, сталъ слушать: „нѣту, говоритъ, ничего не слышу!“ Конь остановился, сталъ самъ слушать и говоритъ: „близко ужъ, бросай скорѣе мыло!“ Бросилъ Иванъ вдовинскій сынъ мыло и сдѣлалась на томъ мѣстѣ гора мыльная, такая преогромная, что отъ земли до неба хватала. Духъ доѣхалъ до этого мѣста, опять ему нельзя ни пролетѣть, ни проѣхать, — онъ опять воротился назадъ за волшебнымъ заступомъ. Ну, пока онъ домой леталъ, куда откапывалъ гору, а Иванъ съ конемъ еще дальше были. Ъдутъ они такъ путемъ дорогою, вдругъ конь начинаетъ вздрагивать. Иванъ и говоритъ ему: „что это ты, конь, такъ вздрагиваешь, или, говоритъ, ты грозы боишься?“ — Да, говоритъ конь, эта гроза очень страшна, и если, говоритъ, только Богъ укроетъ насъ отъ нея, то мы живы на свѣтѣ останемся. — „А что, спрашиваетъ его Иванъ вдовинскій сынъ, — эта гроза ужъ близко отъ насъ?“ — Да все, говоритъ, ближе, да ближе становится, — это, говоритъ, опять Духъ насъ догоняетъ! Ну, — говоритъ потомъ конь, — ужъ сверкаетъ и мнѣ, Иванъ вдовинскій сынъ, ужъ горячо становится! Смотри же теперича не дремли! Какъ только будетъ налѣтать эта гроза, тотчасъ

же бросай камень и огниву, а то мы съ тобой оба пропадемъ! — Только духъ налетѣлъ огненной тучей, громъ загремѣлъ, моланья ударила, а Иванъ вдовинскій сынъ, какъ бросить огниву съ кремнемъ, — тотчасъ же вышло изъ нихъ пламя и пожрало всю эту грозу разомъ. — Духа опалило и упалъ онъ тотчасъ же къ ногамъ коневымъ: — „ахъ, говоритъ, волшебникъ великій!“ — а конь-то, значить, тоже былъ волшебникъ, только онъ находился въ плѣну у этого Духа, — прости меня, говоритъ, что я держалъ тебя такъ долго у себя въ плѣну, — теперича, говоритъ, я самъ вижу, что ты волшебникъ, не хуже меня!“ — И тотчасъ же Духъ далъ этому коню обѣщанье, что никогда больше ужъ не будетъ ни въ погоню за нимъ гоняться, ни встрѣчаться на чистомъ полѣ на поединкѣ. Ну, такъ они и разстались съ Духомъ, а Иванъ съ конемъ остался. Тутъ конь и говоритъ Ивану: „ну, Иванъ вдовинскій сынъ, — теперича тебѣ можно отдохнуть, а мнѣ въ чистомъ полѣ погулять.“ Они тутъ трое сутокъ жили. Первые сутки отдыхали. На второй день конь посылаетъ Ивана въ городъ. — „Поди, говоритъ, Иванъ вдовинскій сынъ, погуляй и посмотри на чужія земли, только не говори никому ни про себя, ни про меня, кто мы такіе. Поспроси стороной, нѣтъ ли, моль, гдѣ богатыря какого и не воюютъ ли гдѣ?“ — Двое сутокъ Иванъ гулялъ, на третьи пришелъ къ коню, — свиснулъ, гаркнулъ, — конь очутился передъ нимъ черезъ минуту. Иванъ и рассказываетъ ему, гдѣ онъ былъ, что онъ видѣлъ и что слышалъ. „Въ этой губерніи, говоритъ, король живетъ, не очень молодъ, не очень старъ, а впрочемъ въ лѣтахъ. У этого короля, говоритъ, два зятя, а третья дочь еще въ дѣвицахъ. Подымается, говоритъ, на этого короля одинъ богатырь съ силой великою, доби-

вается себѣ за-мужъ королевской дочери, а королю не хочется отдать. И хочуть, говорить, застаивать за этаго короля два зятя, а у него есть еще семь богатыревъ своихъ, — молодецъ къ молодцу. Не ѣхать ли ужъ, конь любезный, и мнѣ десятому къ нимъ въ компанью? — По-годи, говорить конь, — не торопись, успѣешь еще натѣшиться! А какъ слышно въ народѣ: скоро ли эта война будетъ? — „Ужъ подъ городомъ стоятъ силы.“ — Ну, говорить конь, — послушаемъ, чѣмъ дѣло это рѣшится. — Дни черезъ три открылась война. Царевну вывели въ поле. Семь богатыревъ и два зятя выѣхали тоже въ чистое поле. И король кромѣ того выставилъ еще большую силу, — все поле изуставилъ войсками своими. Поѣхали семь богатыревъ сразу на этого богатыря, а онъ махнулъ саблей своей вострой и всѣхъ ихъ однимъ взмахомъ порубилъ и перекрошилъ на мелкіе кусочки. Король и говорить: „это еще не страшно, — у меня двое еще остались, а они одни болѣе десятерыхъ сдѣлаютъ.“ Съѣхались эти двое, — зятя его, — тоже богатыри, только онъ, жалѣючи ихъ, что они такіе же короли — богатыри, какъ и онъ самъ, — вышибъ ихъ только изъ сѣдла, а рубить не сталъ. Король видитъ, что дѣло плохо, — неустойка на его сторонѣ, — велѣлъ зашабашить. — „Сдаюсь!“ говорить. — Встрѣтили потомъ этого богатыря съ хлѣбомъ солью въ городѣ, приняли во дворецъ, и пошелъ пиръ на весь Божій міръ! — Ну, королю хотъ и немного было до пиру, — неволя только одна заставила его на это согласиться, однако тоже пируетъ на ряду съ прочими. Вотъ потомъ и говорить онъ: „повременить бы, говорить, намъ надо бы со свадьбой-то полгодика, — дочь моя еще молода, — къ свадьбѣ мы еще неисправны, а когда лѣта ей выйдутъ, тогда мы исправимся и къ свадьбѣ настоя-

щимъ порядкомъ.“ — А онъ это съ хитростью говорилъ, думаетъ, не выищется ли покамѣсть въ это время хоть какой-нибудь защитникъ. Богатырь этотъ согласился, — сталъ ждать еще полгода. Конь потомъ и говоритъ Ивану: „Иванъ вдовинскій сынъ! — подика, говоритъ, — въ этотъ городъ, гдѣ ты былъ, купи-ка себѣ платье самое нищее и постарайся наняться къ этому королю во дворецъ въ рабочіе, а голову завяжи платкомъ и некажи ее никому до время!“ — Иванъ вдовинскій сынъ все это сдѣлалъ, голову завязалъ, одѣлся по-мужицки и пошелъ ко дворцу. Подходить къ нему, — видитъ, — садовникъ стоитъ. Онъ къ нему. Садовникъ и спрашиваетъ: — „что ты за человѣкъ? Кого ищешь? Али что спрашиваешь?“ — Я работы ищу! говоритъ Иванъ. — „А что ты умѣешь дѣлать?“ — Да что заставишь, говоритъ, — то и буду дѣлать: землю копать, возить ли что. — „Нѣтъ парень, говоритъ садовникъ, — ты еще молодъ, а работа у насъ тяжелая, земляная!“ — Ничего говоритъ, — я могу все работать, хоть и тяжелое. — Садовникъ отвелъ его въ садъ, заставилъ парники копать, землю возить. И здѣсь ихъ всѣхъ рабочихъ было человѣкъ 50 кромѣ его. Одинъ разъ копали они парники и дорылись до камня. Камень этотъ нужно было вытащить. Только они всѣ старались около него и никакъ ничего не могутъ подѣлать. А этого Ивана, вдовинскаго сына, садовникъ услалъ куда-то. Вотъ и стали эти рабочіе дѣлать блокъ, чтобы хоть имъ какъ нибудь вынуть этотъ камень. Сдѣлали блокъ, — только опять ничего у нихъ неудается: то веревка оборвется, то силы нехватаетъ и камень опять сядетъ, да сядетъ на свое мѣсто. Тутъ подходитъ къ нимъ Иванъ вдовинскій сынъ съ садовникомъ: — „что вы, говоритъ, — ребята дѣлаете?“ — Да вотъ, говорятъ, — камень вытаскиваемъ,

да никакъ вытащить не можемъ! — „Народу бы еще позвать!“ говоритъ садовникъ. — А Иванъ, вдовинскій сынъ, подошелъ къ камню, схватился за него: — „гляди, говорить, хозяинъ!“ — и точно мячикъ его выкинулъ! — „Вотъ ты, говоритъ, — говорилъ, что я молодъ, когда рядилъ, а вотъ теперя полюбуйся-ка на меня!“ — Ну, послѣ того такъ всѣ индо и упали съ диву и стали послѣ того рабочіе Ивана вдовинскаго сына побаиваться, а садовникъ и гораздо его уважать противъ прежняго. Такъ Иванъ вдовинскій сынъ работалъ съ мѣсяцъ. Въ одно время послѣ того захотѣлось ему поспать. Солнцемъ распарило, работа поумаила, вотъ онъ и прилегъ въ саду на клумбу головой. Долго думалъ онъ тутъ объ конѣ своемъ, гдѣ то онъ находится, увидится ли съ нимъ еще, думалъ, думалъ такъ, и потомъ крѣпко заснулъ, и проспалъ до самаго вечера. — А царевна всякій день ходила въ этотъ садъ во второмъ уповодѣ (послѣ полудня) гулять. Проходитъ въ этотъ разъ по саду и видитъ, — растянулся кто-то на дорожкѣ, головой лежитъ на клумбѣ и крѣпко спитъ. Царевна видитъ, что это кто-то изъ ихнихъ рабочихъ, — подошла, посмотрѣла и прошла мимо. Проходитъ другой разъ, — зашла къ этой клумбѣ со стороны, потянулась за цвѣткомъ, только и видитъ, что у этого рабочаго что-то блеститъ на головѣ. Она подошла къ нему тихонько поближе, стала разсматривать, — что за чудо! блестѣли у него волосы, какъ золото червонное! А онъ, значить, какъ заснулъ, платокъ-отъ на головѣ и растрепалъ, — волосы-то изъ подъ него и выбились! — Царевна, какъ увидала такое дѣло, такъ индо глазамъ своимъ насилу вѣрить, чтобы могли быть такіе волосы! Ста-
ла разсматривать ихъ ближе, нагнулась пониже, только зацѣпила нечаянно за кустъ, кустъ ударилъ Ивана, вдо-

винскаго сына, по лицу, онъ и вскочилъ тотчасъ же на ноги. Вскочилъ и видитъ царевну. Царевна и начинаетъ его спрашивать: „кто ты, и откуда, и какого рода?“ — Я, говоритъ, рода русскаго — простаго. — „Нѣтъ, говоритъ, не можетъ быть!“ — Онъ ей побожился. — „Твое лицо, говоритъ, доказываетъ, что ты не изъ простыхъ.“ — Нѣтъ, говоритъ, я простой, русскій мужичекъ. — Царевна спросила, какъ его зовутъ. Иваномъ, говоритъ. — Послѣ того царевна пошла во дворецъ, а онъ пошелъ въ свое мѣсто на работу. — Идетъ отъ него царевна и попадаетъ ей на встрѣчу садовникъ. Она и спрашиваетъ его: „давно ли, говоритъ, живетъ у васъ такой-то молодецъ?“ — Да не больше, какъ съ мѣсяцъ! говоритъ садовникъ. — „А что онъ у васъ дѣлаетъ?“ — Да что, говоритъ, — заставимъ: и землю копаетъ, и цвѣты поливаетъ, и прочее дѣлаетъ. — „А за чѣмъ, говоритъ, — онъ на головѣ платокъ носитъ, что жъ у него голова что ли болитъ?“ — Нѣтъ, говоритъ, чтобы земля въ волосы не набилась. — такъ, по крайности, онъ самъ рассказываетъ. — Тутъ она сказала, чтобы садовникъ ему полегче работу давалъ, — „для молодого человѣка, говоритъ, работа у насъ въ саду тяжела.“ — А садовникъ и говоритъ: — како, матушка, да онъ разъ у насъ вытащилъ одинъ одинешенекъ такой огромный камень, какой 50 человѣкъ тащили, тащили, да ничего и подблатъ не могли, а онъ его одной рукой вышвырнулъ, словно мячикъ, такъ что мы теперича даже всѣ его и побаиваемся. — Королевна стала тутъ думать, до гадать, что это, должно быть, какой-нибудь великій человѣкъ, и не изъ простыхъ, — и стала съ тѣхъ поръ чаще, да чаще въ садъ похаживать, на Ивана поглядывать. да разговаривать съ нимъ объ Руси. — Ну, такъ время шло мало-ли, много-ли. Только подъ конецъ надъ

этими, надъ братьями царевны, сосѣдніе короли стали шибко подсмѣиваться: „какіе вы, говорятъ, короли, — трусишки! Богатырь-то, который шелъ противъ васъ, и рубить-то васъ не сталъ, а только попугалъ, — изъ сѣдѣль повышибъ, а вы и того испугались! Нѣтъ, по нашему, какъ въ поле чистое выѣхалъ, такъ ужъ жить, или умереть, а на мѣстѣ стоять крѣпко.“ — Такъ писали къ нимъ сосѣдніе короли. Эти братья стали думать, да гадать: „что жъ и въ самомъ дѣлѣ надъ нами люди только смѣются, будто ужъ мы и въ самомъ дѣлѣ такіе! Умирать-то все равно, гдѣ не умирать! Не хотимъ же на посмѣхъ себя отдавать, — умремъ лучше за сестру, а ужъ за этого нарѣченнаго зятя за мужъ ее не отдадимъ.“ — Стали послѣ того они отца подбивать, своего тестя, чтобы искалъ онъ опять силу воинскую, у сосѣднихъ королей просилъ себѣ помощи. А сосѣдніе короли ему въ этомъ отказывали: „куды мы, говорить, — пойдемъ съ твоими зятьями — трусишками!“ — Это ихъ еще больше взрывало и рѣшились они одни только съ своей силой пойти на нареченнаго своего зятя. — Долго богатырь этотъ, нареченный ихъ зять, уговаривалъ оставить это дѣло, жалѣючи ихъ. — А они не соглашались и невѣстѣ очень не хотѣлось вытти за него замужъ. — „Ну, говорить, — когда такъ, — идете противъ меня, — такъ вывозите же и сестру свою,ставляйте въ чисто поле и силу воинскую!“ — Все было приготовлено въ нѣсколько дней. А наканунѣ сраженія Иванъ вдовинскій сынъ отправился къ коню своему, — свиснулъ, гаркнулъ. — конь очутился передъ нимъ. Иванъ вдовинскій сынъ и говоритъ ему: „здравствуй, конь мой любезный! Я объ тебѣ соскучился!“ — Скучать теперь нѣкогда, Иванъ вдовинскій сынъ! говоритъ ему конь, — а надѣвай-ка ратну бо-

евую сбрую, сѣдай меня, да садись-ка на сѣдло, — надо тебя попробовать, какъ ты по чисту полю разъѣзжать станешь, — саблю вострую въ рукахъ держать и съ богатырями воевать! — Съѣлъ Иванъ на коня и поѣхали. — Дорогой конь и говоритъ ему: ну Иванъ вдовинскій сынъ, что тамъ въ чистомъ полѣ Богъ намъ не дастъ, а только ты смотри, послѣ этого сраженья ни отнюдь никуда не-заѣзжай, какъ тебя ни будутъ просить! А опять туда же поѣзжай, откуда взялъ меня и самъ на работу иди потомъ во королевскій садъ! — Такъ они согласились съ Иваномъ, — подъѣзжаютъ къ чисту полю, а тамъ нарѣченный зять — богатырь ужъ силу воинскую и бьетъ и топчетъ, а царевна стоитъ, слезно плачетъ. — Иванъ свиснулъ, гаркнулъ на коня, — и помчался напѣ конь, словно моланья, — копытомъ земли не хватаетъ, а Иванъ только версты считать успѣваетъ! — Королева увидала ихъ издали и тотчасъ же подумала: „должно быть, это мой избавитель скачетъ!“ Иванъ поравнялся съ королевной, снялъ шапку, поклонился. — Королева ему ласково улыбнулась. Иванъ тотчасъ же помчался на богатыря, сразился съ нимъ, разъ, два, и убилъ его до смерти, однако и онъ его вышибъ изъ сѣдла. Кончилось сражение, конь и говоритъ: „ну, Иванъ вдовинскій сынъ, садись скорѣе на меня, а то сейчасъ тебя во дворецъ придутъ звать, — тогда прощайся со мной на вѣки!“ — Иванъ и говоритъ: и радъ бы сѣсть, да нога не позволяетъ, зашибъ меня шибко покойникъ! — Тутъ пришли звать его въ теремъ королевскій. — Онъ не согласился. — Наконецъ кое-какъ добрался до коня своего, съѣлъ и уѣхалъ. Тутъ все стали дивиться, да гадать: кто бы это былъ такой богатырь сильный? — Разно говорили, — однако никто правду не могъ отгадать. Ну, пошли по-

томъ во дворецъ съ радостью, что такъ благополучно дѣло кончилось. И согласились тутъ королевскіе зятья сказать своему тестю, что они этого богатыря побѣдили, а никто другой. Сказали такъ королю, — король имъ повѣрилъ, — сдѣлалъ пиръ великій въ честь своихъ зятьевъ и наградилъ ихъ щедро, — каждому по нѣсколь- ку губерній подарилъ сразу въ вѣчное владѣніе. — А королева, пришедши домой, стала думать: „не садовникъ ли это, Иванъ, былъ тотъ самый рыцарь? Что-то странно, говорить, — что онъ живетъ у насъ въ саду, а по всему видно, что роду онъ не простаго!“ — Подумала такъ королева и тотчасъ же позвала къ себѣ всѣхъ своихъ рабочихъ изъ сада. Стала считать, — всѣ на лице, — только одного не было — Ивана. — Королева стала спрашивать главнаго садовника: „гдѣ онъ?“ — Тотъ сказалъ, что ушелъ еще съ вечера и вотъ до сихъ поръ не бывалъ. — Королева ничего тутъ имъ не сказала, а только приказала тотчасъ же привести его къ ней въ теремъ, какъ воротится домой. — На другой день Иванъ воротился, всѣмъ ничего — здоровехонекъ, только на одну ногу прихрамываетъ. — Тотчасъ же повели его къ королевнѣ. Королева какъ увидала, тотчасъ же стала спрашивать: „куда онъ ходилъ вчера съ вечера? — Да въ гости говоритъ, — къ своимъ домашнимъ въ деревню. — „А гдѣ твоя деревня?“ Иванъ сказалъ, что далече. — Королева тутъ не стала съ нимъ больше разговаривать, а думаетъ только, что за этимъ человѣкомъ впередъ надо хорошенько примѣчать, да по-сматривать и узнать повѣрѣе его родословную. — Ну, потомъ она его отъ себя отпустила. Иванъ и принялся опять за прежнія работы свои въ саду. — Черезъ нѣ- сколько время подходитъ къ крѣпости этой самой сто-

лицы змѣй девятиглавый и требуетъ у короля дочь его за себя за-мужъ. — „Если ты не выдашь, говорить, — за меня дочь свою за-мужъ, то я тебя изведу всего, а королевство твое выжгу!“ — Король задумался, приходитъ къ своей дочери и объявляетъ, что такъ и такъ! — Зятя и говорятъ: „Э, батюшка, — богатырь наступалъ на насъ, — не этому чета, да и съ тѣмъ справились, а ужъ съ этимъ-то чудовищемъ и подавно справимся!“ — Посовѣтовался онъ такъ съ зятями своими и шлетъ посоль къ этому чудовищу, — что идетъ онъ противъ него, а дочь свою не отдаетъ. — Иванъ вдовинскій сынъ услышалъ объ этомъ съ вечера и чуть еще свѣтъ отправился къ своему коню. — Разказалъ, въ чемъ дѣло. — Конь и говоритъ ему: „еще это мнѣ не велика бѣда!“ — Утромъ взяли королевскую дочь, въ чистое поле вывели, нѣсколько богатырей и войска собрали. — Стали воевать съ чудовищемъ. — Чудовище сажень на 5 не подпускаетъ къ себѣ близко никого. — Такъ всѣхъ и жжетъ, и палитъ огнемъ и сталъ онъ войско королевское ужъ бить и давить шибко. — А Иванъ вдовинскій сынъ гдѣ-то въ это время замѣшкался. — Только ѣдитъ опять мимо королевской дочери, — она стоитъ, слезно плачетъ, видитъ, что ужъ немного королевскаго войска остается и обоихъ зятей ужъ ранилъ змѣй. Какъ она увидала Ивана вдовинскаго сына и подумала: „это тотъ же самый, мой избавитель, ѣдитъ!“ — Иванъ вдовинскій сынъ промчался мимо королевны, точно стрѣла пролетѣла. — Не доѣхалъ онъ до чудовища сажень 10, конь спотыкнулся у него, а змѣиный конь на колѣни палъ. — Тутъ змѣй закричалъ благимъ матомъ. — Они постояли нѣсколько время другъ противъ друга, — змѣй и говоритъ: „что жъ ты, Иванъ вдовинскій сынъ, призадумался? Въ

поле выѣхалъ, не думать!“ — Послѣ этихъ словъ они разѣхались и крѣпко ударились. — Иванъ вдовинскій сынъ срубилъ ему три головы сразу. Змѣй тутъ же упалъ съ коня долой. Иванъ вдовинскій сынъ ухватилъ змѣя, хотѣлъ послѣднія головы ему рубить, а тотъ сталъ его умолять, упрашивать: — „хоть послѣднія-то оставь!“ Иванъ вдовинскій сынъ сжалился, пустилъ его. А король смотрѣлъ въ это время въ подзорную трубку съ королевной, своей дочерью, вмѣстѣ, — и приказалъ послѣднему войску своему, чтобы просить безпримѣнно во дворецъ свой этого рыцаря. — А Иванъ вдовинскій сынъ промчался, словно вихорь мимо этого войска и короля и поѣхалъ прямо опять на то же мѣсто, гдѣ коня своего взялъ. Передѣлся тамъ опять въ рубище и идетъ въ садъ. А у короля послѣ этого сраженья пошелъ съ радости пиръ на весь міръ. Созвалъ онъ всѣхъ князей и бояръ, а королевна стала опять думать объ своемъ избавителѣ: „кто же онъ такой?“ и опять пришелъ ей въ голову садовникъ, — все думаетъ на него, что это долженъ быть онъ! — Во время бала стали зятья разговаривать, какъ они ее защищали, а она тутъ же при отцѣ и сказала имъ, что и въ первый-то разъ не они ее защитили, а все тотъ же рыцарь, который и въ этотъ разъ избавилъ ее отъ чудовища. Король ужаснулся этому, что его обманули свои зятья, — онъ на нихъ разгнѣвался и сталъ послѣ того чаще ходить къ дочери своей и стали вмѣстѣ они отгадывать: „кто бы это такой могъ быть, кто выискался защищать его королевство и дочь!“ Нѣсколько время жили они такъ, — все было тихо и спокойно. — Вдругъ опять подошелъ къ городу богатырь, привелъ съ собой силу войску необыкновенную, большую, — разставилъ по всѣмъ мѣстамъ множество шат-

ровъ и пустилъ возлѣ этихъ шатровъ коней своихъ гудать по лугу. Шлетъ потомъ къ королю пословъ и въ послѣ въ этомъ пишетъ, что „если ты не отдашь за меня свою дочь,—за Міулая,—то я все твое королевство выжгу и покорѣню!“ — Король еще болѣе задумался послѣ этого посла, потому что на зятьевъ своихъ, и на богатырей онъ ужъ пересталъ больше надѣяться, какъ узналъ, что они еще ни разу побѣды не одержали на чистомъ полѣ. Приходитъ къ королевнѣ съ этой грамоткой и говоритъ: „читай,—принесъ я къ тебѣ, дочка любезная, грамотку перадостную, — опять злодѣй какой-то подошелъ къ городу и требуетъ тебя у меня!“ — Королевна упала къ королю въ ноги: „папаша! говоритъ,—защити, не дай варвару меня въ руки!“ Старикъ прослезился, — сказалъ: „буду изъ всѣхъ силъ стараться, сколько моей мочи хватить!“ — Послѣ этихъ словъ приказалъ король позвать всѣхъ своихъ князей и бояръ, сколько ихъ ни есть. — Всѣ князья и бояры собралися. Король объявилъ имъ эту новость. Они всѣ вскричали въ одинъ голосъ: „идемъ за матушку королевну!“ — Отдалъ имъ король приказъ, гдѣ собираться и войскую силу, какъ можно больше, чтобы и старъ и младъ изъ его королевства выходили и дома оставались только развѣ увѣчныя, да женщины. — А Міулай опять шлетъ посолъ къ королю, чтобы собирался скорѣе въ войну вступать, что такъ замѣшкался? — Иванъ вдовинскій сынъ, какъ услышалъ объ этихъ сборахъ королевскихъ, сейчасъ же отпросился опять у садовника на сутки и спѣшить опять къ коню своему. Расказалъ ему,—такъ и такъ. Конь сейчасъ велѣлъ ему надѣвать ратну боевую сбрую и поѣхали они къ тому городу. Пока они ѣхали, а тутъ безъ нихъ ужъ война началась и Міулай — богатырь зятьевъ королевскихъ ужъ

всѣхъ поранилъ и силу войскую, королевскую такъ и рубить, и крошить, — и немного ужъ ея стало оставаться, почестъ что не больше тысячи человѣкъ, а тутъ, значить, и королевна ему доставалась за-мужъ. Королевна сама не своя стоитъ и просто убивается даже съ горя; — слезно плачетъ. И только изрѣдка посматриваетъ по сторонамъ, — не ѣдитъ ли откуда опять ея избавитель? Долго его не видать было вдругъ показался въ сторонѣ лихой всадникъ, — на конѣ мчится. Королевна сейчасъ же его признала и говоритъ королю: „вотъ мой избавитель опять ѣдитъ — теперича я ничего не боюсь, и вполне увѣрена, что онъ побѣдитъ сразу этого врага нашего!“ — Король также обрадовался — Вотъ Иванъ вдовинскій сынъ подъѣхалъ. — Видитъ, что мѣшкать нечего, — и такъ ужъ промѣшкалъ много въ дорогѣ, — сейчасъ же прямо ѣдитъ на Миулая: „ну, говорить, стройся теперича со мной!“ — Тутъ они разъѣхались и стали сражаться. Иванъ вдовинскій сынъ, какъ ударить этого Миулая и сразу пронзилъ его до сѣдла, — пополамъ, на двѣ части разрубилъ. Однако и Миулай его ранилъ въ руку. Тутъ король сейчасъ же приказалъ, чтобы всѣ заставы запереть и хватать этого рыцаря лошадей чтобы просить его во дворецъ! — А Иванъ вдовинскій сынъ, какъ только отъѣхалъ отъ Миулая конь ему и говоритъ: „на привѣтъ теперь. Иванъ вдовинскій сынъ, можешь, куда хочешь итти!“ — Тутъ Иванъ вдовинскій сынъ остановился, сталъ себѣ руку перевязывать. Сейчасъ же король съ королевной подошли къ нему со всей свитой и стали просить его къ себѣ во дворецъ. Иванъ вдовинскій сынъ, согласился, а король тутъ же вручилъ ему свою дочь и говоритъ: „будь ты моимъ зятемъ, если только тебѣ это не противно будетъ, потому что ты дочь

мою спасъ до трехъ разъ отъ разныхъ враговъ моихъ и она тебя за это заочно ужъ полюбила!“ — Иванъ, вдовинскій сынъ соскочилъ съ сѣдла, поцѣловалъ у королевны ручку, а съ королемъ обнялся. — Королевна тутъ перевязала ему руку своимъ платкомъ, а Иванъ вдовинскій сынъ за это поцѣловалъ ее. Тутъ конь говоритъ: „ну, Иванъ вдовинскій сынъ, теперича я тебѣ сослужилъ службу вѣрную за твое избавленіе меня отъ Духа, — теперь прощай и будь счастливъ!“ — Сталъ тутъ Иванъ вдовинскій сынъ прощаться съ конемъ своимъ, — оба слезно заплакали и благодарили другъ друга за услуги. — Ну, — дѣлать нечего, — хотъ и не хотѣлось Ивану вдовинскому сыну прощаться съ вѣрнымъ конемъ своимъ, а пришлось. — Простился конь съ своимъ всадникомъ и какъ вихорь скрылся изъ глазъ у всѣхъ. — Долго Иванъ вдовинскій сынъ смотрѣлъ ему во слѣдъ, а ужъ конь далече былъ. — Ну дѣлать нечего, — вздохнулъ Иванъ вдовинскій сынъ послѣдній разъ по конѣ своему и пошелъ вмѣстѣ съ королемъ и королевной во дворецъ. — Когда они шли во дворецъ, Иванъ вдовинскій сынъ снялъ съ себя шлемъ съ головы и вдругъ всѣхъ освѣтило отъ его волосъ. Королевна тутъ узнала своего избавителя, что это рабочій изъ сада ихъ былъ. — „Ахъ, — говоритъ, — я знаю теперь, кто ты мой милый рыцарь! Ты, — говоритъ, — до прежде этого въ саду у насъ жилъ въ садовникахъ!“ — Иванъ вдовинскій сынъ видитъ, что это дѣло не утаилось отъ королевны, сейчасъ же сказалъ, что точно такъ. — Тутъ королевна рассказала при всѣхъ, какъ она съ нимъ впервые разъ въ саду встрѣтилась, какъ потомъ догадалась, когда Иванъ вдовинскій сынъ въ первый разъ отлучался изъ сада, — какъ потомъ всякій разъ она все на него думала и все такое. — Тутъ ко-

роль сейчас же задалъ пиръ великій и было у нихъ торжество трехдневное по всему королевству. — Король велѣлъ открыть всѣ кабаки и погреба на свой счетъ и всѣ подданные у него въ винѣ, точно въ рѣкѣ купались. — Тутъ по всему городу пошелъ слухъ, что этотъ рыцарь необыкновенный былъ королевскій садовникъ, что онъ побѣдилъ и обоихъ тѣхъ богатырей и чудовище, которые подступали къ городу. — Всѣ садовники сошлись на Ивана вдовинскаго сына смотрѣть. — Тутъ стали къ свадьбѣ собираться. Ну, извѣстно, королю къ свадьбѣ не пиво варить, не вино курить, — всего этого добра завсегда было довольно. Сейчас же обвѣнчались молодые. Король далъ имъ все свое королевство въ распоряженіе, а самъ королевствомъ своимъ править отказался, говорить: „я ужъ старъ сталъ, — пора мнѣ на покой, — а вы люди молодые, — Королевство вамъ не въ тягость будетъ!“ — Ну, и стали они тутъ жить, да поживать, да добра еще больше наживать.

Теперича басня будетъ о другомъ братѣ. А другой братъ, Гриша, когда они разстались съ своимъ братомъ въ лѣсу, шелъ путемъ дорогою, шелъ, шелъ нѣсколько время, — приходитъ къ одному городу. — Дѣло ужъ къ вечеру было. — Попросился онъ ночевать въ одномъ домѣ. — Пустили его. — И стали его спрашивать: откуда и куда идешь? — И сжалился надъ нимъ этотъ хозяинъ, — купецъ, — какъ Гриша все поразсказалъ объ себѣ, и говоритъ ему: „не пойдешь ли ты ко мнѣ въ дѣти? Человѣкъ, — говоритъ, — я съ состояніемъ, а дѣтей у меня нѣту никого“. — Гриша тутъ горько заплакалъ: „я радъ, — говоритъ, — хоть куды, только бы кто взялъ, пріютилъ меня, сироту беззащитнаго!“ — Купецъ взялъ его къ себѣ въ дѣти. — Тутъ Гриша сталъ хорошо поживать,

на судьбу свою пересталъ жаловаться. — Живетъ годъ и другой — Купецъ обучилъ его грамотѣ, и къ торговлѣ, и сталъ Гришу отпускать въ чужія, дальнія страны съ товарами одного. — Гриша долго ѣздилъ и благополучно возвращался. — Одинъ разъ отправилъ его купецъ очень далече и на многое время. — Торговалъ Гриша хорошо, ѣдетъ потомъ домой и на возвратномъ пути запутался въ лѣсу, — а ужъ недалече отъ дома былъ, можетъ, въ нѣсколькихъ верстахъ. — Ѣздилъ, Ѣздилъ онъ тутъ по этому лѣсу, цѣлыхъ двое сутокъ, лошадь наконецъ устала, — нейдетъ. Что дѣлать? Гриша тутъ сталъ Бога просить и молиться, чтобъ онъ вывелъ его отсюда куда нибудь, — нѣту! — не найдешь дороги, да хоть ты что хощь дѣлай! — Пошелъ дальше, куда глаза глядятъ. — Смотрить вдругъ; и по лѣву и по праву сторону тропы! — Онъ пошелъ по этой тропѣ. Шелъ, шелъ, а тропинка все некончается. Онъ хотѣлъ было и назадъ вернуться, да только ужъ жалко стало, что много прошелъ! — „Авось, говорить, будетъ конецъ, — куда-нибудь да выйду въ поле!“ — Только слышитъ вдали конскій топотъ и ржеть лошадь. — „А! слава Богу! — думаетъ себѣ, — кто-нибудь, да ѣдитъ!“ — А самъ все ближе, да ближе подходитъ. — Только лошади нигдѣ онъ непримѣтилъ, а видитъ, — въ лѣсу-густомъ разгустомъ, въ трущобѣ самой густой, стоитъ теремъ. „Ну, слава Богу, — говорить, — насилу-то, — вотъ и село какое-то, барскій домъ!“ — Подходитъ къ этому терему, кругомъ заперто, и не души въ немъ невидать. Гриша задумался. — „Не туды ли, — говорить, — я попалъ, что рассказывалъ купецъ, — какой-то тутъ нечистый живетъ, — духъ?“ — А тутъ по окружности такой слухъ про него былъ. — Только выходитъ изъ терему старый, разстарый, съдой

старикашка: „а, — говоритъ, — здравствуй, добрый человекъ, чего ты тутъ ищешь, али кого спрашиваешь? — Дѣла пытаешь, али отъ дѣла лытаешь?“ — Здравствуй, — говоритъ Гриша, — дѣдушка, — дѣла не пытаю и отъ дѣла не лытаю, а вотъ, — говоритъ, — я заплутался, не поможешь ли мнѣ какъ выйти отсюда? „Нѣтъ, говоритъ старикъ, — какъ заплутался, такъ ужъ и не выйдешь отсюда никогда! Вотъ прослужишь, — говоритъ, у меня 12 лѣтъ, да какъ хорошо будешь служить, такъ въ ту пору и выведу, а до того время ни зачто не выведу!“ — Гриша упалъ ему въ ноги, — просить, чтобы Христа ради вывелъ, — старикъ ни зачто не согласился. Ввелъ его въ теремъ свой и закричалъ: „подавать сюда пить-ѣсть странному человеку, путешественнику!“ А самъ сталъ его спрашивать: кто онъ такой, куды ѣздилъ и все. — Гриша ему сказалъ. — „А! — говоритъ, — а я былъ вчерась въ той сторонѣ, въ которой ты торговалъ-то!“ Гриша усумнился. — Онъ ѣхалъ изъ этой стороны два года, а этотъ старикъ сказываетъ, что онъ въ сутки оттуда воротился. — „Въ самомъ дѣлѣ, — думаетъ Гриша, — туда попалъ, — къ духу!“ — Задумался Гриша. — Смотрить потомъ, несутъ имъ пить ѣсть! Несутъ и собаки, несутъ и козы, несутъ и жеребята! Гриша глядитъ и даже волосы дыбомъ у него становятся: „какъ, молъ, такъ могутъ служить за столомъ эдакіе животы? — Вѣрно, — говоритъ, — попалъ я къ духу и сумлеваться нечего!“ — Послѣ этого обѣда послалъ его духъ отдыхать, а послѣ отдыха повелъ его въ конюшню. — И стоятъ на конюшнѣ 12 жеребцовъ одинъ одного лучше, а промежду ихъ стоитъ верблюды съ двумя большими горбами, прикованъ на 12 цѣпяхъ. — Старикъ говоритъ Гришѣ: „Вотъ этихъ коней лелѣй, какъ самъ себя, а этому вер-

блюду давай ты только сѣма, а на сонъ грядущій 6 желѣзныхъ прутьевъ и бей ты его промежду ушей!“ — Ну, — Гриша ходилъ за этими животами годъ ли, два ли, — хозяинъ видитъ его вѣрность и вздумалъ послѣ того отлучиться изъ дому, что онъ такъ долго нигдѣ не бывалъ. — Пришелъ послѣдній разъ въ конюшню, долго разговаривалъ съ Гришей, отдавалъ приказанья ему, что и какъ безъ него дѣлать и онъ такъ надѣялся на Гришу, что какъ полетѣлъ, и сказалъ ему: „ну, Гриша, — я теперича надолго полечу, а тебѣ всѣ ключи отъ своего терема отдаю!“ — и далъ ему всѣ ключи. — Отправился духъ. И безъ него Гриша живетъ день, и два, и больше, и стало подъ конецъ ему ужъ очень скучно. Задалъ она разъ лошадямъ своимъ всѣмъ овса и сѣна, а самъ сѣлъ на порожкъ, въ конюшнѣ, призадумался объ старомъ своемъ житѣ и слезно сидитъ плачетъ, считаетъ года: много ли ему дослуживать? — Ему каждый годъ за 10 кажется! — Вздумалъ онъ потомъ коней хозяйскихъ выпустить погулять. Выпустилъ, а самъ усѣлся опять на томъ же порожкѣ и опять заплакалъ. — Верблюдъ вдругъ и говоритъ ему человѣчьимъ голосомъ: „жалко мнѣ тебя, — говоритъ, — молодой человѣкъ! Вижу, что тебѣ моркотно здѣсь приходится, да не тоскуй, — говоритъ, — слезами горю не поможешь, а давай-ка, лучше думать, какъ бы намъ отсюда обоимъ выбратся!“ — Гриша испугался и обрадовался, что верблюдъ заговорилъ съ нимъ человѣчьимъ голосомъ. И подумалъ онъ тутъ же: „это, должно быть, то же какой-нибудь духу подобный волшебникъ!“ — И спрашиваетъ его: „а кто ты такой, что говоришь человѣчьимъ голосомъ?“ — Я, — говоритъ, — волшебникъ самъ, да попался послѣ сраженья къ твоему хозяину въ плѣнъ, и сначала, — говоритъ, —

мнѣ житье здѣсь было хорошее, потому что я научилъ духа, какъ взять въ плѣнъ еще другаго волшебника, коня. Этотъ конь тоже здѣсь содержался, да его освободилъ твой братъ, Иванъ. — Они оба уѣхали, а меня вотъ съ тѣхъ поръ за нихъ посадили на 12 цѣпей и мучаютъ немилосердно каждый день! — Гриша тутъ спросилъ въ подробности, какъ братъ его жилъ въ терему у духа. Верблюдъ все ему рассказалъ, потомъ и говоритъ: „откуй меня, Гриша, дай мнѣ по волѣ погулять, съ силами собраться. Гожусь я тебѣ впередъ. Я изнемогъ совсѣмъ, 30 почестъ лѣтъ стою на одномъ мѣстѣ, въ одномъ стойлѣ!“ — Гриша и говоритъ: какъ же я тебя раскуюто? буду отковывать, лошади услышатъ, подадутъ вѣсть духу, — тогда бѣда намъ будетъ? — „Ничего, — говоритъ верблюдъ, — этихъ лошадей ты не бойся; они ни человѣческаго голоса, ни человѣческихъ дѣловъ не понимаютъ. — Они намъ не помѣха!“ — Гриша тотчасъ загналъ лошадей всѣхъ въ конюшню, по своимъ мѣстамъ, въ стойла, и сталъ отбивать у верблюда цѣпи. Одну отобьетъ, другую станетъ, а та опять ни въ чемъ не вредима, опять сама сковалась. Верблюдъ и говоритъ ему: „поди, — говоритъ, — Гриша, въ теремъ и въ его спальнѣ есть западня и увидишь ты тутъ сабли и копыя и мечи боевые, — то ты небери нарядныя, а возьми самыя послѣднія — мечъ, и копье, и саблю вострую!“ — Гриша пошелъ, все нашелъ, приносить это къ верблюду. — Верблюдъ и говоритъ: „приложи только эту саблю къ цѣпямъ моимъ—они тотчасъ и отлетятъ въ стороны сами. Я только и сижусь изъ за этой сабли и копыя, — вся сила моя въ нихъ. — Изъ за нихъ только духъ и взялъ надо мной большинство, а то невидать бы ему меня!“ — Гриша только что вынулъ изъ ноженъ саблю, цѣпи и стали ло-

паться одна за другой. А послѣднюю отъ радости верблюдь ужъ самъ перломилъ. Какъ освободился верблюдь отъ цѣпей своихъ и говоритъ Гришѣ, „небойся теперича, Гриша! Хоть твой хозяинъ теперича и сейчасъ накрой насъ, — ничего ужъ онъ теперь намъ съ тобой не сдѣлаетъ. Онъ будетъ бояться насъ самъ, только махни на него этой саблей, такъ на нѣсколько верстъ отлетитъ отъ тебя!“ — Ну верблюдь тутъ погулялъ немножко по двору, подышалъ свѣжимъ воздухомъ, силъ набрался и поѣхали они. — Прилетаетъ потомъ въ скорости духъ въ свой теремъ, идетъ въ конюшню и видитъ, — нѣтъ верблюда! — Это его не такъ устало — Пошелъ онъ въ свой теремъ и видитъ, что западня его открыта, — входитъ туда, посмотрѣлъ и говоритъ: „а! взяли ратну боевую сбрую, да ошиблись, — не то попало! — А какъ посмотрѣлъ хорошенько, такъ даже и завопилъ благимъ матомъ на 12 голосовъ и закричалъ: „погибъ я теперича! совсѣмъ погибъ!“ — А онъ только и боялся этого оружія, которое Гриша-то съ собой увезъ! — Его никто не могъ побѣдить, только вотъ это оружіе! — Бросился тотчасъ духъ въ погонь за ними, — догоняетъ! — Верблюдь и говоритъ: „Гриша! за нами погоня!“ — Какъ, — говоритъ Гриша, — погоня, да насъ и стрѣла-то недогонитъ, — ктожъ насъ можетъ догнать? — „Нѣтъ, — говоритъ верблюдь, — проклятый хозяинъ твой близко ужъ!“ — Гриша оглянулся, — ничего не видитъ: да гдѣ жъ, говоритъ, онъ? — „А вонъ, — говоритъ, туча подымается изъ за лѣсу, — въ этой тучѣ-то онъ мчитъ. Только ты, — говоритъ, — Гриша, подпусти его къ себѣ поближе, да тутъ не дремли, ужъ и валяй!“ — Ладно! говоритъ. — Вотъ духъ летитъ на нихъ прямо, догоняетъ ужъ близко, — только видитъ отпору нѣту, — обрадовался, — ду-

маеть: „не потеряли ли ужъ они какъ боеваго-то прибора?“ — И только было Гришу схватить, тутъ Гриша какъ махнетъ по облаку мечемъ, — такъ на двое сразу и разнесъ его. И увидалъ онъ тутъ на землѣ своего хозяина. И такъ онъ тутъ простоналъ, что земля задрожала, — дикимъ голосомъ заревѣлъ, — значить, онъ ужъ пропалъ совсѣмъ! — „Ну, — говоритъ верблюдь Гришѣ, — а намъ теперича можно и отдохнуть!“ — Пустилъ тутъ Гриша своего верблюда, а самъ легъ отдохнуть. Одохнули и опять поѣхали путемъ дорогой. Только ѣдутъ и разговариваютъ промежду себя: „что жъ ты, Гриша! — говоритъ верблюдь, — чего отъ меня желаешь? Какой награды?“ — Я, — говоритъ, — ничего не желаю, только вывези ты меня пожалуйста отсюда на свою сторону. — „Ты не торопись на свою сторону, — говоритъ ему верблюдь, — еще успѣешь, будешь на своей сторонѣ. А я тебя, — говоритъ, — еще прославлю по всѣмъ землямъ за твою услугу!“ — Гриша на это согласился. „Ну, а коли такъ, — говоритъ верблюдь, — такъ заѣдимъ по дорогѣ сначала къ отцу моему, — онъ наградитъ тебя на дорогу своимъ добромъ, — чѣмъ ты хочешь: силой ли, богатствомъ ли, добрымъ ли конемъ! Что тебѣ дастъ отецъ, ты все это бери, а я тебѣ все-таки и самъ послужу помимо его!“ — Ну, такъ они въ этихъ разговорахъ и пріѣхали къ отцу верблюдову. А онъ былъ то же волшебникъ великій. — У этого отца были заповѣдныя луга. На эти луга никто не могъ ни пройти, ни проѣхать. Кругомъ обведены были они мертвыми водами: кто проѣдетъ мимо, тутъ же и умретъ. Отецъ повелъ ихъ гулять въ эти заповѣдныя луга и верблюдь сталъ его тутъ просить объ Гришѣ. Отецъ сказалъ: „хорошо, будетъ награжденъ!“ — Подводитъ потомъ онъ ихъ къ одному мѣсту.

Тутъ стоять 4 дуба. — Онъ и говоритъ: „вотъ мое вамъ награжденъе, берите, какъ знаете!“ Посмотрѣли верблюды съ Гришей. Тутъ лежали 3 желѣзныя плиты. Верблюдъ заставилъ здѣсь Гришу рыть землю. Гриша сверху откопалъ, а плиты никакъ не можетъ поднять. Верблюдъ видитъ, что онъ такой безсильный, сталъ самъ копытомъ рыть и точно щепы какія повыбросилъ вонъ эти плиты. И смотритъ Гриша, тамъ западня и въ западнѣ той желѣзная дверь. Онъ эту дверь отворилъ, — видитъ, — еще дверь. Эта дверь замкнута 3 замками, такими огромными, что Гриша ихъ даже и не поворотитъ. Верблюдъ копытомъ ударилъ, — дверь живой рукой отворилась. Смотритъ Гриша: еще больше той дверь и тутъ 12 замковъ еще больше. И здѣсь верблюдъ отворилъ, а Гриша ужъ даже и не старался около нихъ. Отворили эту дверь, смотрятъ: тамъ конь стоитъ, — настоящая картина, — шея дугой, хвостъ трубой, и по праву и по лѣву сторону его быють два фантала. — Гриша обрадовался коню, а конь сѣдоку. Гриша сталъ его гладить и ласкать. А конь слышитъ, что сѣдокъ не по немъ, сталъ на него тоуриться. Верблюдъ и говоритъ: „умойся-ка, Гриша, изъ лѣваго фантала!“ — Гриша умылся. — И сталъ такой молодецъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Конь на Гришу сталъ милѣе глядѣть. — Верблюдъ и говоритъ: „ну-ка, Гриша, выпей-ка отцовской водички!“ — Гриша тотчасъ выпилъ чашку и двѣ. — Гриша тутъ сталъ чувствовать въ себѣ необыкновенную силу. — „Ну-ка, — говоритъ верблюдъ, — погладь своего добраго коня!“ — Гриша погладилъ. Конь сталъ у всадника руку слышать. „Ну-ка, — говоритъ верблюдъ, — выпей-ка третью чашу, — безъ троицы домъ не строится!“ — Гриша выпилъ. — „Ну-ка, говоритъ, надѣнь уздечку, — осѣдлай своего добра-

го коня!“ — Гриша осѣдлалъ. — „Ну-ка сядь на него, — я на тебя посмотрю!“ — Гриша сѣлъ, — конь подъ нимъ подгибается, — по чисту полю растилается. — Гриша долго на немъ ѣздилъ, потомъ наѣздили и пустили его опять въ заповѣдныя эти луга гулять по травѣ. — Верблюды и говорятъ: „ну, теперича пойдемъ къ отцу, попросимъ у него благословенія, да поѣздимъ вдвоемъ по подлуннымъ сторонамъ, а конь твой пусть пока здѣсь останется!“ Приходятъ къ отцу. Отецъ ихъ встрѣчаетъ въ терему своемъ, — ну, — и жили они тутъ хоть сколько-нибудь. — Верблюды и говорятъ: „ну, Гриша, надо намъ теперича отправиться — людей посмотреть и себя показать!“ — Гриша согласился. Верблюды попросили благословенія у отца, — онъ далъ имъ и далъ еще свой мечъ-кладенецъ. Тутъ они поѣхали. Пріѣзжаютъ къ одной землѣ. Тутъ царствуетъ королева. Она то же волшебница. И было у ней въ то время 12 богатырей. — Съѣхались они къ ней силы свои пробывать. Выходятъ разъ на поединокъ: кто кого побьетъ! — Бились, бились много, а Гриша все смотритъ издали, — ему все дико кажется вступить съ ними въ бой. — Вышла потомъ на поединокъ сама Королева, — она то же богатырша была, — и всѣхъ этихъ богатырей побѣдила. Предлагаетъ она потомъ Гришѣ: „неудобно ли, — говоритъ, — молодой человѣкъ, тебѣ со мной сразиться!“ — Гриша не смѣлъ отказаться. — Разъѣхались. — Королева такъ его ударила, что онъ покачнулся и чуть-чуть изъ сѣдла не вылетѣлъ, однако удержался. — Королева тутъ же ему сказала: „ты самъ молодъ, а сила у тебя стара!“ — Въ другой разъ они разъѣхались. Тутъ Гриша такъ ее ударилъ, что вылетѣла она изъ сѣдла сажень на нѣсколько, и всѣ богатыри сказали: „честь и слава молодцу, что по-

бѣдилъ такую богатыршу!“ — Тутъ всѣ признали его за богатыря великаго. Сейчасъ же королевна пригласила его къ себѣ во дворецъ и тутъ онъ познакомился со всѣми богатырями. И стала его тутъ королевна упрашивать остаться у нея въ число 12 этихъ богатырей, да Гриша не согласился, — Верблюдь ему не велѣлъ. Ну, жили они тутъ, должно быть, года съ два, выѣзжали не разъ въ чистое поле на поединокъ и Гриша завсегда всѣхъ побѣждалъ. Только выѣхали они разъ всѣ прогуливаться, — въ томъ числѣ и Гриша былъ, — смотреть направо, — а тамъ, въ заповѣдныхъ лугахъ королевниныхъ раскинуты шатры и гуляютъ тамъ лошади по травѣ. — Королевна сейчасъ къ нимъ подѣхала и говоритъ: „кто это могъ быть такой невѣжа, что осмѣлился пустить на мои луга своихъ лошадей и шатры раскинуть безъ моего спроса? — Чтобы убирались, — говоритъ, — всѣ вонъ отсюдова, не то прикажу всѣхъ лошадей и этихъ людей въ плѣнъ взять!“ — Выходятъ изъ шатра 12 молодцевъ, — одинъ къ одному и всѣ вооруженные. Мы пріѣхали, — говорятъ они королевнѣ, — силы свои пытать, такъ какъ наслышаны, что здѣшная королевна охотница въ чистомъ полѣ на поединокъ разѣзжать, такъ мы и хотѣли здѣсь помѣрить свои силы! — Ну, а теперича, такія слова слышавши, идемъ противъ нея, чтобы выѣзжала она въ чистое поле съ своими богатырями! — А они, значить, такъ говорили ей не зная, а думали, что это какая-нибудь простая барыня, али приближенная королевнѣ, только за королевну ее не приняли. — Королевна разгнѣвалась, услышавши такія рѣчи, тотчасъ приказала богатырямъ своимъ приготовиться и имъ говоритъ, чтобы выѣзжали. — 12 молодцевъ тотчасъ собрались, выѣхали въ чистое поле, а тутъ къ нимъ прибыли скоро и 12 богатырей ко-

ролевниныхъ. — Стали они выѣзжать другъ противъ друга на поединокъ по одному съ каждой стороны. — У королевны ужъ 6 богатырей ранены. Ей жалко ихъ и досадно. — Разъярила она тотчасъ коня своего и хочетъ ѣхать. — Гриша тотчасъ подѣхалъ къ ней и говоритъ: „позвольте, ужъ лучше мнѣ въ сраженьи умѣреть, чѣмъ вамъ!“ — Королевна согласилась. — Гриша выѣхалъ, а противъ него выѣхалъ съ той стороны самый могучій богатырь, — изъ всѣхъ ихъ первый. — Развѣхались они, сразились и Гриша вышибъ его изъ сѣдла и такъ его ударилъ, что тотъ сейчасъ же сдѣлался безъ чувствъ. — Тѣ сейчасъ же, — товарищи-то его, — подали ему холодной воды, стали его умывать и на грудь лить. Даже Гриша сжалился. Слѣзъ съ сѣдла своего и сталъ вмѣстѣ помогать, какъ бы его оживить. Смотритъ на груди образокъ знакомый, отъ матери, — тотчасъ же подумалъ: „по кресту братъ мнѣ!“ — А впрочемъ и то думаетъ: „неужели братъ мой сталъ такимъ богатыремъ?“ — Ну, всѣ тѣ остальные богатыри, товарищи этого сдались ужъ на мировую, видятъ, что Гриша не въ силу имъ. — У нихъ былъ этотъ самый главный богатырь, а онъ и того съ одного маху сразилъ, чего же ужъ имъ-то ждать отъ него, — всѣхъ приколотить до смерти! — Стали они тутъ у королевны прощенья просить, — что „мы вамъ, — говорятъ, — покорные слуги во всякое время, — въ случаѣ нужды какой, — говорятъ, — али войны мы завсегда за васъ заступимся, только кличь кликните!“ — А промежду этого очнулся и тотъ раненный богатырь. Всталъ съ земли. Королевна подходитъ къ нему и предлагаетъ ему лошадь: „неугодно ли, говоритъ, доѣхать до дворца моего!“ И просила она тутъ къ себѣ во дворецъ всѣхъ этихъ богатырей. — Они согласились, — пріѣхали — и

долго у ней жили. — А Гриша все думаетъ: „какъ бы узнать родословную у этого богатыря, — кто онъ?“ — Только все какъ-то не приходилось, — товарищи его все при немъ, — а при нихъ Гришѣ не хотѣлось его спрашивать объ этомъ. — Вотъ только разъ подступаетъ къ граду этому множество войское съ богатыремъ и шлетъ онъ къ королевнѣ этой посолъ: „ежели ты не пойдешь за меня замужъ, то я увезу тебя и посажу въ темницу, а все твое царство сожгу и разорю!“ — Она этотъ посолъ прочитала, стала съ богатырями совѣтоваться и тутъ же приказала войску своему собираться. — Думаетъ: „богатырей теперь у меня сколько и войска, слава Богу, довольно, — что же они мнѣ сдѣлаютъ?“ — Посмотрить потомъ въ подзорную трубку за свой градъ: — несмѣтная сила стоитъ! — Она очень тутъ испугалась. „А впрочемъ, — думаетъ, — ничего! Авось Богъ поможетъ!“ — Богатыри ее всѣ ободряютъ и совѣтуютъ: какъ противъ этого войска выходить, по одному ли, или всѣмъ въ разъ. — Ея старый дядя, федмаршалъ, разставилъ войское, и конницу и пѣхоту, — на чистомъ полѣ, а потомъ и богатыри поѣхали. — Только пока эти богатыри ѣхали, а тотъ богатырь и конницу и пѣхоту королевнину ужъ всю разбилъ и побилъ. Одинъ только изъ нихъ остался, пріѣхалъ сказать богатырямъ королевнинымъ, что такъ и такъ. Богатыри эти тотчасъ же пріударили коней и мчатъ въ чистое поле. Стали сражаться по шести человекъ съ каждой стороны въ разъ, — только королевнины богатыри не успѣваютъ даже и выходить противъ тѣхъ. Самый главный богатырь съ той стороны такъ и бьетъ и колетъ ихъ. — Королевна видитъ, — дѣло плохо, — сама надѣла на себя шлемъ и ратну боевую сбрую и хочетъ ѣхать. — А Гриша и говоритъ: „дозвольте мнѣ, — я

одинъ съ ними управлюсь!⁴ — королевна согласилась. Гриша поѣхалъ. Тутъ королевна поцѣловала его въ лобъ, говоритъ: не въ послѣдній ли разъ, молодой человѣкъ, ты хочешь сражаться за меня, — увидимся ли еще! — „Авось Богъ!“ — говоритъ Гриша. И поѣхалъ. — Подъѣзжаетъ къ непріятелю, а тотъ и смѣется надъ его верблюдомъ: ишь, — говоритъ, — на какомъ горбатомъ выѣзжаетъ, а самъ спрятался между горбами его, — ну, говоритъ, должно быть, это воинъ будетъ! — „Несмѣйся, — говоритъ Гриша, — а равняйся-ка лучше!“ — Тутъ они поравнились, — разъѣхались, — Гриша какъ ударилъ его, — словно муху вышибъ изъ сѣдла! — Этотъ полетѣлъ Богъ знаетъ куда, а Гриша принялся его войское крошить. И не столько онъ бьетъ, сколько верблюды его, и все войское перебилъ и въ грязь потопталъ. — Тутъ непріятель его опять всталъ, вскочилъ на сѣдло и говоритъ: „не уѣду живой съ поля, — выѣзжай опять на поединокъ!“ — Гриша выѣхалъ противъ его, — разъѣхались; — Гриша собрался со всѣми своими силами, да какъ хватить его мечемъ-кладенцемъ, что верблюдовъ отецъ ему подарилъ, и повалилъ того богатыря сразу на землю за мертво. — Однако и тотъ соперникъ ранилъ его въ руку. — Ну, значить, ужъ кончилось сраженіе. Гриша отѣхалъ въ сторону для перевязки руки. Тутъ къ нему подѣхала королевна, перевязала сама ему руку и благодарила за услугу. Потомъ подѣхали остальные богатыри, которые въ живыхъ остались и ссаживали его съ верблюда. Потомъ королевна пригласила всѣхъ ихъ къ себѣ во дворецъ. Они согласились. Королевна сама впередъ поѣхала, чтобы распорядиться насчетъ пира, и велѣла въ слѣдъ за собой ѣхать всѣмъ богатырямъ, кромѣ одного, съ которымъ Гриша въ первый разъ сражался за

королевну и просила его сопровождать Гришу въ дорогѣ, какъ онъ былъ раненъ. — Ну, когда Гриша поѣхалъ съ этимъ богатыремъ вмѣстѣ, вдвоемъ только, тутъ они и разговорились промежду себя про свою родословную: кто они такіе? Тутъ они узнали, что они братья, — крѣпко обнялись, долго плакали другъ объ другѣ съ радости, — вспоминали о старомъ и поклялись впередъ другъ съ дружкой почаше видаться. Ну, потомъ они пріѣхали во дворецъ. Королевна сейчасъ же задала чудесный пиръ. Тутъ на этомъ пиру королевна сказала Гришѣ, что незнаетъ, чѣмъ заплатить ему за его услуги „и кабы, — говоритъ, — непротивно было вамъ, молодой человѣкъ, такъ я бы даже готова была вытти за васъ за мужъ!“ — Гриша на это согласился. — Сейчасъ же за свадьбу принялись. — Богатыри на этой свадьбѣ ѣли столько, что чуть не по быку на каждого въ сутки доставалось, а вина и браги по бочкѣ, да по ушату на каждого выходило. Отпировали свадьбу, — поѣхали потомъ всѣ въ гости къ верблюдову отцу. — Здѣсь пировали они двое сутокъ. Верблюдъ здѣсь дома остался. А Гриша взялъ коня своего, котораго подарилъ ему верблюдовъ отецъ, да съ молодой женой, да съ братомъ, да съ остальными богатырями поѣхалъ въ тотъ городъ, въ которомъ онъ у купца воспитывался. — Извѣстно тотъ радъ. — Сначала долго не узнавалъ Гришу, потомъ призналъ и тутъ они пировали двѣ недѣли. — Взяли потомъ этого купца съ собой, поѣхали въ гости къ Ивану вдовинскому сыну. — Здѣсь пировали у него цѣлыхъ два мѣсяца. — Потомъ распрощались и каждый поѣхалъ къ своему мѣсту: Гриша въ женнино королевство, королевствомъ вмѣстѣ съ ней править, да съ богатырями разными силы свои мѣрить; — купецъ отправился въ свой городъ къ своей торговлѣ. Гри-

ша какъ не просилъ его переѣхать къ нему въ королевство, — купецъ никакъ не соглашался, — отговаривался тѣмъ, что привыкъ къ своему городу и сосѣдямъ. А Иванъ вдовинскій сынъ остался дома. — Я у него часто бывалъ, медъ пивалъ, дѣтей крестилъ и за просто гащивалъ. —

(Записана въ Бронницкомъ уѣздѣ Моск. губерніи.)

4. Али-баба Мустафа и Али-баба.

Жили въ одномъ городѣ два брата: одинъ Али-баба Мустафа, старшій братъ, а другой, Али-баба, меньшей братъ. Жили они сначала вмѣстѣ и жили богато, потомъ вздумали раздѣлиться. Раздѣлились. Только при этомъ раздѣлѣ большой братъ такъ отдѣлилъ меньшаго, что даже просто ничего ему не далъ. Ну, дѣлать нечего, такъ они и стали жить. Только вотъ послѣ того однажды Али-баба вздумалъ съѣздить въ лѣсъ по дрова, запрехъ пару ословъ. А въ той губерніи, видишь ли, обыватели-то все на ослахъ ѣздить, какъ въ Малороссіи хохлы пашутъ землю на волахъ своихъ. — Ну, запрехъ онъ этихъ ословъ, пріѣзжаетъ въ лѣсъ, отпрехъ ословъ, пустилъ ихъ на траву гулять. — Только вдругъ слышитъ лай собакъ и конскій топотъ. — А онъ слышалъ еще допрежде того, что въ этомъ лѣсу живутъ разбойники. Онъ тотчасъ взлѣзъ на елку и сидитъ. Пріѣзжаютъ разбойники. — Атаманъ тотчасъ подходитъ къ горѣ, а гора-то эта тутъ не въ отдаленности была, и говоритъ горѣ: „сазанъ, отворись!“ — Гора отворилась. Всѣ разбойники тотчасъ вошли въ нее, нѣсколько время побыли тамъ и опять уѣхали. Али-баба это слово запомнилъ, тотчасъ слѣзъ по-

томъ съ елки, запрехъ опять ословъ своихъ; подходитъ къ горѣ и говоритъ: „сазанъ отворись!“ — Гора отворилась. И видитъ онъ тамъ драгоценности разныя: каменья, золото, серебро, парчи, бархатъ, плисъ. Онъ и началъ хорошихъ вещей накладывать на телеги, — накласть возъ, — выѣхалъ изъ горы, сказалъ: „сазанъ затворись!“ — и гора затворилась. Взялъ онъ потомъ этотъ возъ, закласть сверьху ельничкомъ и поѣхалъ. Приѣзжаетъ домой ночью, убралъ все это добро, никто не видалъ. Съ тѣхъ поръ сталъ Али-баба жить богато и роскошно. — Догадался большой братъ объ этомъ, началъ спрашивать: „отъ чего ты разбогатѣлъ?“ — Меньшой братъ рассказалъ все подробно, — не сказалъ только одного, — что нужно сказать: „сазанъ отворись!“ когда будетъ изъ горы выѣзжать. — Большой братъ запрехъ 16 ословъ и поѣхалъ. Приѣзжаетъ къ этой горѣ, говоритъ: „сазанъ отворись!“ — Гора отворилась. Онъ въѣхалъ въ гору, наложилъ всѣ 16 возовъ самыми хорошими вещами, да только и не знаетъ, какъ сказать, чтобы гора-то отворилась. Думалъ, думалъ такъ Али-баба Мустафа, — ничего не выдумалъ. Приѣхали разбойники, входитъ Атаманъ въ гору, видитъ, что многихъ вещей нѣту, а Али-баба Мустафа тутъ съ возами и говоритъ: „ахъ ты мошенникъ, ты красть сюда къ намъ приѣхалъ? Ребята! изрубить его въ мелкіе куски!“ — Ну, его тотчасъ же и изрубили. Меньшой братъ думаетъ: „что долго брата нѣту, Али-бабы Мустафы? дай-ка, говоритъ, — пойду я самъ, да узнаю!“ — Приѣзжаетъ къ горѣ, говоритъ: „сазанъ отворись!“ — Гора отворилась. Входитъ въ гору и видитъ своего брата мертвого, изрубленнаго въ куски. Онъ взялъ его, положилъ въ мешокъ и повезъ домой. И думаетъ дорогой Али-баба: „какъ бы схоронить брата? Вѣдь такъ нельзя похоронить

его, изрубленнаго. Нѣтъ! Схожу-ка я за портнымъ, да сошьемъ его!“ — Пріѣзжаетъ домой, пошелъ къ портному, который мѣха сшивалъ и говоритъ: „вотъ тебѣ 1000 цѣлковыхъ, возьми у меня сшить мѣхъ, только съ тѣмъ уговоромъ, чтобы никому объ этомъ не говорить!“ — Портной согласился. Али-баба завязалъ портному глаза платкомъ и повелъ его въ свой домъ. Приводитъ, далъ сшивать ему братово тѣло. Портной сшилъ. Али-баба далъ ему 1000 цѣлковыхъ. Ну, потомъ его и похоронили. — Вотъ потомъ Атаманъ пріѣхалъ въ свою гору, — хватился, — нѣтъ ихъ плѣнника и говоритъ: „ну, ребята, давайте разыскивать его!“ — Давайте! говорятъ разбойники. Вотъ Атаманъ пріѣхалъ въ этотъ городъ, гдѣ жилъ Али-баба съ портнымъ, — открылъ магазинъ въ томъ домѣ, гдѣ жилъ портной, познакомился съ нимъ, сталъ потомъ спрашивать: „не слыхать ли чего въ городѣ? Не разбогатѣлъ ли кто?“ — Портной и говоритъ: вотъ одинъ разбогатѣлъ и я у него даже какое-то изрубленное тѣло сшивалъ.“ — Атаманъ сейчасъ же привязался къ портному: „гдѣ, да гдѣ этотъ домъ?“ — Портной говоритъ: не знаю! я ходилъ туда съ завязанными глазами! А впрочемъ, говоритъ, — когда я оттуда вышелъ, такъ на воротахъ написалъ краснымъ карандашемъ два креста. Атаманъ и говоритъ: „пойдемъ же этотъ домъ по городу искать!“ — Пойдемъ, говоритъ портной. Тотчасъ же пошли они по городу и нашли этотъ домъ. Атаманъ сталъ ходить въ этотъ домъ, познакомился съ Али-бабой. Однажды Али-баба вздумалъ сдѣлать балъ, — собралъ гостей и Атамана пригласилъ. Приходитъ Атаманъ къ Али-бабѣ, стала дѣвушка одна снимать съ него (Атамана) шубу и какъ-то подъ сюртукомъ замѣтила у него огромный ножъ. Собрались гости, пируютъ, веселятся, музыка гудитъ. Дѣву-

шка вызываетъ своего хозяина и говоритъ: „хозяинъ! позвольте мнѣ нарядиться въ черкесское платье и поплясать у васъ!“ — Хозяинъ согласился, говоритъ: ничего, попляши, я даже буду очень радъ. — Дѣвушка нарядилась и пошла плясать. Плясала, плясала, подходитъ потомъ къ Атаману, — схватилась съ нимъ плясать. Атаманъ пошолъ. Пляшутъ. Вдругъ во время пляски дѣвушка-то какъ выхватить у Атамана изъ-подъ сюртука его ножъ, да прямо въ грудь имъ Атаману. И зарѣзала его тутъ. Гости всѣ вдругъ закричали: что, что такое?— „Ничего, — говоритъ дѣвушка, — это, должно быть тотъ самый атаманъ, у котораго изъ горы мой хозяинъ драгоценности разныя увезъ, — такъ онъ, должно быть, ему отомстить за это хотѣлъ!“ — Стали послѣ разыскивать: кто именно это былъ?— И оказалось точно, что это былъ тотъ самый атаманъ-разбойникъ. Али-баба послѣ того наградилъ эту дѣвушку очень щедро и отпустилъ ее даже на волю, потому онъ какъ разбогатѣлъ-то, такъ даже въ господа и самъ-то вышелъ.

(Записана со словъ двороваго человека въ Москвѣ.)

5. Волшебная дудочка.

Жилъ-былъ крестьянинъ. У него было три сына: два умныхъ, а третій дуракъ. У нихъ была посѣяна пшеница. И повадился кто-то ходить къ нимъ въ эту пшеницу и много топчетъ. Вотъ мужикъ посылаетъ своего большаго сына караулить пшеницу. Большой сынъ пошолъ. Приходить въ огородъ, сѣлъ подъ кустъ, сидѣлъ, сидѣлъ, до полночи просидѣлъ, да и заснулъ. Проснулся потомъ къ утру, посмотреть, — больше того натоптано! — Приходить къ отцу. Отецъ и спрашиваетъ его: „ну что —

поймалъ?“ — кого я тамъ поймаю, — я и не видалъ никого! — Средній сынъ пошолъ, то же неукараулилъ никого! — Дуракъ пошолъ и выдернулъ изъ воротъ клинъ. Какъ пришолъ къ пшеницѣ, легъ и заснулъ. — Къ полночи проснулся. — Видитъ, — большой человекъ подошолъ къ пшеницѣ а начинаетъ ее топтать. Дуракъ потихоньку подкрался къ нему, да какъ лопнетъ его этимъ клиномъ, да какъ крикнетъ: „ахъ, не попалъ!“ — Лѣсовикъ началъ его умаливать: пусти, что хошь тебѣ дамъ! — Дуракъ говоритъ: „сколько ты пшеницы у меня потопталъ, такъ столько же кучъ настаскай мнѣ денегъ: мѣдныхъ, серебряныхъ, золотыхъ, — тогда и отпущу!“ — Лѣсовикъ согласился. Началъ таскать ему деньги. Натаскалъ и говоритъ: дуракъ, отпусти! — „Нѣтъ, не отпущу, отдай мнѣ теперь свою дудочку!“ — Лѣсовикъ такъ-сякъ, — нѣтъ, — пришлось таки отдать дураку дудочку. Отдалъ дуракъ и отпустилъ лѣсовика. Приходитъ послѣ того онъ домой и говоритъ: „батюшка! запрягай лошадей, да поди, возьми деньги въ огородъ!“ — Мужикъ не повѣрилъ, — думалъ, что дуракъ такъ нарочно говоритъ, — потомъ запрягъ людей, поѣхалъ, — посмотритъ, — анъ и за правду деньги! — Скорѣй эти деньги наложилъ на телеги, да и повезъ домой. Съ тѣхъ поръ мужикъ забогатѣлъ и зажилъ хорошимъ манеромъ.

Вотъ только, а дуракъ-то не въ долгомъ времени послѣ того выпросилъ у отца своего свинью съ 3 поросятами, взялъ ихъ съ собой и погналъ прямо къ царскому дворцу. Пригоняетъ ихъ туда, сѣлъ на тумбочку и заигралъ въ дудочку. Свинья съ поросятами начала плясать. Царская дочь увидала эту пляску и высылаетъ къ дураку свою служанку. Служанка выходитъ и говоритъ: мужикъ, мужикъ! продай одного поросеночка! — „Не-

продажный, — говорить дуракъ, — завѣтный!“ — А великъ ли завѣтъ? — „Пущай царская дочь покажется мнѣ безъ платья!“ — Служанка пошла, сказала царевнѣ. Царевна приказала позвать его къ себѣ. Дуракъ взялъ поросенка, приходитъ во дворецъ, осмотрѣлъ царевну по колѣно, отдалъ ей одного поросенка, а остальныхъ двоихъ поросятъ со свиньей погналъ опять домой. — Царевна сейчасъ же послѣ него заиграла музыку для поросенка. — Музыка гудитъ, а поросенокъ только визжитъ. — Царевна и говоритъ: какъ дуракъ пригонитъ сюда завтра опять своихъ поросятъ, то купите у него остальныхъ и свинью, а то одинъ этотъ очень скучаетъ, отъ того и не пляшетъ! Дуракъ пригоняетъ на завтра опять свинью свою съ поросятами въ городъ, — какъ заигралъ на своей дудочкѣ, — поросята со свиньей и начали плясать. Во дворцѣ услышалъ поросенокъ музыку и то же началъ плясать. Царевна опять высылаетъ служанку. — Служанка и говоритъ: мужикъ, а мужикъ! продай намъ свою свинью съ поросятами! — „Непродажные, — говоритъ дуракъ, — Завѣтные!“ — А великъ ли завѣтъ? — „Пущай царевна покажется мнѣ вовсе безъ платья!“ Служанка побѣжала къ царевнѣ. Царевна приказала призвать дурака. Дуракъ приходитъ, Царевна и говоритъ: пойдемъ, смотри! — Дуракъ осмотрѣлъ, отдалъ ей свою свинью съ поросятами, а самъ и пошелъ домой.

Послѣ того царь даетъ извѣстіе всѣмъ королямъ и знатымъ господамъ во всемъ мірѣ: „кто у моей дочери узнаетъ примѣты, за того ее и за мужъ отдамъ, а въ приданое полцарства даю!“ — Короли и господа собираются. Дуракъ то же взялъ у батюшки денегъ, купилъ хорошую одежду и поѣхалъ во дворецъ. Пріѣзжаетъ, его принимаютъ и не знаютъ, что онъ дуракъ. — Стали по-

томъ женихи узнавать примѣты. Одинъ скажетъ — то, другой — другое. Подходить очередь къ дураку. Дуракъ и говоритъ: „у вашей дочери подъ правымъ плечемъ золотые волосики, подъ лѣвымъ плечемъ — серебряные, на спинѣ — золотая звѣздочка!“ — Сейчасъ взялъ царь дурака за руку и повелъ къ своей дочери и говоритъ: „вотъ тебѣ мужъ!“ — Она согласилась, перевѣчались, такъ и зажили.

(Записана въ Москвѣ.)

6. Купецъ.

Вздумалъ одинъ купецъ говѣть вмѣстѣ съ архіереемъ на первой недѣлѣ. Пріѣзжаетъ къ нему въ чистый понедельник и говоритъ: „Ваше Преосвященство! хочется мнѣ поговѣть вмѣстѣ съ вами, чтобы избавиться грѣха какого домашняго на это время!“ — Архіерей согласился. — „Что жъ, — говоритъ, — поговѣемъ вмѣстѣ!“ — Стали говѣть. Пошли къ часамъ. Отстояли службу Господню, приходятъ домой. Купецъ и видитъ, что послушникъ тащитъ на столъ огромнѣйшій самоваръ ведра въ два. Купецъ нашъ давай поглаживать свой животъ, — думаетъ: „вотъ душеньку-то отведу съ голодухи!“ — Келейникъ принесъ чашки. — Архіерей налил по крошечной чашечкѣ, — съ наперсточекъ, — себѣ и купцу, — сейчасъ же оба ихъ и выпили. — Архіерей и говоритъ: „ну, теперича дни великіе, — понемножку надобно всякой пищи питаться!“ — Накрывъ чашку свою. — Купецъ видитъ, что и ему то же надо дѣлать, — то же накрывъ, — благодаритъ преосвященнаго, а самъ думаетъ: „зналъ бы, вѣдалъ объ эдакомъ говеньи, — ни за что бы сюда не поѣхалъ!“ — Ударили къ вечеру, — пошли

они оба къ вечернѣ. Отстояли ее, приходятъ домой. Купецъ и видитъ, что послушникъ несетъ опять на столъ огромнѣйшее блюдо, а на немъ огромнѣйшая стерлядь жареная лежитъ. Купецъ опять потирать себѣ животъ, — думаетъ: „вотъ когда, должно быть, пришла настоящая-то пора позаправиться!“ — Съѣли за столъ, архіерей отрѣзалъ себѣ крошечный кусочекъ и купцу столько же. — Съѣли, — архіерей и говоритъ: „дѣло не въ томъ, какую пищу во время говѣнья ѣсть надо, а въ томъ сколько ея ѣсть!“ — Всталъ потомъ изъ за стола и давай Богу молиться. — Купецъ видитъ, что и ему то же слѣдуетъ дѣлать, то же вышелъ изъ за стола, Богу помолился, преосвященнаго поблагодарилъ за обѣдъ. — Ужина совсѣмъ не подавали. — Приходитъ другой день, — то же самое. Приходитъ третій — то же. И такъ во всю недѣлю. — Насилу, насилу ужъ дождался купецъ, когда эта недѣля-то кончилась. Отговѣлъ купецъ, архіерей и приглашаетъ его опять еще на недѣлку поговѣть, то есть, *отгавливать* (*). Куда! купца и въ оглобли не впряжешь. — „И душой радъ бы, — говоритъ, — преосвященнѣйшій владыко! да дѣла дома по горло!“ — Такъ и не согласился ни за что. Вотъ какого говѣльника Богъ далъ преосвященному!

(Записана въ Москвѣ.)

7. Болтунья.

Жилъ одинъ мужикъ. У него была жена. Потѣхалъ онъ на трехъ лошадяхъ въ Кіевъ работать и встрѣлся съ

(*) Говѣть еще недѣлю послѣ причастья — старинный русскій обычай, сохранившійся и до настоящаго времени во многихъ мѣстахъ.

своими пріятелями. Разговорились про женъ и спрашиваютъ у него: „что ты своей женѣ вѣришь?“ — А какъ же? Кому жъ и вѣрить, какъ не женѣ? — „Нѣтъ, — говорятъ ему мужики, — женѣ не вѣрь!“ — Нѣтъ, я женѣ своей вѣрю. — „Ты-то ей вѣришь, да она-то тебѣ не вѣрна!“ — Спорились, спорились, да и ударились объ закладъ. — Мужикъ воротился назадъ къ женѣ. — Пріѣхалъ, — встрѣчаетъ его жена ласково. — А ужъ поздно было, какъ онъ пріѣхалъ-то. — Сейчасъ же завалился спать, а самъ приготовилъ себѣ заранѣе куриное яйцо. Спитъ съ женой. — Назавтрія просыпается ранехонько и будетъ жену: „жена, а жена!“ — Что? — „Ты никому не скажешь?“ — А что? — „Да такъ!“ — Не скажу. — „Смотри же, никому не говори!“ — Охъ, муженекъ, да никому не скажу! — „Я яйцо снесъ!“ — Гдѣ? — „А вотъ оно!“ — Дай-ка мнѣ его сюда! — Мужикъ отдалъ. Потомъ всталъ, — собрался со двора, поѣхалъ, а самъ наказываетъ женѣ: „смотри же, никому не говори!“ — Да не скажу! — Какъ только проводила жена мужа своего со двора, — сейчасъ же и пошла къ сосѣдкѣ. — „Смотри-ка, — говоритъ, — Матрена! мужъ-то мой нынче яйцо снесъ!“ — И пошла по деревнѣ молва, что Микита яйцо снесъ. — Къ вечеру пріѣзжаетъ Микита домой. — Только вѣзжаетъ въ деревню, — стрѣлся съ нимъ сосѣдъ: „Э, братъ, — да ты нынче яйцо снесъ!“ — Такъ и всякій стрѣшникъ ему говоритъ. Подумалъ Микита: „стало быть, точно нельзя вѣрить женѣ!“

(Записана уроженцемъ Смоленской губ.).

8. Жена докащица.

Пахалъ мужикъ пашню и нашелъ кладъ. Приходитъ домой и говоритъ: „жена, а жена! я кладъ нашелъ!“ —

Гдѣ? — „Тамъ-то!“ — Что жь, — говоритъ жена, — надо барину скорѣй сказать, не то, пожалуй, чтобы намъ чего за это не вышло! — „Ничего не выдетъ!“ — говоритъ мужикъ. — Нѣтъ, все-таки! — говоритъ жена. — Видитъ мужикъ, — дѣло плохо, — жена хочетъ барину сказать, а тогда и кладъ прощай! Она же у него была такая глупая, да на языкъ нетерпѣливая. — Вотъ мужикъ и думаетъ: какъ бы это дѣло поправить? Думалъ, думалъ и говоритъ женѣ: „а слышала ли ты, жена, что нонѣче вечеромъ будетъ непріятель проходить мимо нашей деревни и все селенье хочетъ сжечь?“ — Что ты? — говоритъ жена. — „Вѣрно!“ — говоритъ мужъ. — Ахъ, батюшки, — говоритъ жена, — что жь намъ дѣлать то? — „Да что, — вотъ что, — я ужъ придумалъ: пойдемъ въ поле, я тамъ знаю одну яму глубокую, — ты садись туда, — я соломкой тебя тамъ прикрою, — непріятель то, можетъ, не догадается, — мимо и пройдетъ, а ты жива останешься!“ — Ну, хорошо, — говоритъ жена, — пойдемъ. — Пошли. — Мужикъ посадилъ жену свою въ яму, — соломкой ее прикрылъ, да сверху еще овсеца разбросалъ и пошелъ отъ нея. — Идетъ по полю, — видитъ, — стадо барскихъ гусей ходитъ. — Онъ взялъ ихъ и погналъ прямо къ той ямѣ, гдѣ жена была спрятана. — Гуси пришли, увидали овесъ и давай его клевать! Клюютъ, гогочутъ, дерутся, топчутъ, а баба сидитъ въ ямѣ, да крестится, молитву творитъ, думаетъ, что это непріятель подошелъ къ ней. Склевали гуси овесъ и ушли. Мужикъ приходитъ на утро и спрашиваетъ: „ну что, жена, здорова ли, жива ли?“ — Слава Богу, — говоритъ, — жива и здорова, а ужъ не чаяла я эту ночь пережить, — непріятель то сюда къ самой ямѣ подходилъ и таково-то тутъ крупно что-то разговаривалъ, — ужъ насилу я умо-

дила Бога, чтобы онъ меня не тронулъ здѣсь. — „Ну, слава Богу, говоритъ мужикъ, что не тронулъ!“ — Ну, что, — говоритъ жена, — а ты дома оставался; — сказывалъ ли ты барину про кладъ-то? — „Эхъ! — говоритъ мужикъ, — да что тебѣ этотъ баринъ дался, — только все про барина твердишь, — развѣ не успѣю еще ему объ этомъ сказать-то? — А вотъ теперича поѣдимъ-ка лучше въ городъ, да купимъ кое-чего по хозяйству, — соли вотъ необходимость купить!“ — Хорошо, — говоритъ жена, — поѣдимъ, — только какъ изъ городу прїдимъ, чтобъ безпримѣнно сказать тотчасъ же объ этомъ кладъ барину! — „Ну, хорошо, — говоритъ мужикъ, — пусть будетъ по твоему!“.

Поѣхали въ городъ, купили, чего слѣдуетъ, да кромѣ того мужикъ еще купилъ баранокъ съ фунтъ потихоньку отъ жены, положилъ ихъ себѣ за пазуху и ѣдутъ назадъ домой. — Мужикъ впереди сидитъ, а баба сзади. — Вотъ только ѣхали, ѣхали — мужикъ тотчасъ вынулъ изъ за-пазухи одну баранку и какъ бросить ее черезъ голову прямо къ женѣ въ колѣни. — Господи, Иисусе Христе! — говоритъ жена, — откуда же это такое? — А мужикъ и говорить: „Эхъ, недогадливая! да развѣ не видишь, вонъ одна тучка вся изъ баранокъ идетъ и даже Господь Богъ самъ бросаетъ ихъ оттуда православнымъ!“ — Баба стала смотрѣть на небо, а мужикъ ей опять въ колѣни бухъ баранку! Баба давай креститься! А мужикъ ей все баранки бросаетъ. Баба крестится, а мужикъ бросаетъ!

Прїѣхали домой. Жена опять пристаётъ къ мужу: да что жъ скоро ли къ барину-то пойдешь объ кладъ сказать? — „Эхъ, говоритъ мужъ, — надоѣла ты мнѣ ужъ съ этимъ бариномъ хуже горькой рѣдьки! — Успѣю еще, — сказалъ, — погоди вотъ! — А теперича поїдемъ-ка

мы лучше въ лѣсъ, — дровъ вотъ нѣту, — нарубить надо!“ — Хорошо, — говоритъ жена, — пойдемъ, только ужъ это послѣдній разъ даю тебѣ отсрочку. А придемъ изъ лѣсу, чтобъ безпримѣнно сейчасъ ты шелъ къ барину сказать объ кладѣ! — „Ладно, — говоритъ мужикъ, — пусть будетъ по твоему!“

Пошли въ лѣсъ. А мужикъ туда напередъ козла стащилъ. Пришли въ лѣсъ, — мужикъ бросилъ тамъ жену свою, а самъ пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ козель-то былъ, — и давай съ него, съ живаго, кожу драть! Козель заоралъ на весь лѣсъ, а мужикъ знай съ него кожу деретъ! Козель оретъ, а мужикъ знай съ него кожу деретъ! Содралъ кожу. Приходитъ къ женѣ, жена и спрашиваетъ: что жъ это такое, — говоритъ, — кто-то такимъ источнымъ голосомъ здѣсь въ лѣсу блажилъ, какъ ты отъ меня ушелъ, такъ что я даже индо испугалась. — „Молчи! — говоритъ мужикъ, — это черти съ барина кожу драли!“ — Жена замолчала.

Приходятъ домой. Жена и говоритъ: ну, теперича иди къ барину, ужъ пора! — „Что за пора, — говоритъ мужикъ, — баринъ-то, чай, еще и не опомнился послѣ той дранки, которую ему черти въ лѣсу-то задали. Небось, валяется полумертвый!“ — Заправду такъ! — говоритъ жена, — ну, черезъ недѣлю вотъ сходишь!

Проходитъ недѣля. Жена опять пристаётъ къ мужу: ступай, да ступай къ барину! — „Да отвяжешься ли ты отъ меня, — говоритъ мужъ, — ну, поди сама, коли охота есть, а мнѣ нѣкогда!“ — Ладно! — говоритъ жена, — пойду! — Пошла. — Приходитъ къ барину и говоритъ: такъ и такъ, — говоритъ, — сударь, съ недѣлю ужъ есть, какъ мужъ мой нашелъ кладъ! — „Что жъ онъ мнѣ, — говоритъ баринъ, — раньше-то не говорилъ?“ — Не знаю,

— говоритъ баба, — я ужъ давно его къ вамъ посылала да онъ все отговаривался. — „Позвать его сюда! — говоритъ баринъ. — Позвали. — „Ты что жъ, — говоритъ баринъ мужику, — долго не объявлялъ мнѣ объ своемъ кладѣ?“ — Обь какомъ кладѣ? — говоритъ мужикъ. — „Да что на пашнѣ-то нашелъ?“ — Въ первый разъ только, сударь, — говоритъ мужикъ, — отъ васъ слышу объ этомъ. „Какъ?“ — говоритъ баринъ. — Такъ! — говоритъ мужикъ, — никакого клада никогда я не находилъ. — „Врешь, врешь! — говоритъ жена, — ты самъ мнѣ говорилъ объ этомъ!“ — Да ты, должно быть, съ ума сошла? — говоритъ мужикъ. — „Да нечего, — говоритъ жена, — запирается-то тутъ, — вѣдь еще хуже того будетъ!“ — Ну, тамъ что будетъ, а все жъ таки я клада никакого не находилъ. — „Да не помнишь ли хорошенько, — говоритъ баринъ бабѣ, — когда это именно было?“ — Какъ не помнить, — говоритъ баба, — это было незадолго передъ тѣмъ, какъ непріятель-то проходилъ мимо нашей деревни и еще онъ все селенье хотѣлъ сжечь! — „Что ты тутъ болтаешь, дура!“ — говоритъ баринъ. — Какъ болтаю, сударь, а припомните-ка хорошенько, еще близко того время тучи шли по небу съ баранками и еще самъ Господь Богъ ихъ оттуда бросалъ православнымъ! — „Да ты съ ума сошла, — говоритъ баринъ; — когда же это было?“ — А какъ же! — говоритъ баба, — еще въ то время мы съ мужемъ ходили въ лѣсъ по дрова, а съ васъ тогда черти шкуру драли. — Баринъ разсердился на бабу, видитъ, что она въ самомъ дѣлѣ завирается очень и прогналъ ее отъ себя. А мужикъ и говоритъ: „а я-то вотъ, сударь, съ эдакой то бабой, да вѣкъ свой маюсь, такъ вотъ тутъ-то каково покажется?“ — Баринъ пожалѣлъ мужика, что онъ такой несчастный, развелъ его

съ женой, женилъ на другой, молоденькой, да хорошей, и на волю отпустилъ. А мужикъ тотчасъ отрылъ свой кладъ изъ земли и зажилъ самымъ лучшимъ манеромъ. А пословица-то все-таки не даромъ говорить, что у бабы и волосъ длиненъ, да умъ коротокъ! — Такъ оно и завсегда бываетъ.

(Записана въ Москвѣ.)

9. Небесная избушка.

Жили старикъ со старухой. Ъли они горошекъ. Одна горошенка упала подъ полъ и стала расти. Росла, росла, выросла до самого пола. Старикъ со старухой выломали половицу. Горошенка все растетъ. Выросла до потолка. Старикъ со старухой проломали потолокъ. Горошенка выросла до крыши. Они разломали и крышу. Горошенка растетъ дальше. — Выросла до самого неба. Стали на ней расти ужъ и стручки съ горошкомъ. Старуха и говоритъ старику: „вотъ, старикъ, горошенка наша давно ужъ растеть, выросла, Богъ знаетъ, до коихъ поръ, а мы съ тобой не знаемъ и конца ей, — хотъ бы допытаться какъ этого?“ — Что жъ, говоритъ старикъ, допытаться, когда охота есть, — ты у меня шустра, — полѣзай кверху, можетъ и узнаешь! — Старуха согласилась, полѣзла по горошенкѣ. Лѣзла, лѣзла, — долѣзла до самой верхушки. — Смотрить, на самой макушкѣ стоитъ избушка. Старуха взошла въ нее, смотрить, — никого нѣту. А избушка вся выстроена не по нашему: стѣны изъ пироговъ, пѣчка изъ блиновъ, столы сырные, лавки пряничныя и всего въ ней довольно: и масла и творогу, и меду и всего, всего формально. Старуха поѣла, что ей по душѣ, да по зубамъ больше пришло, наѣлась въ дос-

таль — и полѣза подѣ печку спрятаться, коли кто придетъ. Свернулась комочкомъ, духъ притаила и лежитъ въ уголку. Приходятъ потомъ въ избушку три козы, — сестры родныя: одна коза съ двумя глазами и двумя ушами, другая коза съ тремя глазами и тремя ушами, третья коза съ четырьмя глазами и четырьмя ушами. Пришли козы въ избушку, понюхали воздухъ и чуютъ, что въ ней русскимъ духомъ пахнетъ. Вотъ и говорятъ онѣ промежъ собой: «кто то чужой есть въ нашей избушкѣ, — русскимъ духомъ пахнетъ, — посмотрѣть хорошенько вездѣ!» И начали вездѣ шарить, да нюхать по всѣмъ угламъ и щелямъ, а старухи не нашли. — Потомъ и говорятъ: «ну, дѣлать нечего, должно быть, нѣту теперича, — не придетъ ли кто послѣ, — подстеречь надо! — Поѣдимъ, говорятъ, теперича маленько чего, двѣ опять пойдѣмъ въ поле, а третья останется пусть дома на караулѣ». — Поѣли козы, — которая чего захотѣла: которая медку, которая бараночекъ, которая пряничковъ, двѣ пошли опять въ поле, а одну козу обѣ двухъ глазахъ оставили дома. Уходя сестры и говорятъ ей: «смотри же, сестра, гляди въ оба, чтобы мошенничества какого не вышло!» — Ладно, — говоритъ коза — парные глаза, — идите, буду смотрѣть! — Старуха слышитъ ихъ разговоръ и думаетъ: какъ бы теперича угомонить эту козу — дозорщицу? Думала, думала и запѣла: «спи глазокъ, спи другой, закройся ушко, закройся другое!» Запѣла, — у козы и начали закрываться: сначала одинъ глазокъ, потомъ другой, сначала одно ушко, потомъ другое. Когда заснула, старуха вылезла изъ-подъ печки, наѣлась всего, что больше приглянулось, и спряталась опять подѣ печку. Приходятъ съ поля двѣ козы и видятъ, что сестра ихъ спитъ крѣпкимъ сномъ. — «Сестра, а сестра! — будятъ

ее, — проснись! Что ты такъ заспалась?“ Насилу разбудили. — А! говорить коза-парные глаза, — да я заправду крѣпко заснула! Ну, да ничего, говорить, бѣды никакой въ избушкѣ не было, — все тихо и смирно было. — „Такъ то такъ, говорятъ козы, а все таки русскимъ духомъ пахнетъ! Ну, да ладно! Стало быть, нужно оставить дома сестру съ тремя глазами и тремя ушами, — это понадежный будетъ!“ — Поѣли опять козы, которой чего захотѣлось, двѣ пошли въ поле, а третья сестра съ тремя глазами и тремя ушами дома осталась. — Лежала, лежала старуха подъ печкой, опять ей полакомиться захотѣлось, она и запѣла: „спи глазокъ, — спи другой, — спи третій, — закройся ушко, — закройся другое, — закройся третье!“ — Глаза и уши у козы закрылись. Старуха выѣзла изъ-подъ печки, наѣлась всякой всячины, опять и ушла подъ печку. Приходятъ козы съ поля. Видятъ, сестра спитъ, а русскимъ духомъ все пахнетъ. — „Нѣтъ, говорятъ, нужно, стало быть, оставить дома сестру съ четырьмя глазами и четырьмя ушами, это будетъ понадежный!“ — Разбудили трехглазую сестру, — спрашиваютъ: „Не видала ли чего, не слыхала ли?“ — Ничего, говорить, не видала и не слыхала, — все время спала крѣпкимъ сномъ, такая-то спячка напала! Козы опять поѣли, которой что по вкусу пришлось, двѣ пошли опять въ поле гулять, а третью козу съ четырьмя глазами и четырьмя ушами оставили дома. Старуха лежала, лежала подъ печкой, захотѣлось ей опять полакомиться, она и запѣла: „спи глазокъ, — спи другой, — спи третій, — закройся ушко, — закройся другое, — закройся третье!“ А про четвертый глазокъ, про четвертое ушко забыла, да и полѣзла изъ-подъ печки. А коза на три глаза, да на три уха заснула, а четвертымъ глазомъ, да четвертымъ ухомъ и видитъ и

слышать. — И только старуха изъ-подъ печки полѣзла, она тутъ же и проснулась. „А! — говоритъ, — вотъ кто къ намъ въ избушку-то ходить, да пряники, да всякую всячину ѣсть! Откуда ты такая взялась?“ — Да я, говоритъ, не здѣшняя, съ земнаго царства полюбопытствовать къ вамъ въ небесное зашла, да и запуталась! — „Какъ же, говоритъ коза, ты пришла то сюда?“ А вотъ, говоритъ старуха, по горошенкѣ, на которой ваша избушка-то стоитъ! „Ну, хорошо, говоритъ коза, теперича я тебѣ ничего не сдѣлаю, а придуть сестры, такъ мы тогда подумаемъ, что сдѣлать съ тобой.“ — Пришли сестры. — Видятъ старуху. — „А! говорятъ, — вотъ кто въ нашу избушку-то повадился ходить, да насъ объѣдать, когда насъ дома не бываетъ! Кто ты такая?“ Такая то и такая-то, говоритъ, съ земнаго царства по горошенкѣ добралась полюбопытствовать на ваше житье — бытье! „Хорошо, — говорятъ козы, — дѣлать мы теперича тебѣ ничего не сдѣлаемъ, а только ты сейчасъ же убирайся отсюда и къ намъ больше ни ногой!“ — Старуха общалась такъ сдѣлать, — козы наклали ей въ мѣшечекъ разныхъ разностей и сластей: пряниковъ, орѣховъ, сыру, баранокъ, яблоковъ и всего всего, что только у нихъ было, — съ тѣмъ и отпустили ее. Старуха полѣзла назадъ по горошенкѣ, — пришла опять къ старику и спрашиваетъ: „ахъ старикъ, старикъ! гдѣ я была!“ — Гдѣ? говоритъ старикъ. — „Въ небесной избушкѣ!“ — Какъ такъ? „Такъ же, говоритъ старуха, полѣзла по горошенкѣ и долѣзла по ней до той избушки.“ — Можетъ ли быть? спрашиваетъ старикъ. — „Вѣрно! — говоритъ старуха, — и чего я тамъ не видала, какихъ сластей не ѣла! и опять бы, говоритъ, туда полѣзла, да только козы крѣпко наказывали не ходить больше къ нимъ.“ — Такъ по-

лѣземъ вмѣстѣ! говорить старикъ, — двоихъ-то не забидать, — справимся! — „Полѣземъ!“ говорить старуха. И полѣзли. Захватили кстати съ собой все свое семейство. Сначала старикъ полѣзъ съ топоромъ за поясомъ, — за старикомъ старуха. Была у нихъ внучка, — она полѣзла за старухой. — Лѣзли, лѣзли, далеко ужъ залѣзли, только старикъ какъ-то не удержался, да какъ кашлянетъ на старуху. Старуха кашлянула на внучку. Горошенка въ то время заколыхалась, оборвалась, они всѣ и обрушились съ этой высоты. — Въ небесную избушку, стало быть, не попали, — на землѣ, неизвѣстно, гдѣ упали, такъ всѣ безъ вѣсти и пропали. Послѣ нихъ никто больше не бывалъ ужъ въ той небесной избушкѣ, — такъ никто объ ней больше и не знаетъ. —

(Со словъ уроженки Смоленской Губерніи.)

10. Дуракъ набитый.

Жили были старикъ со старухой. Были у нихъ два сына: Лука, да Петръ, да еще батракъ Иванушка дурачекъ. Пошли старикъ со старухой въ гости и говорятъ дураку: „вотъ, Иванушка, мы въ гости идемъ, а ты дома съ дѣтками малыми остаешься, такъ смотри, пить — ѣсть захотятъ, — ты ихъ и напой и накорми!“ — Какъ же я это сдѣлаю? говорить Иванушка. — Я ничего неумѣю! — Старики ему и говорятъ: „возьми горшочекъ, налей въ него водицы, положи туда картофельцу, покроши лѣчку съ петрушкой, поставь все это въ печку, свари похлебочку и накорми ей дѣтокъ!“ — Вотъ это я понялъ, говорить Иванушка. — „А еще, говорятъ старики, — дверь береги, Иванушка, чтобы дѣтки наружу не повыскакали!“ — Ладно! говорить Иванушка, — и это понялъ. Старики прости-

лись съ дѣтками и пошли въ гости. Вскорѣ дѣтки запросили у Иванушки ѣсть. Тотчасъ же онъ притащилъ въ избу кадушку, натаскалъ въ нее воды, насыпалъ мѣры двѣ картофелю и пристаеъ къ Лукѣ съ Петромъ: „тятъ-ка съ мамкой, говоритъ, велѣли васъ скрошить въ похлебку, такъ идите-ка сюда!“ Дѣти говорятъ, что отецъ съ матерью никогда такого приказанья ему не давали, а велѣли въ огородѣ взять лучку съ петрушкой, да ихъ и покрошить. — Дуракъ знать ничего не хочетъ, приступаетъ къ нимъ съ ножомъ къ горлу. Дѣти такъ сякъ, уговаривать дурака, — не тутъ-то было, — ничего не слушаетъ. — Дѣти видятъ, что дѣло плохо, зарѣжетъ, пожалуй, дуракъ, искрошить въ кадушку ни за что, — взяли, да и сговорились бѣжать въ лѣсъ отъ него. — Побѣжали, а дуракъ за ними. — Бѣжали, бѣжали дѣтки, однако убѣжали. Что дѣлать дураку? Пришолъ онъ домой и боится теперича, чтобы и дверь тоже какъ не сорвалась съ крючьевъ, да куда не дѣлась. Вотъ онъ взялъ ее за благо съ петлей, взвалилъ себѣ на плечи и пошолъ въ то мѣсто, куда старики въ гости ушли. Пришелъ въ то селенье, сълъ на дверь и дожидается хозяевъ. Имъ и говорятъ: „чтой-то словно работникъ вашъ здѣсь, сидитъ на какой-то доскѣ, ни съ мѣста самъ и ни съ кѣмъ ни слова!“ — Какъ такъ? говорятъ старики. — „Такъ!“ говорятъ имъ. Пошли старики къ дураку и спрашиваютъ: какъ ты здѣсь Иванушка! „Да такъ: послѣ васъ въ скорости дѣти запросили ѣсть, я хотѣлъ было сварить имъ похлебку, покрошить туда Луку съ Петромъ, какъ вы сказали, только хотѣлъ рѣзать, да крошить ихъ, а они не дались, да побѣжали въ лѣсъ. — Я ихъ догонять, догонялъ, догонялъ, не догналъ, такъ и пришолъ домой одинъ. А тутъ подумалъ, чтобы и дверь такъ же куда не сбѣжала, взялъ ее,

снялъ за благо съ петлей, да и приползъ сюда, потому дома-то ужъ больше нечего дѣлать мнѣ безъ дѣтей, а дверь стеречь я и здѣсь могу!“ — Ахъ ты дуракъ, дуракъ! что ты надѣлалъ? говорятъ ему старики. — Вѣдь мы тебѣ въ огородѣ луку-то съ петрушкой для похлебки велѣли взять! — „А я на дѣтей вашихъ подумалъ!“ говоритъ дуракъ. — Послѣ того они тотчасъ изъ гостей домой, въ лѣсъ, — искать дѣтей! Искали, искали, долго не находили, подъ конецъ нашли. Только дѣти ни за что домой нейдутъ, боятся, чтобы дуракъ опять съ ними чего не сдѣлалъ, — напугалъ онъ ихъ ужъ очень шибко. Что дѣлать? Старики и стали думать, — какъ бы избавиться отъ дурака? Думали, думали и выдумали: по дорогѣ идучи изъ лѣсу, примѣтили они, что въ одной берлогѣ медвѣдь лежалъ. Пришедши домой, они и говорятъ дураку: „въ такомъ то мѣстѣ, Иванушка, аглицкая корова лежить, — заплуталась, должно, — съ барскаго двора сбѣжала, — такъ поди-ка ты приведи ее къ намъ на дворъ!“ А сами думаютъ: „какъ придетъ онъ къ медвѣдю, да станетъ его тревожить, тотъ его сразу согнетъ въ дугу, да и поминай, какъ звали!“ Дуракъ пошелъ въ лѣсъ къ тому мѣсту, гдѣ медвѣдь лежалъ, взялъ съ собой веревку, которая поздоровѣй и пошелъ! Приходитъ къ медвѣдю и зачинаетъ къ нему подступать. Медвѣдь, извѣстно, на него, а онъ на медвѣдя, — медвѣдь на него, а онъ на медвѣдя. Боролись, боролись, подъ конецъ Иванушка сборолъ медвѣдя, — опуталъ его веревкой, да такъ и привелъ домой. Привелъ и прямо на дворъ. Тамъ его оставилъ, а самъ въ избу пошелъ. Увидавши его старики, что цѣлехонекъ, да живехонекъ воротился изъ лѣсу, такъ и сдивились индо, глядячи на него. Потомъ и спрашиваютъ: „что жъ, молъ, Иванушка, привелъ корову-то?“

Привелъ говорить. Старики не знаютъ, какъ и подумать объ немъ послѣ этого. Только и спрашиваютъ: „гдѣжь она?“ — Тамъ, говоритъ, на дворѣ оставилъ. — Только, посмотрѣлъ я, говоритъ Иванушка, — корова-то эта непохожа на нашихъ, шибко забиждаетъ ихъ, иныхъ даже до крови уже забидала! — „Что ты?“ говорятъ старики. — Вѣрно! говоритъ Иванушка. — Тотчасъ же выбѣжали на дворъ, — глядь, анъ коровы одной ужъ и въ живыхъ нѣтъ, а прочихъ до полусмерти поломалъ мишка. — Новая бѣда для стариковъ! — Опять они стали думать: какъ бы избавиться отъ дурака? — Старуха и говоритъ: „напеку я пироговъ побольше, чтобы на мѣсяцъ хватило, возьмемъ ихъ съ собой, да и уйдемъ въ лѣсъ, будемъ тамъ жить пока съ дѣтьми, а дуракъ подождетъ, подождетъ, да увидитъ, что домой долго не приходимъ, — соскучится и уйдетъ куда нибудь шататься по бѣлу свѣту.“ — Ладно, говоритъ старикъ, — заправду, что ты такъ хорошо выдумала! — Старуха принялась пироги печь, напекла ихъ довольно, поклала въ мѣшокъ, веревкой мѣшокъ завязала и спрятала на печку подъ лучину. Приходитъ вскорѣ потомъ въ избу Иванушка. — „Спать, говоритъ, что-то хочется!“ — Ложись, говоритъ старуха, — на коникъ. — „Нѣтъ говоритъ, пойду на полати!“ — Какъ хошь! говоритъ старуха. — Иванушка ушелъ на полати. Вертѣлся, вертѣлся тамъ, — не спится что-то! „Дай-ка, говоритъ, на печку сойду, — можетъ не засну ли въ теплѣ!“ Сошелъ, лежитъ. А все глазъ сомкнуть не можетъ! Вотъ отъ неча дѣлать и давай онъ любопытствовать, что и гдѣ на печи лежитъ? Смотритъ подъ лучину, — мѣшокъ! Развязалъ его, — глядь, пироги тамъ! Иванушка, отъ неча дѣлать, и давай ихъ ѣсть! Ълъ, ѡлъ, всѣ переѣлъ до единого. Какъ съѣлъ, совѣсть его и зазрила: „чтожь, молъ,

такое я сдѣлалъ? хозяйка придетъ, хватится пироговъ, нѣту, — бѣда мнѣ тогда будетъ!“ Ломалъ, ломалъ себѣ голову дуракъ, — какъ бы горю помочь, да со страху взялъ и залѣзъ въ мѣшокъ! — веревочкой опять завязалъ, лучину по прежнему побросалъ на себя и лежитъ. Хватились дурака старики, — искать вездѣ, — нигдѣ нѣту: ни на дворѣ, ни на улицѣ! „Должно, говорятъ, куда-нибудь ушелъ въ поле на работу. — Побѣжимъ-ка теперича, говоритъ старуха, пока за благо!“ Побѣжимъ! говоритъ старикъ. Побѣжали старики. — Взяли съ собой мѣшокъ и пошли въ лѣсъ. Шли, шли, — далеко уже прошли, — пришли подъ конецъ къ дѣткамъ. „Ну, дѣтки, — говорятъ, — мы теперича къ вамъ надолго пришли и вамъ хлѣба соли принесли, — пироговъ цѣлый мѣшокъ.“ Дѣтки были голодные обрадовались пирогамъ и просятъ поскорѣе поѣсть. А старики имъ не даютъ: „погодите, говорятъ, вотъ еще подальше уйдемъ!“ Идутъ дальше. Шли, шли, — наконецъ устали. Старуха и говоритъ: „давай-ка, старикъ, остановимся, да перекусимъ!“ — Давай! говоритъ старикъ. Сѣли. Старуха стала развязывать мѣшокъ и говоритъ: „что-то безъ насъ теперича Иванушка дурачекъ подѣлывается?“ А Иванушка изъ мѣшка: да я здѣсь! кричитъ. Старики такъ со страху и обомлѣли, услыхавши его голосъ. — „Гдѣ жъ ты?“ спрашиваютъ. — Въ мѣшкѣ! говоритъ. — Посмотрѣли, онъ тамъ и есть. — „Дѣлать нечего, думаютъ старики, — должно, ужъ такъ намъ на роду написано, чтобы биться съ дуракомъ!“ Взяли послѣ того дѣтокъ изъ лѣсу, воротились все назадъ, а Иванушки стали больше прежняго прибаиваться, потому видятъ, что онъ такой чудной, а дѣлать съ нимъ ничего не подѣлаешь, потому видимое дѣло, что Господь хранить юродивыхъ и всякую защиту подаетъ имъ отъ бѣды.

11. Лукавая жена.

Жилъ въ одной деревнѣ крестьянинъ. Была у него жена такая-то добрая для мужа, — цалуеть, и милуетъ его, и гладить, и одѣваетъ, и обуваетъ. И вздумалось разъ мужу испытать ея любовь. „Дай, говоритъ, умру нарочно, посмотрю, что выйдетъ изъ этого?“ — Умеръ. Пошелъ по деревнѣ слухъ, что дядя Степанъ померъ. Жена его начала съ матерью совѣтоваться: въ чемъ мужа похоронить? — А мать: „да вотъ, говоритъ, — есть у насъ неводъ старый, попусту валяется, — завернуть, говоритъ, въ него, да и похоронить!“ — Ну, такъ и сдѣлали. Собрались мужики прощаться съ покойникомъ. Жена зачала плакать: „куда ты, мой свѣтъ, Степанъ Васильевичъ, собираешься?“ А онъ всталъ изъ гроба и говоритъ: „развѣ не видишь, въ неводъ обернули, собираюсь рыбу ловить!“ Такъ дядя Степанъ съ тѣхъ поръ осерчалъ на жену свою и не стало ей больше довѣрія. — А она стала думать: какъ бы и заправду его уморить! — Зачала къ сосѣдямъ ходить, спрашивать: какъ такъ сдѣлать? — Ее и научили: „напеки, говорятъ, блиновъ и дай ему въ волю ѣсть съ масломъ, тогда онъ ослѣпнетъ; потомъ, говорятъ, навари яицъ въ крутую и дай ему волю ѣсть, тогда онъ оглохнетъ и, стало быть, все равно, мертвый будетъ.“ А Степанъ былъ, переговоривши съ этими сосѣдами объ своей женѣ, чтобы узнать объ ней правду. Приходитъ утро. Начинаетъ жена печь блины. Зоветъ Степана ѣсть. Онъ усѣлся за столъ, будто бы ничего не знаетъ, ѣсть, потомъ и говоритъ: „жена! что-то я плохо вижу, — води меня на печь, — я совсѣмъ ослѣпъ!“ — Свела его жена на печь. — Не хочешь ли яичекъ поѣсть? спрашиваетъ Степана жена. — „Подавай!“ говоритъ Степанъ. Жена дала.

Поѣвши онъ и говорить: „жена! что-то я плохо слышу, — совсѣмъ оглохъ!“ А жена тому и рада. Сейчасъ же пошла за своимъ дружкой. А Степанъ, не будь плохъ, зарядилъ ружье, да опять на печь и сидитъ. Жена приводитъ дружка, посадила его за столъ, а сама куда-то вышла. А Степанъ съ печи и убилъ его. Потомъ всунулъ ему въ ротъ комомъ два блина, да и опять на печь. — Приходитъ жена и видитъ, что дружокъ подавился и ну его скорѣй тащить подъ навозъ. Такъ съ тѣхъ поръ Степанъ и не вѣритъ больше женѣ своей ни на одинъ шагъ. И нельзя вѣрить, потому русская пословица: баба чортъ, овечій хвостъ!

(Съ записки уроженца Смоленской губерніи.)

12. Медвѣдь и лиса.

У медвѣдя въ лачушкѣ было медку три кадушки. Приходитъ къ нему лиса вечеркомъ. Стукъ, — стукъ, — стукъ! — подъ окошечко. „Кто тамъ?“ спрашиваетъ медвѣдь. — Куманекъ, куманекъ! говоритъ лиса, пусти ночевать, — до смерти устала по лѣсу ходила всѣ ноги отбила, каплями отъ дождя всю голову пробила! — „Ахъ кума! — говоритъ медвѣдь, — радъ бы пустилъ, да хата тѣсна, — въ одномъ углу растянулся, въ другомъ протянулся — и вся занята!“ Ничего, говоритъ лиса, мнѣ немного и мѣста надо: сама на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, больше и не надо! — „Ну, коли такъ, говоритъ медвѣдь, — взойди, переночуй!“ — Взошла лиса. — Здравствуй, говоритъ куманекъ! — „Здравствуй кума, — говоритъ медвѣдь, — милости просимъ обночевать, а на начлегъ, какой будетъ, не взыщи!“ Ничего! — говоритъ лиса, — обо мнѣ не безпокойся! — Лиса легла на лавоч-

ку и говорить медвѣдю: неравно куманекъ, кто за мной придетъ на повой (повиванье ребенка) звать, такъ ты, разбуди меня пожалуйста, особливо какъ засплюсь! — „Ладно,—говорить медвѣдь,—услышу, разбужу!“ Только черезъ минуту медвѣдь захрапѣлъ крѣпкимъ сномъ. Лисица сейчасъ же хвостикомъ своимъ обѣ лавочку: стукъ, стукъ, стукъ! Медвѣдь знай храпитъ во всю ивановскую, ничего не слышитъ. Лисица опять хвостикомъ: стукъ, стукъ, стукъ! Услышалъ медвѣдь. — „Кума! а кума!“ говоритъ. — Что кумъ! говоритъ лиса. „Стучать, — говоритъ медвѣдь, — вѣрно тебя на повой пришли звать!“ — Ахъ! говоритъ лиса — не хочется до смерти, устала, какъ сѣбака днемъ-то! — „Ничего, — говоритъ медвѣдь, иди, годится впередъ!“ — Дѣлать нечего, — говоритъ лиса, — вѣрно идти надо! — Пошла. Вышла изъ избы, отыскала у медвѣдя кадучки съ медомъ, присѣла къ одной и до чиста ее опорожнила. Приходитъ въ избу. — „Ну что? — говоритъ медвѣдь, — что Богъ далъ кума!“ Начинышекъ! — говоритъ лиса. Медвѣдь заснулъ крѣпкимъ сномъ, а лиса легла на лавочку, — хвостикъ подъ лавочку. Полежала, полежала, — захотѣлось опять медку, — сейчасъ же хвостикомъ: стукъ, стукъ, стукъ! обѣ лавочку. Медвѣдь не слышитъ. Опять стукъ, стукъ, стукъ хвостикомъ. Медвѣдь услышалъ. „Кума, а кума! — говоритъ, — должно быть, опять тебя на повой пришли звать, — кто-то стучить!“ — Ахъ, говоритъ лиса, какъ не хочется! — „Ничего, говоритъ медвѣдь, иди, годится впередъ!“ — Дѣлать нечего, говоритъ лиса, идти, видно, надо. Пошла. Отыскала другую кадочку и всю ее уписала. Приходитъ въ избу. — „Ну что, — говоритъ медвѣдь, — что Богъ далъ, кума?“ Середышекъ! — говоритъ лиса. Опять медвѣдь заснулъ. А лисица повертѣлась, по-

вертѣлась на лавочкѣ, захотѣлось ей опять медку, сейчасъ же хвостикомъ: стукъ, стукъ, стукъ объ лавочку. Медвѣдь не просыпается. Лиса опять: стукъ, стукъ, стукъ хвостикомъ. Медвѣдь проснулся. — „Кума, а кума! говоритъ, опять, вѣрно, кто-нибудь пришолъ тебя звать на повой, стучать!“ — Ахъ, какъ не хочется! говоритъ лиса, измаялась ужъ я шибко! — „Ничего, говоритъ медвѣдь, — иди, годится впередъ!“ Пошла лиса, отыскала послѣднюю кадущку и весь медъ въ ней поѣла. Приходитъ въ избу. — „Ну что? говоритъ медвѣдь, — что Богъ далъ кума?“ — Послѣдушекъ, говоритъ лиса. То былъ начинышекъ, потомъ средушекъ, а тутъ послѣдушекъ, — значить, лиса всѣ три кадки меду съѣла! Заснули потомъ оба, и медвѣдь и лиса. На утро лиса собралась уходить и говоритъ медвѣдю: что жъ, кумъ, вотъ я у тебя переночевала цѣлую ночь, а ты меня ни чѣмъ и не угостилъ! „Да чѣмъ же, — говоритъ медвѣдь, — угостить то тебя кума! Ничего у меня нѣту! Самъ, говоритъ, только тѣмъ и живу, что въ лѣсѣ хожу, да ягоды собираю, — тѣмъ только и пробавляюсь! А впрочемъ, говоритъ, кума, погоди, я принесу тебѣ медку, — есть у меня три кадущечки береженья“. То-то же, говоритъ лиса, покусись хотѣль! — Пошелъ медвѣдь изъ избы, только меду не нашелъ, а однѣ пустыя кадущки. — „Кума, а кума! — говоритъ медвѣдь, — вѣдь медъ-то ты, должно быть, съѣла? Нѣту, говоритъ, — нигдѣ его, а остались только однѣ пустыя кадущки!“ — Вотъ что! — говоритъ лиса, — такъ ты еще поклепъ на меня взводить вздумалъ! Хорошо! А давай-ка, говоритъ, заправду узнаемъ: кто медъ-то съѣлъ? „Давай, — говоритъ медвѣдь, — только какъ это мы сдѣлаемъ?“ Ужъ это мое дѣло! говоритъ лиса, — вотъ какъ затопимъ печку и ляжемъ оба противъ нея, у

кого медъ вытопится, тотъ, значить и медъ съѣлъ! — „Ладно!“ говоритъ медвѣдь. Затопили печку. Легли противъ нея. Медвѣдь тотчасъ же захрапѣлъ, а лиса выбѣжала изъ избы, поскоблила, поскоблила лапкой въ кадучкѣ, прибѣжала опять въ избу, вымазала медвѣдю хвостъ медомъ и легла. Только какъ медъ у медвѣдя растопился на хвостѣ, лиса и будетъ его: куманекъ, куманекъ! давай же смотрѣть, — у кого медъ то вытопился? „Давай!“ — говоритъ медвѣдь. Сейчасъ же лиса лапкой мордочку свою утерла: видишь, говоритъ, у меня нигдѣ не вытопился, и рыльце, и лапочки чистехонки! „Да! — говоритъ медвѣдь, — точно! такъ ужъ ли это я самъ съѣлъ?“ Сейчасъ же ланищей своей какъ мазнетъ по хвосту, лапа вся такъ и обмазалась медомъ! — „Прости меня, кума! говоритъ мишка, — вѣдь медъ-то стало быть я съѣлъ, да, должно быть, какъ-нибудь запамятовалъ!“ То-то же! говоритъ лиса, — съ больной головы да на здоровую хотѣлъ свалить! Ишь какой! Спасибо куманекъ! Угостилъ, нечего сказать! Да теперь ты и калачемъ не заманишь меня къ себѣ въ гости! Такъ лиса суха и вышла изъ воды, а медвѣдь виноватъ остался. И пошла она опять въ лѣсъ другихъ куманьковъ обманывать, а себѣ вновь медъ промышлять.

(Со словъ уроженки Нижегородской губерніи.)

13. Дочь и пачерица.

Женился мужикъ на вдовѣ. Была у него дочка и у вдовы тоже. Только и возненавидѣла мачиха свою падчерицу, — мужикову дочь. — Сживаетъ ее съ бѣла свѣта, житья не даетъ, да и только. Разъ посылаетъ она ее въ овинъ ночью рожь стеречь. Падчерица пошла. Приходитъ

туда, — сидить, — вдругъ видить: какой-то мужчина идетъ! подошелъ къ ней и говоритъ: „дѣвушка, дѣвушка! поди за меня за мужъ!“ Падчерица и говоритъ: какъ же я пойду за тебя за мужъ, у меня ничего нѣту готово-ваго къ свадьбѣ, окромя что вотъ на мнѣ. — „А что тебѣ еще надо? спрашиваетъ мужчина. — Да рубашку потоньше надо! говоритъ. — Онъ пошелъ и принесъ ей рубашку. — Чулки надо! говоритъ падчерица. — Онъ пошелъ и чулки принесъ. — Юбку надо! — говоритъ. Пошелъ и юбку принесъ. — Платье надо! — Принесъ. Потомъ она стала спрашивать у него по очереди разные наряды все по одной штучкѣ: платокъ, шаль, бусы, серги, гребенку въ косу, ленты, куцавейку, — потомъ спросила себѣ зеркало, воды, мыла, духовъ, бѣлилъ, румянъ и всего, всего формально, что только новѣстѣ подѣ вънецъ надѣ, и все по одной штучкѣ. Онъ ей всего наносилъ. Наносилъ, пѣтухъ и запѣлъ. Этотъ мужчина и пропалъ. Наутро падчерица подобрала все, что онъ ей наносилъ и идетъ домой. — А дома у нея собачка оставалась маленькая, — послѣ матери досталась въ наслѣдство. Идетъ она домой, а мачиха въ то время блины пекла. Печетъ блины мачиха, а собака бѣгаетъ вокругъ нея, да лаеетъ: вавъ, вавъ! мачихина падчерица и несетъ и везетъ! — вавъ, вавъ! мачихина падчерица и несетъ и везетъ! — Мачихѣ это не понравилось. Она ее сковородникомъ: „поди ты, говоритъ, проклятая, чего ты тутъ лаешь!“ А собака не понимаетъ, все свое: вавъ, вавъ! Мачихина падчерица и несетъ и везетъ! Мачиха опять на нее со сковородникомъ, а она знай свое. Только приходитъ потомъ падчерица домой, — всякой всячины нарядовъ насилу волочетъ! — Мачиха ее и спрашиваетъ: „гдѣ ты это взяла?“ Она ей все рассказала. „Хорошо!“ — говоритъ мачиха. — На другой день посы-

лаетъ въ овинъ свою дочь. Эта пришла. — Сидить, стережетъ рожь. Черезъ минуту приходитъ къ ней тотъ же мужчина и говоритъ: „дѣвушка, дѣвушка! поди за меня за мужъ!“ А въ чемъ я за тебя пойду? — говоритъ мачихина дочь, — у меня ничего нѣту къ свадьбѣ готоваго! — „А что тебѣ надо?“ спрашиваетъ мужчина. — Да вотъ сперва-на-перво рубашку надо! — говоритъ. — Онъ ей принесъ рубашку. — Она надѣла и говоритъ: теперича надо чулки, подвязки, юбку, платье, гребенку, серги, зеркало, мыло, бѣлилы, румяна и все, что только у падчерицы то было, она все это ему разомъ насакала, а не по одной штучкѣ. Онъ ей разомъ все и принесъ. „Ну что жъ, говоритъ, мужчина, теперь пойдешъ за меня за мужъ?“ — А вотъ погоди, говоритъ мачихина дочь, умоюсь и одѣнусь, прибѣлюсь, нарумянюсь, — тогда и пойду! Тотчасъ принялась умываться, одѣваться, — и спѣшить, спѣшить все это дѣлать, — захотѣлось ей ужъ больно посмотреѣть на себя невѣстой-то. Одѣлась совсѣмъ, а пѣтухъ еще не пропѣлъ. Онъ ее и спрашиваетъ: „Что жъ, дѣвица, пойдешъ теперича за меня за мужъ?“ Я, говоритъ, готова ужъ совсѣмъ. Онъ тутъ же и разорвалъ ее. Приходитъ утро. Мать посматриваетъ въ окно: нейдетъ ли дочь? — Нѣту! — „Что жъ это она такъ долго замѣшкалась? Должно быть, говоритъ, больно много онъ ей надарилъ. Поди-ка падчерица, — помоги буде донести-то ей!“ Падчерица пошла, а мать стала опять блины печи. Печетъ, а собаченка падчерицына опять вертится у ея ногъ, да лаетъ: вавъ, вавъ! Мачихиной дочери только косточки въ лукошечкѣ несутъ! вавъ, вавъ! мачихиной дочери только косточки въ лукошечкѣ несутъ! — „Поди ты прочь, окаянная, чего ты тутъ лаешь?“ — Замахнулась на нее мачиха сковородникомъ. А

она все свое. Только посмотрѣли, падчерица въ избу и взошла съ лукошечкомъ, — а въ немъ точно, что только одни косточки складены остались послѣ мачихиной дочки.

(Со словъ уроженки Нижегородской губерніи)

14. Вѣщій сонъ.

Въ одной деревнѣ жилъ зажиточный крестьянинъ. — Было у него три сына. Купилъ онъ у своего помѣщика земли и выстроилъ хорошій домъ съ большимъ дворомъ. Призвалъ къ себѣ своихъ сыновей и говоритъ: „дѣти любезные! я выстроилъ новый домъ, въ которомъ прошу всякому переночевать по одной ночи и, кто что увидитъ во снѣ, рассказать мнѣ; а кто не расскажетъ, тотъ будетъ жестоко наказанъ!“

Приходитъ первая ночь. Большой братъ собирается идти въ домъ ночевать. Приходитъ, ложится спать и проспалъ до утра. Приходитъ домой прямо къ отцу и говоритъ: „Батюшка! ночевалъ и видѣлъ во снѣ: у насъ на дворѣ очень много всякой скотины!“ — То же самое въ своей чередѣ сказалъ отцу и другой братъ.

Приходитъ третья ночь. Собирается меньшой братъ идти въ домъ ночевать. Приходитъ, ложится спать, только заснулъ, кто-то ему и говоритъ: „Гриша! будешь ты царемъ, только отцу не говорить и даже никому!“ Приходитъ домой Гриша и не является къ отцу почти до обѣда. Отецъ услышалъ, что онъ пришолъ и не говоритъ ему, что приснилось, — призываетъ къ себѣ сына: „ну, сынъ, говори, что тебѣ приснилось?“ — Ничего! — „Врешь?“ Такъ точно, ничего! „Такъ и не скажешь?“ Не скажу! — Отецъ тотчасъ же велѣлъ братьямъ засадить

его въ погребѣ на 3 дня, потомъ опять призываетъ: „говори, что видѣлъ во снѣ?“ Ничего! — „Врешь? — говори, уморю!“ Что хошь дѣлай, не скажу! Узналъ про это ихній помѣщикъ и взялъ его къ себѣ: „миѣ, говоритъ, скажетъ!“

Приходитъ Гриша къ барину: „ну, братецъ, говори, что во снѣ видѣлъ?“ Не скажу! — „Нѣтъ, скажешь!“ Нѣтъ не скажу, что хошь дѣлай! Тотъ надѣлъ на него медвѣжьё шкуру, вывезъ въ поле и ну травить собаками. — Не далеко изъ лѣсу выѣзжаетъ царскій сынъ съ охотниками, подѣзжаетъ къ этому медвѣдю и хочетъ его кинжаломъ зарѣзать; а онъ и кричитъ: я человѣкъ, а не медвѣдь! Царь удивился, взялъ его съ собою и привезъ въ свой городъ.

На утро царь призываетъ къ себѣ Гришу и спрашиваетъ: „Гриша! скажи, за что тебя одѣлъ медведемъ баринъ?“ А вотъ в-ше и-е в-ство, за что, за это, рассказъ ему про сонъ. Царю стало любопытно узнать тоже самое. Онъ и говоритъ: „скажи миѣ, Гриша, что видѣлъ во снѣ?“ Нѣтъ не скажу! — „Нѣтъ скажешь?“ — Нѣтъ, что хотите дѣлайте, не скажу! Царь думалъ, какъ бы выпытать изъ Гриши тайну и велѣлъ засадить его въ каменный мѣшокъ, авось скажетъ! Приказалъ царь сдѣлать каменный столбъ, закласть его въ столбъ и сдѣлать только маленькое окошечко, что-бъ подавать ему туда ѣсть. Тогда его и засадили.

Сбирается потомъ царь ѣхать въ чужія земли жениться и оставляетъ дома одну сестру. Царевна однажды пошла гулять, идетъ мимо этого столба, въ которомъ засоженъ Гриша. — Гриша и кричитъ: ваше высочество! прикажите выпустить меня отсюда, а то вашъ братецъ безъ меня тамъ голову положить! — Царевна приказала выпус-

тить его. — Гриша приходитъ во дворецъ и говоритъ царевнѣ: ваше высочество, чтобы спасти вашего брата, надо мнѣ человѣкъ 200, чтобы были со мной голосъ въ голосъ, ростъ въ ростъ, волосъ въ волосъ! Для Гриши все было исполнено. Съѣлъ потомъ онъ съ этими молодцами на корабль и поѣхалъ.

Плывутъ по морю, привалили къ берегу отдыхать, слышутъ недалеко, въ кустахъ, что-то большой крикъ. Гриша выходитъ на берегъ и видитъ: въ кустахъ дерутся два чорта. Черти увидали Гришу и говорятъ: „поди, русскій человѣкъ, разсуди наши дѣла! — Служили мы у своего дѣда 30 лѣтъ и далъ онъ намъ за эту услугу коверъ самолетъ и шапку невидимку! — Вотъ теперь и споримся, — кому что?“ — Гриша и говоритъ: вотъ я брошу цѣлковый, — кто скорѣй его найдетъ и принесетъ ко мнѣ, тотъ, что хочетъ, то и бери. Черти согласились. Гриша закинулъ цѣлковый далеко. Черти побѣгли, а онъ надѣлъ шапку невидимку, и взявъ подъ мышку коверъ самолетъ, пришолъ на корабль и говоритъ молодцамъ своимъ: плывите домой теперь, а я пойду пѣший. Они поплыли домой.

Гриша съѣлъ на коверъ самолетъ, полетѣлъ въ тотъ городъ, гдѣ царскій сынъ женится, въ пять минутъ прилетѣлъ въ этотъ городъ, узналъ, гдѣ царскій сынъ живетъ и гдѣ нужно ему ѣхать во дворецъ, съѣлъ подъ мостъ на этой дорогѣ и сидитъ. Ёдитъ вскорѣ царевичъ въ каретѣ, подѣзжаетъ къ мосту. Гриша выскакиваетъ изъ-подъ мосту, поклонился царевичу и говоритъ: здравствуй, Иванъ царевичъ, я пріѣхалъ къ вамъ помогать вамъ въ вашемъ дѣлѣ. Иванъ царевичъ посадилъ его сзади кареты. Подѣхали они ко двору. Вылѣзаетъ Иванъ царевичъ изъ кареты, входитъ во дворецъ. А Гриша надѣлъ на себя шапку невидимку, да за нимъ то же во дворецъ. — Царевна

приняла его, какъ слѣдуетъ и говорить Ивану царевичу: „пріѣхали вы жениться на мнѣ, такъ сдѣлайте мнѣ штуку такую, которая будетъ у меня, чтобъ была парная къ ней, а если не сдѣлаете, такъ на мнѣ и не женитесь.“ — Иванъ царевичъ уѣхалъ домой, а Гриша остался во дворцѣ. Никто его не видитъ. Царевна призвала къ себѣ башмашника и говоритъ: „сшей мнѣ изъ бархату башмакъ и драгоценными камнями укрась его!“ — Дала ему матеріалу довольно. — Башмашникъ началъ шить башмакъ, сшилъ, а Гриша этотъ башмакъ унесъ, да и пошелъ вонъ изъ дворца. Башмашникъ хватился, гдѣ башмакъ? Нѣту! И давай другой такой же шить.

На другой день Иванъ царевичъ ѣдитъ къ царевнѣ во дворецъ, подъѣзжаетъ къ мосту. — Гриша выходитъ изъ подъ моста, опять поклонился и говоритъ: вотъ вамъ, Иванъ царевичъ, подайте царевнѣ этотъ подарокъ! Взялъ Царевичъ у Гриши этотъ подарокъ, поблагодарилъ его, сѣли потомъ оба въ карету и поѣхали. Пріѣхали, взошли во дворецъ. Подаетъ Иванъ царевичъ подарокъ этотъ, аккуратно, — такой точно башмачекъ, какъ у ней былъ. Тутъ всѣ ея слуги закричали: „хорошъ, хорошъ женихъ для васъ!“ — Царевна и говоритъ: „ну, Иванъ царевичъ, если хотите на мнѣ жениться, то должны еще привезти мнѣ парную штуку, которая будетъ у меня!“ — Съ этимъ Иванъ царевичъ уѣхалъ на квартиру, а Гриша опять остался здѣсь. — Царевна вздумала, что у нея есть золотой селезень и серебряная утка. Подвязала себѣ крылья и полетѣла къ своему дѣду. Гриша сѣлъ на коверъ самолетъ, — за ней. Прилѣтаютъ къ горѣ. Она въ гору опустилась и онъ за ней. Она выпросила у дѣда утку и взяла ее себѣ на прудъ, а онъ взялъ селезня. Ну, потомъ опять и отправились по своимъ мѣстамъ: она во дворецъ, а онъ подъ мостъ.

На третій день Иванъ царевичъ ѣдетъ во дворець, подъѣзжаетъ къ мосту. Гриша выходитъ изъ-подъ моста, опять поклонился и говоритъ: вотъ вамъ, Иванъ царевичъ, когда она выпуститъ вамъ утку, тогда вы выпустите селезня. Иванъ царевичъ взялъ у Гриши селезня, поблагодарилъ и поѣхали вмѣстѣ во дворець. Пріѣзжаютъ, входятъ во дворець, тамъ поздаровкались. Царевна показываетъ на утку и говоритъ: „а есть ли у васъ въ царствѣ такія утки?“ Иванъ царевичъ выпускаетъ селезня и говоритъ: у насъ все такія! Тутъ всѣ придворные закричали: Bravo, bravo! женихъ только по васъ! — „Нѣтъ, не хочу!„ — говоритъ царевна. Если третью онъ сдѣлаетъ мнѣ штуку парную, какая будетъ у меня, тогда и выду за мужъ. Иванъ царевичъ поѣхалъ домой, а Гриша опять остался здѣсь. Царевна думать, думать и вздумала: „да! у моего дѣдушки есть въ бородѣ серебряные волосы, — дай полечу къ нему и выпрошу два волосика!„ — Опять подвязала крылья и полетѣла. Гриша за ней. Прилетаетъ опять къ этой горѣ. Царевна опустилась въ гору и Гриша за ней. Приходитъ къ дѣду царевна и начинаетъ просить у него пару волосиковъ. Онъ позволилъ ей вытащить, а Гриша заранѣе приготовилъ дубовый крюкъ, замоталъ полбороды, да какъ дернетъ, такъ полбороды и вытащилъ! Старикъ разсердился на внучку и прогналъ ее: „больше ко мнѣ и не приходи!„ — говоритъ. — Она потомъ домой, а Гриша подъ мостъ.

На четвертый день Иванъ царевичъ ѣдитъ во дворець, подъѣзжаетъ къ мосту, Гриша выходитъ изъ-подъ моста, поклонился и далъ ему пукъ этихъ волосъ: вотъ вамъ, Иванъ царевичъ, когда она вытащить изъ бумажки два волосика серебряные, а вы весь пукъ на столъ бацните! Хорошо. — Пріѣзжаютъ во дворець, тутъ опять Иванъ

царевичъ поздоровался, царица и говоритъ: „ну, Иванъ царевичъ, а есть ли у васъ такіе люди съ серебряными волосами?“—Иванъ царевичъ вытащилъ горсть цѣлую такихъ точно волосевъ изъ-подъ мундира, словно пукъ льну, да какъ бросить на столъ: у насъ и все такой народъ! Ну, тутъ придворные закричали: „нѣтъ, ваше высочество, лучше этого вамъ жениха не найти!“ — Ну, ужъ тутъ и царица согласилась. Во дворецъ ни пиво варить, ни вино курить, а вздумали, значить, да тотъ часъ же и за свадьбу, — обвѣнчались.

Иванъ царевичъ призываетъ послѣ того своего вѣрнаго Гришу и говоритъ: чѣмъ мнѣ тебя благодарить за твою услугу?“ — А чѣмъ пожалуете, Иванъ царевичъ! „Я вотъ тебѣ дамъ письмо, говоритъ Иванъ царевичъ, отвези его моей сестрѣ!“— Гриша простился съ Иваномъ царевичемъ, сѣлъ на коверъ самолетъ и полетѣлъ. Приѣзжаетъ въ свое царство, приноситъ царицѣ письмо. Она прочитала. Написано: „Сестрица милая! позволяю тебѣ принять его къ себѣ во дворецъ на мѣсто меня и выйти за него за мужъ!“ — Ну и обвенчались. Сдѣлался Гриша царемъ, да и теперь благополучно поживаетъ. — Я у него былъ, медъ пилъ, по губамъ текло, въ ротъ не попалъ, — еще решетою шампанское дудилъ, не столько напился, сколько облился. Сказка вся и говорить больше ее нельзя.

(Съ записки уроженца Смол. Губерніи)

15. Дока на доку,

Заспорили докторъ съ аптекаремъ: кто кому сильнѣе яду задасть? Аптекарь хвалился своимъ ядомъ, — говорилъ, что противъ него и лекарства даже не найдешь. А

докторъ своимъ ядомъ хвастался. И вздумали они испробовать эти яды другъ на дружкѣ, — съ такимъ уговоромъ, чтобы, какъ поднесутъ ихъ другъ другу, такъ чтобы тотчасъ же объявить послѣ того, какіе именно эти яды? А тогда ужъ всякій воленъ противъ него и средство, какое знаетъ, принять. Вотъ поднесъ сначала своего яда доктору аптекаръ, — нѣмецъ, — выбралъ самый сильный ядъ. Докторъ былъ изъ русскихъ, выпилъ и видитъ, что зелье чертовское далъ ему нѣмчура. Однако, какъ аптекаръ ему сказалъ, какой это ядъ, докторъ тотчасъ же принялъ противъ него лекарство и какъ ни въ чемъ не бывало. — Приходитъ очередь аптекарю ядъ принимать. Докторъ и подаетъ ему растопленнаго сала бараньяго крынку: пей! говоритъ. Аптекаръ выпилъ. Докторъ подаетъ потомъ кружку холодной воды: пей! говоритъ. Аптекаръ выпилъ. Какъ выпилъ, сало, въ животъ у него и застыло. Аптекаръ послѣ того какъ ни хлопоталъ, чтобы его какъ нибудь опять растопить, да кромѣ огня-то, вишь, — ничемъ нельзя, а огня въ животъ не сунешь, — такъ и умеръ нѣмецъ.

(Записана въ Твери)

16. Деревянный Орелъ и Царевичъ-лѣтатель.

Дѣло было, братецъ, вотъ какое. Зашли одиножды въ кабакъ, можетъ, и о праздникѣ какомъ, два человѣка. Одинъ изъ столяровъ былъ, такъ, значить, простой, русскій мужичекъ; а другой, золотыхъ дѣлъ мастеръ, сирѣчь, цѣховой изъ мѣщанства. Зашли они въ кабакъ и сейчасъ же, знамо, спросили себѣ водки. Столяръ спросилъ себѣ маленькую, за пятачекъ, сирѣчь; а золотыхъ дѣлъ мастеръ, — за гривенникъ, выходитъ, большую.

Ну, извѣстно, стали оба тотчасъ выпивши и таки на порядкахъ. Вотъ потомъ заспорили. — Золотарь говоритъ: я богаче, потому что я за гривенникъ выпилъ; а столяръ ему въ отвѣтъ: нѣтъ, врешь, — говоритъ, — я богаче, хоша и за пятачекъ выпилъ. — Ну, тотчасъ же шумъ, да драка. — Кабатчикъ видитъ, дѣло плохо, — ну, извѣстно, тоже боится, чтобы грѣха какого не вышло въ заведеньи, — туда-сюда!.. А тутъ какъ разъ на то время полицья мимо шла. Онъ къ ней. — Такъ и такъ! — говоритъ. Полицья тотчасъ же ихъ тутъ захватила и повели ихъ добрыхъ молодцевъ, прямо къ царю тогдашнему. — Въ старину-то вѣдь это дѣло просто водилось, — все къ царю, да къ царю, — за всякимъ дѣломъ. Привели ихъ, такъ къ царю. — А царю-то тогда что-то нѣкогда было. — И послалъ онъ ихъ къ царевичу. Привели къ царевичу. — Царевичъ имъ и говоритъ: „ну, что вы ребятушки, мнѣ скажите? За чѣмъ васъ привели ко мнѣ?“ — Да вотъ, молъ, такъ и такъ, ваше царское высочество, — явите божескую милость, — разсудите насъ по правдѣ! — Царевичъ и говоритъ: „а вы вотъ что лучше сдѣлайте — ребятушки! — сдѣлайте-ка мнѣ каждый по штучкѣ такой, какую кто лучше сдумаетъ, и кто, говоритъ, лучше сдѣлаетъ, тотъ и правъ будетъ, — тому, завѣдомо, и богаче быть!“ — Умныя рѣчи сказалъ царевичъ. — Пошли они отъ него по домамъ своимъ и давай выдѣлывать кажинный по мастерству своему такую работу, какую кто лучше умѣлъ. — Черезъ мѣсяцъ, а и такъ, къ примѣру, и черезъ два, приходятъ опять оба къ царевичу. — Золотыхъ дѣлъ мастеръ пришелъ, подъ мышкой съ собой шкатунку краснаго дерева принесъ и въ шкатункѣ той у него что-то побрякиваетъ. А столяръ пришолъ съ мѣшкомъ толстѣющимъ за плечами и въ мѣшкѣ томъ у него тоже что-то по стукиваетъ. —

Пришли во дворецъ и просятъ дворецкаго: такъ и такъ, — говорятъ, — доложи, добрый человѣкъ, его высочеству, что, молъ, такіе-то и такіе-то пришли. — Дворецкій доложилъ. Выходить къ нимъ царевичъ и говоритъ: „ну, что жъ, ребяташки, принесли работы свои?“ — Принесли, ваше царское высочество! — Сейчасъ же золотыхъ дѣлъ мастеръ шкатулку свою изъ подъмышки вынялъ и говоритъ: осмѣлюсь вамъ доложить, ваше царское высочество, если ужъ хотите увидать мою работу вполнѣ, такъ прикажите сюда, — сдѣлайте милость, ужъ побезпокойтесь, — сначала воды цѣлый чанъ принести! — „Куда жъ тебѣ ея столько?“ спрашиваетъ его царевичъ. — А вотъ увидите, ваше царское высочество! — „Ну, хорошо, — говоритъ царевичъ, — принесите ему воды столько!“ Ладно. Принесли. — Теперича, ваше царское высочество! — говоритъ золотарь, — извольте-ка посмотрѣть сюда! — и сейчасъ же отперъ свою шкатунку. Царевичъ взглянулъ и что же, братецъ ты мой, увидалъ? — Въ шкатункѣ той сидятъ рядышкомъ, прижавшись другъ къ другу, аки настоящіе живые, три голубка золотые, какъ есть, изъ самаго чистаго золота червоннаго, такъ всѣ даже и горятъ горьмя, а сами чуть только летѣть не подымутся. — „Славная штука! — говоритъ царевичъ, — важно выдумалъ!“ — Нѣтъ, говоритъ золотарь, это еще что, ваше царское высочество, а вотъ извольте-ка посмотрѣть теперича! — Сейчасъ же взялъ онъ этихъ голубковъ своихъ и пустилъ на воду въ чанъ, а они такъ и заплывали, словно утки живыя. — „Ну, говоритъ царевичъ, — важно, люблю за такія дѣла! за это, говоритъ, я сдѣлаю тебя самымъ главнымъ золотаремъ при дворцѣ своемъ!“ — Золотарь, извѣстно, поблагодарилъ царевича за эти милости къ нему и сейчасъ же къ сторонѣ. — „Ну,

говорить царевичъ, — что теперь ты мнѣ покажешь?“ — спрашиваетъ значить, столяра. Столяръ сейчасъ же развязалъ свой мѣшокъ, взялъ его за кончики и высыпалъ оттуда цѣлый ворохъ клиньевъ: — Не обезсудьте, — говоритъ, — ваше царское высочество, на работѣ нашей, — что съумѣли, — то и сработали. — „Что жъ это такое? — говоритъ царевичъ, — аль ты вздумалъ надо мной смѣяться?“ — Никакъ нѣтъ, говоритъ, — ваше царское высочество, никакой насмѣшки тутъ нѣтъ, а если, — говоритъ, — вамъ угодно видѣть мою работу въ настоящемъ видѣ, такъ это вотъ что такое! — Сейчасъ же принялся онъ складывать эти свои клинья. Минутой сложилъ и что жъ бы ты думалъ, вышло? Величающій, развеличающій орелъ-птица, какой въ той землѣ и невидывано сроду и, ты-исть, какъ есть, аки живая, такъ даже индо и крыльями размахиваетъ. Издивился весь царевичъ на такую выдумку и не знаетъ даже какое слово вымолвить столяру на такую выдумку. Такъ ужъ значить, издивился онъ больно шибко. А столяръ ему тѣмъ временемъ и говоритъ: не угодно ли, ваше царское высочество, теперича покататься на моей птичкѣ! — „Ужли можно! — говоритъ царевичъ. — Не извольте сумлѣваться, — говоритъ столяръ, — на чести сдѣлано! — А самъ, выходитъ, эту птицу только за носъ придерживаетъ, чтобы, значить, не улетѣла. — „Нѣтъ, говоритъ царевичъ, — ты такую штуку выдумалъ, какую, говоритъ, я доподлинно и не воображалъ себѣ и, значить, мнѣ теперича даже страшно становится, что ты такой штукарь и выдумщикъ, потому такихъ диковинныхъ птицъ выдумываешь!“ — Да что жъ тутъ страшнаго-то? — говоритъ столяръ, — ваше царское высочество! — „А то, — говоритъ царевичъ, — и страшнаго, что послѣ того, Богъ тебя знаетъ,

что ты такой за человекъ есть на свѣтѣ, — можетъ, говорить, ты и колдунъ какой, потому виданное-ли дѣло, чтобы изъ клиньевъ простыхъ, какъ есть, деревянныхъ, какая птица выходила, а у тебя вотъ вышла, такъ потому, говорить, и Богъ тебя знаетъ, можетъ, ты даже надо мной и какую штуку сыграть хочешь!“ — Ничего, — говорить столяръ, — не извольте беспокоиться, ваше царское величество, — птица моя, говорить, — не насоящая вѣдь птица, а, какъ есть самодѣльщинская. — вся изъ древа одного сдѣлана и тварь, выходитъ, вполнѣ мастеровая, какъ, къ примѣру, и чугунокъ — дорога, али и тамъ что такое и, стало быть, рукъ человѣческой завсегда подвласна! — „Нѣтъ, говорить царевичъ, — какъ хошь, — говорить, — а запрямъ боязно, а лучше, говорить, сперва ты самъ покатайся на ней въ виду у меня, а потомъ ужъ и мнѣ покажи!“ — Извольте! — говорить столяръ. Сей часъ же сѣлъ на своего орла, прищандорилъ его, какъ слѣдовательно, и полетѣла птица по всѣмъ палатамъ царскимъ, аки стрѣла пущенная, — взвилась подъ самый потолокъ, крыльями замахала, головой замотала и полетѣла. Такъ и эдакъ летаетъ, и повыше и пониже, и змѣйкой вьется и турманомъ кружится и какъ, значить, тебѣ угодно, а столяръ, сидя на ней, только клинышками разными управленье ей даетъ. — „Важно! — говорить царевичъ, — молодецъ! Поучи теперича меня!“ — Столяръ слѣзъ, сталъ его учить, — выучилъ. — „За эту выдумку, — говорить царевичъ. — я сдѣлаю тебя самымъ наиблизжающимъ ко мнѣ человекомъ и дамъ тебѣ самое большое жалованье!“ — Такъ столяръ и остался при царевичѣ первымъ человекомъ, а золотарь, выходитъ, поступилъ ужъ во второй сортъ. —

Въ скорости послѣ того дѣло вышло вотъ какое. По сосѣдству съ тѣмъ царствомъ, въ которомъ жилъ этотъ царевичъ, жилъ-былъ еще король иноземный. А у него была дочь, красавица — невѣста. А жила она въ особомъ терему, высокомъ развысокомъ, за желѣзными рѣшетками и желѣзными замками, за желѣзными дверями и желѣзными заторами. И была у ней нянька приставлена, которая одна только къ ней и хаживала, — пить-ѣсть ей давала, сказки на ночь сказывала и въ постель укладывала. Даже матери родной и той запретъ былъ сдѣланъ ходить къ этой королевнѣ, своей дочери, хоша сердце материнское и шибко зоблилось и скорбило объ эвтомъ. И отецъ самъ и тотъ не больше разу одного въ годъ ее видывалъ, потому такой ужъ строгой жизни человекъ былъ и заботливый объ своей дочери на счетъ баловства. А на счетъ постороннихъ людей, ужъ и подавно, упаси Господи! — Никто даже и глазомъ однимъ не видывалъ ее, не токмо что другое. И только, выходить, молва такая ходила объ ней черезъ няньку, что, дескать, есть такая-та, въ терему содержится, королевна, красавица, красоты безпримѣрной, аки камень самоцвѣтный, драгоценный и больше ничего! — Къ этой-то кравницѣ, королевнѣ, и захотѣлось нашему царевичу побывать и самолично повидать, что, молъ, запрямя, за красавица такая писанная, невиданная, про которую такіе слухи ходятъ. А ужъ какъ онъ имѣлъ такую птицу, на которой и по поднебесью лѣтать можно было, такъ это дѣло ему, извѣстно, и нетрудно было. И тотчасъ же, значить, собрался онъ въ путь дорогу, птицу составилъ изъ клинѣвъ, сѣлъ на нее, мѣшокъ подъ мышку и маршъ! Въ ту жь минуту поднялся, Богъ знаетъ куда, — подъ самыя облака, увидалъ сейчасъ же королевство то иноземное, полетѣлъ ту-

да, — летѣлъ, — летѣлъ, — видитъ наконецъ королевскій теремъ. А ночь была ужъ на порядкахъ темна. Видитъ, — въ одномъ окошкѣ, въ терему, огонекъ засвѣтился, — онъ туда! Прилетѣлъ къ окошку, — видитъ, тамъ и есть, сидитъ та самая красавица. Посмотрѣлъ на окошко, — въ немъ желѣзная рѣшетка, а заперта замкомъ. — Онъ сейчасъ замокъ этотъ долой, рѣшетку вынулъ и входитъ. А королева его и спрашиваетъ: „Кто ты такой, добрый молодецъ?“ — Да я царевичъ, — говоритъ, — прилетѣлъ изъ далеча, говоритъ, чтобы только посмотрѣть на красоту твою неописанную. Не бойся меня, говоритъ, — королева прекрасная, — сдѣлай милость, потому никакого худа, говоритъ, я надъ тобой не сдѣлаю, окромя что развѣ скуку-время съ тобой провести могу и добрымъ словомъ наитить также. — „Если такъ доподлинно, — говоритъ королева, — такъ взойди, сдѣлай милость, — потому доброму человѣку я всегда рада“. — А царевичу только то и надо было. Сейчасъ же орла своего онъ разобралъ, клинья въ мѣшокъ спряталъ и подходитъ къ ней эдакъ акуратно и говоритъ: не обезсудьте, говоритъ, королева прекрасная, что мы такъ невзначай залетѣли къ вамъ въ такую пору, а если, говоритъ, это вамъ не нравится, такъ мы, пожалуй, и назадъ можемъ! — „Нѣтъ, — говоритъ королева, — мнѣ даже очинно пріятно съ человѣкомъ такимъ время провести!“ Ну такъ, значить, они тутъ посидѣли, потолковали, долго ли, коротко ли, по любви, потомъ онъ и собираться сталъ домой. „На предки, — говоритъ королева, — милости просимъ, если когда вздумаете!“ — Ну, извѣстно, тоже скука въ четырехъ-то стѣнахъ одной жить. — Безпримѣнно, — говоритъ царевичъ, — постараюсь побывать — Съ тѣмъ словомъ онъ и былъ таковъ Орла

своего опять собралъ, мѣшокъ подъ мышку и маршъ! Королевну поцѣловаль на дорожку разокъ, другой, и третій, — на-строго запретилъ объ себѣ сказывать, — съ тѣмъ и улетѣлъ. — На другую ночь опять такимъ же манеромъ къ окошку, — опять куры-муры, и такъ кажинную ночь! Королевна подъ конецъ къ нему и привыкла, ну, и онъ къ ней также. И такъ покамѣстъ шло все это дѣло. Онъ къ ней леталъ въ теремъ, — она его принимала, — никто объ этомъ не зналъ, даже нянька, потому что королевна завсегда ее усылала куда-нибудь въ это время. И такъ пока все шло, какъ по маслу, — шито-крыто, — тихо смирно. — Да наконецъ нянкѣ маленько въ догадку стало, что будто иной разъ по ночамъ слышалось, будто въ королевниной опочевальнѣ иной разъ рѣшетки въ окнѣ поскрипывали!... Да и то думаетъ: мало ли, дескать, съ чего? Можетъ, вѣтеръ великъ, — выюга застучить, — воронье насядетъ, — птица безпкойная, да и мало ли еще съ чего, — съ нами крестная сила!... Вотъ только потомъ она стала и сама это дѣло примѣчать. И на другую же ночь, подкравшись тихоньку къ королевниной опочивальнѣ, подошла къ ней, да и слушаетъ. Слушаетъ такъ, а тамъ слышитъ, голосъ чей-то у ней посторонній, словно мужчина разговариваетъ!... Сейчасъ же она пріотворила маленько дверцу, да и смотритъ. Смотритъ эдакъ и видитъ вдругъ, что у королевны-то какой-то молодецъ сидитъ. У старухи съ этаго такъ индо и ноги подкосились, — въ глазахъ зарябѣло, разсудокъ сомрачился и насилу, насилу она устояла тутъ на ногахъ съ отчаянности. Да и легко ли запрямя оно?! — Только потомъ пришла опять въ себя и думаетъ: какъ бы теперича горю помочь, коли дѣло еще неопоздано? Думала, думала такъ, да на другой же день раннимъ

еще ранешенькимъ и пошла къ ей матери, значить, самой королевѣ, — да все ей дочиста и рассказала. Дѣлайте, молъ, теперича надо мной, что хотите, — сколько силъ моихъ и усердія къ вашей дочери хватало, — я старалась, а супротивъ силы окаянной ничего не подѣлаешь, а отъ того только, говорить, и вся оказія-то эта вышла! — Знамо, матери такая вѣсточка не въ сладость показалась. Припечалилась королева, а впрочемъ и то думаетъ: „мало ли что старухѣ могло на умъ придти? Изъ ума, можетъ, выжила, такъ и показалось, можетъ, что во снѣ, а она за правду приняла!“ — Однако отпустивши ее отъ себя, она тотчасъ же одѣлась и пошла къ самому королю. Приходитъ къ нему и говоритъ: „Король и мужъ мой любезный! Несчастье великое повстрѣчалось въ нашемъ семействѣ!“ — Что такое? — спрашиваетъ король. — „Такъ и такъ, молъ!“ — Можетъ ли быть? — говоритъ король. „Нянька, говоритъ, сказывала заподлинно“. — Король сначала ей не повѣрилъ, а впрочемъ говоритъ: ступай, посмотри сама! — Королева пошла. — Пришла, — ну, знамо, поздоровалась и говоритъ: „давно, дочька милая, не видала я тебя, а подъ конецъ, молъ, ужъ даже и соскучилась, — сегодня, говоритъ, ужъ нарочно у отца выпросилась, чтобы на тебя посмотрѣть!“ — И я, маменька, — говоритъ, — очинно рада тебя видѣть! — „А все ли, — говоритъ королева, — ты въ добромъ здоровьи?“ — Ничего, — говоритъ, — живу по маленьку. — А мать все къ ней пристаётъ съ распросами, королевна видитъ, что дѣло уже не минучее пришло, мать-то больно напирасъ, — какъ ударится въ слезы, да тутъ же во всемъ и повинилась; какъ, значить, царевичъ-то этотъ къ ней леталъ, какъ первый разъ прилетѣлъ, какъ потомъ и все такое, — не сказала только одного, — изъ какой имен-

но онъ земли былъ, потому и сама доподлинно того не знала. — Ну, потомъ, мало ли, много ли посидѣвши у ней, королева ушла и прямо къ королю. Приходитъ къ нему, а на самой и лица нѣтъ! Король какъ только ее увидалъ, сейчасъ же обо всемъ догадался и говоритъ: „ну, говорить, — все вижу, хошь и не говори! ступай теперича домой, а дальше ужъ мое дѣло, какъ поступать съ этимъ мошенникомъ!“ Королева ушла въ большомъ горѣ, а король послѣ нея сталъ думать, да гадать: какъ бы этого человѣка изловить? — Думалъ, думалъ такъ мало ли, много ли, потомъ призываетъ къ себѣ слугу своего вѣрнаго и говоритъ ему: „такъ и такъ, говоритъ, — къ королевнѣ повадился какой-то молодчикъ ночнымъ временемъ шататься, да ты, говоритъ, — смотри ни гу-гу! не дохни никому объ этомъ, — не то сейчасъ же голову долой, такъ слушай дальше: иди, говоритъ, — теперича въ теремъ тотъ дочернинъ, выпроси у няньки дѣло это все до точности и на той же ногѣ будь здѣсь!“ — Слушаю-сь, ваше королевское величество! говоритъ слуга. Въ ту жъ минуту помчался, а черезъ минуту опять приходитъ. — „Этотъ самый молодчикъ, говоритъ слуга, — прилетаетъ къ королевнѣ кажинный день на деревянной птицѣ близко полуночи. Какъ только прилетитъ, говоритъ, — тотчасъ же сброситъ съ себя на окошко эпанчу свою верхнюю, потомъ птицу свою разберетъ, уложить ее въ мѣшокъ и съ этимъ мѣшкомъ никогда неразстается, а все подъ мышкой носить. И какъ, говорятъ, — чуть что стукнуло, сию жъ секунду птицу свою опять составитъ и хоть летѣть готовъ.“ — Ладно, говоритъ король, — иди теперича въ городъ, позови ко мнѣ всѣхъ лучшихъ совѣтниковъ моихъ и мудрецовъ и приходи съ ними сюда вмѣстѣ! — Слуга тотчасъ пошелъ. Когда они всѣ опять пришли, го-

роль и говоритъ имъ: „загану я вамъ загадку: не въ нашемъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ такое-то и такое-то дѣло случилось. Какъ-бы теперича, говоритъ, — изловить этого мошенника? Кто умный совѣтъ дастъ, того первымъ человѣкомъ въ королевствѣ сдѣлаю и большія деньги заплачу, потому мнѣ эту загадку самому загадали. А не скажетъ никто, такъ десятаго въ солдаты! Вотъ теперича и думайте и гадайте, да мнѣ скорѣе отвѣтъ подавайте!“ — Мудрецы думали, думали, ничего не выдумали, только одинъ изъ нихъ выискался, — говоритъ: можно, говоритъ, — вотъ какую штуку сдѣлать, — можно, говоритъ, — выдумать такой составъ, которымъ можно вымазать всѣ окна въ опочивальнѣ той королевы. И какъ только этотъ молодецъ прилетитъ въ опочивальню, да сброситъ съ себя на окошко одежину свою, такъ она сейчасъ же такъ и прилипнетъ къ ней, такъ что послѣ и не отдерешь, а потомъ по этой одежинѣ можно ужъ найти и мошенника этого. — „Важно, говоритъ король, — выдумывайте мнѣ теперь составъ такой!“ — Тутъ мудрецы тотчасъ стали выдумывать составъ этотъ, — сейчасъ же выдумали и подаютъ королю. Король послалъ имъ вымазать тотчасъ же окна въ терему дочерниномъ. — Къ вечеру послѣ того прилетаетъ опять, по прежнему, въ опочивальню къ королевнѣ нашъ царевичъ и только хотѣлъ сбросить на окошко одежину свою, а королевна какъ ахнетъ!.. „Ахъ, говоритъ, — милый мой, зачѣмъ ты сбросилъ здѣсь одежину свою! Тебя вѣдь ловятъ, говоритъ, — и окошко это вымазали какимъ-то составомъ!“ — Царевичъ, услыхавши такія рѣчи, какъ рванетъ вдругъ эпанчу свою, — глядь, анъ полы одной, какъ не бывало, — оторвалъ, — прилипла! — Ну, говоритъ царевичъ, — оставилъ теперича память по себѣ! — Ну, тутъ онъ посидѣлъ

немножко съ королевной, потолковалъ кое о чемъ, общался похлопотать объ свадьбѣ своей поскорѣе, собрался опять въ путь-дорогу и улетѣлъ назадъ. На другой день въ опочивальнѣ королевниной нашли кусочикъ этой эпанчи царевичевой, — представили ее къ королю, — король велѣлъ разрѣзать ее на мелкія кусочки и послалъ по лавкамъ суконнымъ, по всему своему королевству, по одному образчику въ каждую лавку съ такимъ приказомъ: ежели кто будетъ спрашивать такого-то сукна, такъ чтобы сейчасъ же представляли этого человѣка къ королю!—Ну, извѣстно, онъ надѣялся, что, можетъ кто и изъ его королевства подмазывался такъ къ королевнѣ-то!—

А царевичъ, прилетѣвши домой, на другой же день хотѣлъ было ужъ итти къ отцу за дозволеньемъ объ свадьбѣ, да только то подумалъ: какъ же, молъ, это я безъ полы-то пойду? А помимо этой одежины-то нельзя было другой надѣть, потому эта подарена была ему отцемъ самимъ, а царь настаивалъ, чтобы царевичъ только въ ней одной и являлся во дворецъ къ нему. — „Такъ вотъ что, говоритъ царевичъ, — теперича я сдѣлаю: прикупить, говоритъ, — необходимость скорѣе сукна такого, полу новую вставить, а потомъ и итти!“ — Призываетъ онъ потомъ дворецкаго своего и говоритъ: „такъ и такъ, говорить, — ночнымъ временемъ шедши по улицѣ, напали на меня собаки и оторвали полу. Сыщи, говоритъ, — мнѣ теперича скорѣе точь въ точь такого-же сукна и отдай портному вставить полу!“ — Дворецкій пошелъ за сукномъ. Только искалъ, искалъ такого, весь городъ обшаркалъ, а сукна не нашелъ. Приходитъ домой и говоритъ: нѣту, говоритъ, — нигдѣ, ваше царское величество! — „Отыщи, говоритъ царевичъ, — гдѣ хочешь, хоть со дна

моря достань, а сыщи, — безъ того и глазъ ко мнѣ не кажи!“—Дворецкій думалъ, думалъ, — какъ быть? — потомъ и размышляетъ: пойтить, говорить, — развѣ къ купцу такому-то, — ѣздитъ онъ часто за границу, такъ, можетъ, говорить, — и достанетъ его гдѣ! — Вздумано, сдѣлано. Приходитъ къ купцу и говоритъ: такъ и такъ, молъ, надъ царевичемъ случилось. Не можешь ли гдѣ достать такого сукна?—„Можно, говоритъ купецъ, — это сукно изъ такого-то королевства, а мнѣ, говоритъ, — даже скоро туда путь лежитъ за товарами.“ — Такъ сдѣлай милость, говоритъ дворецкій, — похлопочи! — Купецъ согласился. Приходитъ потомъ дворецкій домой и рассказываетъ: такъ и такъ, молъ, заказалъ съ такимъ-то купцомъ изъ такого-то королевства достать!—А это, значить, и было то самое королевство, въ которое царевичъ-то леталъ. — Царевичъ и говоритъ ему: „а скоро ли онъ привезетъ его?“ — Да общался, говоритъ, — скоро, а впрочемъ и то сказать, — Богъ его знаетъ, — путь тоже не близкій лежитъ. — „А коли такъ, говоритъ царевичъ, — такъ я самъ еще скорѣе его скомантую!“ Сейчас же собралъ орла своего, сѣлъ на него и маршъ! Дворецкій не успѣлъ даже и глазомъ моргнуть, а ужъ царевича и слѣдъ простылъ. — Только проходитъ послѣ того и день, и два, и недѣля, и мѣсяцъ, а царевича все нѣтъ. Дворецкаго стало это маленько подмывать. Не свалился ужъ гдѣ, думаетъ онъ, — развѣ съ орла-то своего? Не сломилъ ли себѣ шею? Не запутался ли какъ въ поднебесьи? Не попалъ ли куда ошибкой въ другое королевство? Али орелъ-то ужъ не оборотень ли какой?—Задумался такъ дворецкій, закручинился, думалъ думалъ такъ, да и пошелъ къ царю самому. Пришелъ и говоритъ: такъ и такъ, ваше царское величество!— Царь спросилъ: кто царевичу орла такого сдѣ-

лалъ? Дворецкій сказалъ: такой-то столяръ! — Царь велѣлъ тотчасъ же его въ тюрьму засадить. А тутъ еще золотарь подбавилъ, сказалъ царю, — что этотъ столяръ колдунъ и первый въ свѣтѣ мошенникъ. — Ну, знамо, онъ это сдѣлалъ изъ ненависти, да съ досады, что тотъ, какъ сдѣлался такимъ близкимъ человѣкомъ къ царевичу, иной разъ и хвалиться надъ нимъ сталъ и ругаться, особливо въ хмѣльномъ видѣ. А царь-то всѣ эти кляузы его за чистую правду принялъ, да и велѣлъ столяра-то сослать на вѣчно. Сейчасъ же заковали его въ кандалы, да и сослали туда по шосейной дорожкѣ. Такъ онъ и поплатился за выдумку свою, да за гордость, потому пословицу забылъ: тише воды, ниже травы будь, — особливо наше мужицкое дѣло!

А что же теперича съ нашимъ царевичемъ сталося? А вотъ что: какъ только онъ тогда долетѣлъ до того королевства, въ которомъ сукна-то хотѣлъ купить, — сейчасъ же спустился сначала на поле около одного города, разобралъ тамъ свою птицу, клинья поклатъ въ мѣшокъ, мѣшокъ подъ мышку и пошелъ къ этому городу. Приходить, спрашиваетъ себѣ сукна такого, показалъ образчикъ, а его, друга милаго, тутъ же и признали да къ королю. Привели къ королю, ну и, знамо, сперва допросъ: кто ты такой и откуда? — Я, молъ, купецкій сынъ отъ такого-то царства. — А это, — говорить, — что у тебя подъ мышкой-то? — спрашиваютъ, значить, про клинья. — Это, молъ, по нашей торговлѣ, аршины, да полуаршины такіе! — Ну, знамо, ему въ этомъ не повѣрили, а говорятъ: врешь, ты долженъ быть какойнибудь мошенникъ, — и тотчасъ же послали его въ полицію и засадили подъ самый строгій караулъ. — Сидитъ здѣсь царевичъ нашъ и день, и два, и недѣлю, и мѣсяцъ, а все не выпускаютъ.

Видить царевичъ, — дѣло плохо, — пожалуй, эдакъ и голову присудятъ долой, — вотъ онъ и пустился на выдумки. Сейчасъ же сказалъ полицейскимъ, что онъ во все не купецкій сынъ, — что такъ онъ показаль сначала со страховъ, а что онъ фокусникъ изъ такой-то земли и что для этого у него и клинья такія имѣются. Полицейскіе сейчасъ же его просятъ: покажи, да покажи намъ свои фокусы! — Онъ и говоритъ: пожалуй, это мнѣ не трудно, только для этого мнѣ надо просторную комнату съ большими окнами. Полицейскіе сначала — мялись, думаютъ, чтобы, пожалуй, какого еще мошенничества не вышло, — только ужъ наконецъ захотѣлось имъ больно посмотреть на эти фокусы-то, — они сейчасъ и отвели ему такую комнату. Царевичъ взошелъ въ нее, — посмотрѣлъ, — видитъ — хороша, тотчасъ же высыпалъ изъ мѣшка свои клинья, составилъ изъ нихъ птицу, сѣлъ на нее и говоритъ: „Смотрите теперича!“ да съ этимъ словомъ какъ шмыгнетъ мимо ихъ въ окошко! Полицейскіе туды — сюда, ахатъ, охатъ, — какъ же, молъ, это такъ? — Да дѣлать-то нечего, — что съ возу упало, то должно быть, навсегда пропало. — Такъ полицейскіе и прозѣвали нашего царевича.

А царевичъ, слава Богу, прилетѣлъ благополучно домой и прямехонко къ дворцу своему: Увидаль дворецкаго и спрашиваетъ: „ну что тутъ у васъ безъ меня подѣлывается?“ — Дворецкій, извѣстно, обрадовался. — Батюшка, — говоритъ, — дорогой ты нашъ царевичъ, — въ живыхъ видать! — Сейчасъ же прямо къ нему на шею! — царевичъ тоже обласкалъ его, сейчасъ же спрашиваетъ про отца и про все. — Дворецкій разказалъ ему все, сказалъ даже и объ столярѣ. — „Можетъ ли быть, — говоритъ царевичъ, — чтобы такъ случилось?“ —

Вѣрно! — говоритъ дворецкій. — Царевичъ сейчасъ же пошелъ къ царю, такъ даже не раздѣваясь, а прямо, какъ есть, по дорожному. — Царь, извѣстно, обрадовался, увидавши его въ живыхъ. — Сейчасъ же для такой радости задалъ пиръ на весь міръ, музыку приказалъ настроить, — балъ, вины всякія и нашему брату тамъ сивушки поднесли. Только пиръ пируютъ господа, да министры, а царевичъ все какъ-то не веселъ. Царь его и спрашиваетъ: чтой-то ты, сынокъ любезный, не веселъ у меня и сумраченъ? Али, говоритъ, ужъ не красавица ли какая на балу моемъ защемила твое ретивое, такъ ты скажи, говорить, только, и сейчасъ же тебѣ всякое удовольствіе будетъ! — „Нѣтъ, — говоритъ царевичъ, — государь мой батюшка, не отъ того совсѣмъ я сумраченъ, а задумался я, говоритъ, о двухъ вещахъ, только не знаю, какъ объ нихъ и слово вымолвить.“ — Говори, — говоритъ царь, — сдѣлай милость — не рабѣй и не мучь меня лучше своими хмурыми бровями! — „Первая дума моя, — говоритъ царевичъ, — красна дѣвица, красавица, королевская дочь, изътакого-то королевства и на ней мнѣ, государь мой батюшка, хочется жениться.“ — А на то, — говоритъ царь, — вся твоя добрая воля. — „Другая дума, — говоритъ царевичъ, — какъ бы столяра моего изъ ссылки воротить!“ — И на то, — говоритъ царь, — даю тебѣ свое разрѣшеніе, только съ однимъ уговоромъ, чтобы впередъ онъ не выдумывалъ птицъ такихъ, а ты, — говоритъ, — сдѣлай милость, — потѣшь меня старика, — изруби и сожги ты этого проклятаго орла, который мнѣ столько горя сдѣлалъ. — „А на то, — говоритъ царевичъ, — вся твоя добрая волюшка, государь мой батюшка!“ — Такъ тѣмъ всѣ горя и покончились. — Послѣ того царевичъ скорешенко женился на королевнѣ прекрас-

ной. Свадьба была такая, что объ ней по всей вселенной говорили, — изъ пушекъ палили, въ колокола звонили. Простонародью сдѣланъ былъ праздникъ сразу три недѣли, кабаки всѣ были отперты и всякій пилъ своей рукой, сколько душѣ за угоду было. Подъ этотъ разъ изъ ссылки и столяра воротили, да только ужъ послѣ того недолго онъ нажилъ, а сталъ хирѣть, да хирѣть, да такъ и умеръ, а вмѣстѣ съ нимъ пропалъ навѣчно и секретъ, какъ изъ дерева лѣтающихъ птицъ дѣлать.

(Записана съ разказа Московскаго ремесленника.)

17. Райская птичка.

Жилъ былъ въ одномъ монастырѣ старецъ благочестивый. Пошелъ онъ однажды въ садъ погулять и слышитъ, — поетъ какая-то птичка на деревѣ таково-то сладко, такимъ-то пріятнымъ голосомъ, словно райская птичка. Подошелъ онъ поближе къ ней, легъ на травку супротивъ и сталъ слушать. Слушалъ, слушалъ, да тутъ же и заснулъ крѣпко и не просыпается. Черезъ нѣсколько времени монахи — братья хватились старца, — нѣту! Ждутъ его къ обѣду, — нѣту! — Ждутъ къ вечернѣ, — нѣту! — Ждутъ къ ужину, — нѣту! — Пошли они къ настоятелю объявить объ немъ. — Настоятель приказалъ тотчасъ же обыскать весь садъ. Монахи обшарили всѣ кусточки, а старца не нашли. На другой день опять искать, — искали, искали, опять не нашли. На слѣдующій день опять искать и все таки не нашли. Такъ еще нѣсколько дней монахи поискали, поискали, поспрашивали, поспрашивали кое-кого о немъ, ничего ни отъ кого не узнали, такъ и перестали искать. „Должно быть, — толкуютъ монахи, — недобрые люди извели его, позарились на

что, убили, а тѣло-то спрятали куда подальше. “Записали потомъ они старца этого въ поминальникъ, въ книгахъ монастырскихъ обозначили, что пропалъ такой-то старецъ безъ вѣсти, такого-то числа, — тѣмъ и покончили всѣ поиски о немъ.

Ну, такъ значить, пропалъ, да пропалъ старецъ. Только потомъ монахи въ монастырѣ другіе ужъ стали, — садъ перемѣнился съ виду, — маленькія деревца большими стали, большіе погнили и свалились. Вотъ въ одно утро просыпается этотъ старецъ послѣ сна своего и удивляется, что кругъ него все такъ перемѣнилось! „Чтой-то, говоритъ, кажется, спалъ я долго, а вдругъ такія перемены! Дивны дѣла твоя Господи!“ — Приходитъ въ монастырь, видитъ все не то: монахи незнакомые, въ монастырѣ перестройки разныя! Идетъ въ свою келью, смотритъ, передѣлана по другому и тамъ какой-то монахъ сидитъ, словно у себя въ домѣ. „Что жъ это такое значить думаетъ старецъ. Ужли все это во снѣ я вижу? А вотъ посмотримъ!“ — Подходитъ къ тому монаху и говоритъ: „здравствуй, братъ!“ — Здравствуй, говоритъ, старче! — „Давно ли ты здѣсь живешь?“ — Лѣтъ съ десятокъ будетъ! говоритъ. — „Что за притча?“ думаетъ старецъ. — „А кто, говоритъ, теперича въ монастырѣ настоятелемъ?“ — Такой-то, — говоритъ монахъ. — „Что за чудо! И настоятель не тотъ! — А давно ли, спрашиваетъ, онъ здѣсь?“ — Лѣтъ ужъ съ 20 будетъ! — „Чудо, говоритъ старецъ, да и только! А не помнишь ли, братъ, давно ли здѣсь былъ настоятелемъ такой то?“ — Не припомню, говоритъ монахъ, да и не слыхивалъ! — „Ну, думаетъ старецъ, должно быть, заправду долго я спалъ! Пойдука говоритъ, къ настоятелю самъ, да поразвѣдаю все хорошенько самолично! Приходитъ и говоритъ: „я, отецъ нас-

тоятель, былъ монахомъ въ этомъ монастырѣ, — сколько лѣтъ назадъ, не могу теперича сказать, только вотъ со мной какой случай вышелъ: пошелъ я въ садъ прогуляться, слышу, какая-то птичка пѣвчая поетъ таковое сладко, — я слушалъ, слушалъ ее, прилегъ на травку, да и заснулъ. Сколько времени спалъ не знаю, а какъ проснулся, вижу, — все ужъ совсѣмъ не такъ стало. Должно быть, я долго очень спалъ, такъ нельзя ли, говоритъ, какъ въ книгахъ узнать, — сколько времени я спалъ? „ — Настоятель сталъ разыскивать по книгамъ, — рыться, — рыться, — нашелъ, — записано въ книгахъ монастырскихъ, — что такого-то года и числа такой-то старецъ пошелъ въ садъ прогуляться, да такъ назадъ и не возвращался, и сколько монахи братья не искали его, не могли найти ни въ саду, ни за оградой, слуховъ никакихъ объ немъ не было, такъ братья и порѣшили, что, стало быть, какіе недобрые люди извели его изъ зависти, — съ того времени и искать перестали. — Высчиталъ потомъ настоятель годы съ того числа, какъ заснулъ этотъ монахъ, да до того, какъ онъ проснулся, и ровно 72 года вышло. — Вотъ какъ райская-то птичка его усыпила. Дивно только то монахамъ показалось, какъ братья, искавши его столько время, — не нашли и послѣ на него никто не натыкался, а онъ межъ тѣмъ на самомъ видномъ мѣстѣ спалъ. Ну, знамо, ужъ это такъ Господь призриль.

(Записана въ Твери.)

18. Золотая нога.

Жила барыня богатая. Дѣтей у ней не было, а изъ родства всего только и была одна племянница бѣдная. Взяла барыня эту племянницу себѣ въ пріемыши. Племянница

ходить за барыней, какъ за родной матерью, прислуживаетъ ей, во всемъ угождаетъ. Заболѣла потомъ у барыни нога. Болѣть, — болѣть, — загнила, да и отвалилась прочь совсѣмъ. Жалко барынѣ стало ноги своей, вотъ она и велѣла слить себѣ подѣ стать другой, — ногу золотую изъ всего золота, какое только у ней было. Слили ей эту ногу. Потомъ барыня заумирала вскорѣ еще тяжеле, — хворать, — хворать, да и умерла. Передъ смертью призвала къ себѣ племянницу и говоритъ: „вотъ, племяннушка, все, что послѣ меня въ домѣ останется и самый даже домъ, — пусть останется въ твою пользу, не оставляй только въ домѣ одной ноги моей золотой, положи ее непременно со мной во гробъ и никому объ этомъ не сказывай, чтобы послѣ смерти не вздумалъ кто костей моихъ тревожить!“ — Племянница поблагодарила тетку за наслѣдство, общалась завѣщаніе ея выполнить, — барыня умерла. Только послѣ смерти откуда ни возмись, — выискались какіе-то дальніе родственники покойницы, стали тягать у племянницы имущество послѣ тетки, — тягали, — тягали, да все и оттягали. Впала племянница послѣ того въ бѣдность великую; — пришлось такъ иной разъ, что перекусить нечего! Тяжко стало племянницѣ, — вотъ она и думаетъ: кабы тетушка оставила мнѣ ногу золотую, я бы и горя не видала! — А потомъ: можетъ мнѣ ее и на крайность берегла, отдавши такой приказъ. И если теперича попробовать взять ее, можетъ она и не разсердится! — Подумала такъ племянница, а нужда то все больше подгоняется, — вотъ она и рѣшилась: пойду, говоритъ за тетушкиной золотой ногой, — что будетъ!.. Была темная, растемная ночь, дождикъ такъ и лилъ ливня, словно изъ ведра, — и въ эдакую-то ночку племянница надумала идти на кладбище.

Идетъ одна одиначенька, озирается кругомъ, чтобы кто не подсмотрѣлъ, — приходитъ на теткинѹ могилу, разрыла ее, видитъ; — тетки нѣту! — Сгнила, должно быть, ужъ! говоритъ племѣяница. Ищетъ ногу, — тутъ! — Схватила ее поскорѣй въ полу и назадъ! Идетъ по кладбищу, — вдругъ видитъ, на встрѣчу кто то идетъ прямо на нее. — Племянница, извѣстно, струхнула, прижалась ко кресту и стоитъ ни жива ни мертва. Привидѣнье все ближе и ближе къ ней. Подошло на аршинъ разстоянія и спрашиваетъ: „какъ ты сюда попала?“ Племянница тотчасъ же узнала по голосу свою тетку. Руки и ноги у ней такъ и опустились. Я, тетушка, — говоритъ, — ходила на твою могилку! — „Зачѣмъ?“ Поклониться! — „Въ такую-то пору и непогоду?“ — Да! говоритъ. — Тетка какъ хватить ее за плечо, да голосомъ такимъ то страшнымъ надъ самымъ ухомъ, какъ проговорить: „а золотая то-нога моя гдѣ?“ Племянница со страху такъ тутъ же безъ чувствъ и упала. На другой день ее нашли ужъ мертвую около того креста, а ногу золотую тетка опять съ собой унесла въ могилу. — Вотъ каково покойниковъ тревожить!

(Записана въ Твери)

19. Цыганъ въ монастырѣ.

Какимъ-то родомъ попалъ цыганъ въ монастырь на масляницѣ, пришолъ за трапезу и видитъ, что монахи блины ѣдятъ, таково-то масляно. У цыгана такъ и слюньки растеклись. Вотъ и надумалъ онъ съ того проситься въ монастырь въ монашество. Приходитъ къ настоятелю и просить его объ этомъ. Настоятель согласился. Цыгана приняли въ монастырь, — дали ему пономаревскую должность. Вотъ цыганъ раннимъ еще утромъ встанетъ, бы-

вало, позвонить къ заутринѣ и пойдетъ въ затрапезную. Придетъ, а тамъ ужъ и блины готовы. Цыганъ тотчасъ же поѣстъ, поѣстъ, опять позвонить, придетъ въ затрапезную, блиновъ поѣстъ опять, опять потомъ на колокольную и такъ все время проводилъ цѣлую масляницу! А иной разъ еще и выхراпку хорошую задастъ! — Понравилось цыгану такое житье, — ходитъ онъ по монастыству, руки потираетъ, да приговариваетъ: „косточки здѣсь свои положу, косточки здѣсь свои положу!“ Ладно. Прошла масляница. Наступилъ великій постъ. Въ самый чистый понедѣльникъ цыганъ ранешенько еще вскочилъ съ постели, побѣжалъ на колокольную, позвонилъ къ заутренѣ и идетъ опять въ затрапезную. Пришолъ, смотритъ въ печку, а тамъ кухаръ только ужъ сковородки выжариваетъ отъ масла на огнѣ. Цыганъ думаетъ: „стало быть, еще рано блинамъ быть!“ — Пошелъ на колокольную, отзвонилъ другой звонъ, идетъ опять въ затрапезную. Смотритъ, а кухаръ то же дѣлаетъ. — „Ну, думаетъ цыганъ, сегодня, должно быть, только къ обѣду блины будутъ!“ — Дождался обѣда. Пришли монахи за трапезу. Подаютъ имъ капусты съ квасомъ, сколько написано по книгамъ и больше ничего. — Дѣлать нечего, — цыганъ съ ними тоже ѣстъ. Приходитъ время ужина, — ужинать не даютъ. — Цыгану это не понравилось. Лежитъ ночью на постелѣ, а въ животѣ у него такъ и бурчить, такъ голодъ и пробираетъ. Дождался цыганъ кое какъ утра, — пошелъ на колокольную, позвонилъ къ заутренѣ, идетъ по старому обычаю въ затрапезную. Пришелъ, видитъ, кухаръ даже и печки не топить. „Ну, — думаетъ цыганъ, — вчера было голодно, а сегодня и подавно, должно быть, будетъ!“ — И точно, — еще голоднѣе было: сухари только съ водой подавали къ обѣду, а ужина совсѣмъ не было опять. На

третьи сутки побывальцыганъ утромъ въ затрапезной, видить, кухарь опять печки не топить, да общалъ еще съ иедлю не топить, зло взяло цыгана на монастырь, онъ и думаетъ: да тутъ пожалуй, за недлю-то и съ голоду подохнешь! Втемяшилось это цыгану въ голову и давай онъ бѣжать изъ монастыря.

(Записана въ Твери.)

20. Русскій и Жидъ.

Жилъ былъ когда-то на Руси продувной человекъ, такой-то, что просто съ огнемъ поискать. Пришолъ онъ однажды въ городъ, видить, жидъ идетъ на встрѣчу, онъ и думаетъ: „дай надую жид!“ — Подходить къ забору, взялъ палочку, на палочку кошелекъ повѣсилъ, положилъ туда два гроша, перекинулъ палочку черезъ заборъ и вертитъ на ней кошелекъ, да что-то приговариваетъ. Жидъ подходит и спрашиваетъ: что, ты русскій человекъ, тутъ дѣляеся? „Деньги добываю!“ — говоритъ русскій. Узли? А какъ же это? — „Что дашь? скажу!“ — А что возьмешь? — „Пять цѣлковыхъ!“ — Много, добрый человекъ, возми три. — „Ну, давай, жидова голова, что съ тобой дѣлать!“ — А ты сперва выучи! — „Изволь!“ — Русскій началъ учить его. — „Видишь, — говоритъ, — кошелекъ?“ — Визю. — „Вотъ я въ этотъ кошелекъ положу гривенникъ, — видишь?“ — Визю. „Теперь я перекину этотъ кошелекъ на палкѣ черезъ заборъ, не буду туда смотрѣть, а только стану приговаривать: „бездна бездну призываетъ! бездна бездну призываетъ!“ — „Понялъ?“ — Понялъ. — Русскій тотчасъ положилъ тихонько въ кошелекъ еще гривенникъ, перекинулъ его на палкѣ черезъ заборъ, вертитъ, да приговариваетъ: „бездна бездну призываетъ! бездна бездну призываетъ!“ — Вертѣлъ, вертѣлъ такъ съ часъ, по-

томъ вытащилъ его изъ-за забора, развернулъ, показалъ жиду, — два гривенника! — Жидъ такъ и прыгнулъ отъ радости, что такой секретъ ему русскій открылъ. — Дайка, — говоритъ, — теперь я самъ попробую. — „Изволь!“ — Сейчасъ же жидъ положилъ въ свой кошелекъ двугривенный, а русскій въ него тихонько еще свой двугривенный сунулъ. — Жидъ перекинулъ этотъ кошелекъ на палкѣ черезъ заборъ и давай вертѣть, да приговаривать: „бездна бездну призываетъ! Бездна бездну призываетъ!“ — Повертѣлъ, повертѣлъ съ минуту, хочетъ посмотрѣть, а русскій говоритъ: „рано!“ — Жидъ опять вертѣть. Повертѣлъ съ часъ, русскій и говоритъ: „ну, теперича. смотри!“ — Жидъ посмотрѣлъ, — два двугривенныхъ! — Сейчасъ же бросилъ мужику три цѣлковыхъ, самъ поскорѣй отъ него драло. Отошелъ съ версту, оглянулся кругомъ, — русскаго невидно нигдѣ и ни одной души на улицѣ; сейчасъ же подошелъ къ забору, привязалъ кошелекъ къ палочкѣ, положилъ туда цѣлковый и давай вертѣть, да приговаривать: „бездна бездну призываетъ! Бездна бездну призываетъ!“ — Въ это время подкрался русскій позадь забора, сунулъ тихонько въ кошелекъ еще свой цѣлковый, притаился, потомъ тутъ и сидитъ. Жидъ провертѣлъ около часу, посмотрѣлъ въ кошелекъ, — два цѣлковыхъ! — Не утерпѣло жидово сердце, что-бы еще разъ не попробовать секрета русскаго. Недошедши до дому, — тотчасъ же ввалилъ онъ въ кошелекъ всѣ свои наличныя, какія были у него съ собой деньги, — рублей знать, со сто, перекинулъ кошелекъ черезъ заборъ и давай вертѣть, да приговаривать чуть не во все горло, — знать, — ужъ больно въ азартъ взошелъ: „бездна бездну призываетъ! бездна бездну призываетъ!“ — Русскій тотчасъ же изловчился, отрѣзалъ отъ палки кошелекъ, да тягу. Жидъ вертитъ все, да

оретъ во всю мочь, а русскій давно убѣгъ!—Хватился потомъ жидъ кошелька, — нѣту! И съ деньгами пропаль! Жидъ догадался, чье это дѣло и давай клясть русскаго. Да жидовскія клятвы — то, видно, до Бога не доходятъ и русскій на эти деньги такъ то важно погулялъ на бѣломъ свѣтѣ.

(Записано въ Твери.)

21. Мужикъ и царь.

Шли по обжорному ряду два мужика, разговаривали. Одинъ и говоритъ: „кабы я былъ царемъ, — я бы все лукъ ѣлъ!“ А другой: „нѣтъ, кабы я былъ царемъ, я бы все калачи съ медомъ ѣлъ!“ — А царь тутъ и былъ, позади ихъ шелъ. Вотъ онъ и спрашиваетъ одного: „хочешь быть царемъ?“ — А тотъ мужикъ былъ смирный, — какъ увидалъ царя, — испугался, и говоритъ: нѣтъ, — говоритъ, — это я такъ только, — пошутилъ! Царь спрашиваетъ другаго: „хочешь быть царемъ?“ — Этотъ былъ посмѣлье и говоритъ: хочу! — „Ну, пойдемъ со мной!“ — говоритъ царь. Пошли. Пришли во дворецъ. Царь велѣлъ мягкую постѣль изготовить и положить на нее мужика. Положили. Царь и спрашиваетъ: „ну, что, мужикъ, мягко?“ — Мягко! говоритъ. — „Хорошо?“ — Хорошо! — „Крѣпко спать будешь?“ — Крѣпко! „Принесите теперича, — говоритъ царь слугамъ своимъ, — кинжалъ острый и повѣсьте его надъ самой головой мужиковой на одной ниточкѣ!“ — Тотчасъ же слуги принесли кинжалъ и повѣсили. Какъ повѣсили, мужикъ и взмолился къ царю: Батюшка, ваше величество, не дайте умереть безъ покаянья души христіанской, не загубите души крещеной, другу не другу закажу въ цари желать! — „То-то же, — говоритъ царь, — вотъ такъ-то и вся наша жизнь царская ежечастно на

ниточкѣ держится! — И жить хорошо, да опаски много! Иди теперича съ Богомъ, — говоритъ царь, — и не завиствуй впередъ цареву житью, а наипаче соболѣзнуй!“ — Съ тѣхъ поръ полно мужикъ въ цари лѣзть и калачемъ не заманишь больше его въ эту должность.

(Записана въ Твери.)

22. Барыня и горничныя.

Жила барыня старая. Были у ней горничныя. Этимъ горничнымъ не давала она отдыху въ работѣ ни днемъ ни ночью. День весь торчитъ въ дѣвичей, смотритъ за работами, — по ночамъ не спится старухъ долго, а она и горничныхъ не пускаетъ съ работъ до полуночи. — Утромъ чуть пѣтухъ пропѣлъ, тотчасъ же одѣвается и будитъ своихъ горничныхъ на работу. — Измучились горничныя такимъ житьемъ и вздумали на хитрости подняться. Совѣтуются промежъ себя: „а что если убить барынинаго пѣтуха, вѣдь намъ легче будетъ тогда? Подымать рано будетъ нѣкому и спи спокойно цѣлое утро!“ — Надумали такъ горничныя тотчасъ же взяли и убили барынинаго пѣтуха. Барыня эту ночь точно проспала дольше прежнихъ ночей. Только вставши и спрашиваетъ: что жъ это я сегодня пѣтуха не слыхала? — Горничныя и говорятъ: „должно быть, сударыня, крѣпко почивать изволили, оттого и не слыхали.“ — Нѣтъ, говоритъ барыня, — нето, — сонъ у меня завсегда чуткій, все бы я услышала, кабы онъ пѣлъ, а живъ ли ужъ, полно, онъ? — „Живъ, — говорятъ горничныя, — цѣлехонекъ, что ему дѣлается?“ — —Принесите-ка мнѣ его сюда! — говоритъ барыня. Горничныя пошли, только пѣтуха не принесли и говорятъ, что онъ долго жить приказалъ. — Барыня догадалась, въ

чемъ дѣло, и говорить: а! — говорить, вотъ что! теперича я понимаю, отъ чего онъ долго жить-то приказалъ! Вамъ работать надобло по моему взыску, дольше спать хотѣлось, такъ не будетъ же по вашему, — я и безъ пѣтуха обойдусь, а васъ все-таки на работы буду ранехонько поднимать! — Въ тотъ же день барыня легла спать позже обыкновеннаго, — въ одно время съ собой положила и горничныхъ. Ночью она повертѣлась, — повертѣлась на постели, — заснуть не можетъ, да и мерещится все ей, что горничныя проспятъ. Вотъ она гораздо еще до пѣтуховъ вскочила, и давай будить ихъ. Вставайте, говорить, сони! Бока, пожалуй, всѣ отлежите, спавши — такъ долго! — Посадила ихъ сейчасъ же за работы и такъ кажинный день стала подымать ихъ. И сдѣлали такимъ манеромъ горничныя гораздо хуже себѣ противъ прежняго.

(Записана въ Твери.)

23. Капризная жена.

Жили два барина рядомъ въ помѣстьяхъ. У одного былъ сынъ, — учился въ Питерѣ; а у другаго — дочь, — невѣста — росла дома. Барышня эта была красавица, хоть куда, одна у отца наследница, — отецъ богатый и всѣмъ формально хороша удалась, только одинъ порокъ за ней водился: такъ была капризна, что, бывало, въ домѣ никому покоя не дастъ, — никто на нее не угодить, на всѣхъ кричить, топаетъ ногами, просто замучала всѣхъ своими капризами, да и только! Вотъ пріѣзжаетъ разъ барченокъ другаго барина сосѣда къ отцу своему въ побывку изъ Питера, побывалъ у сосѣдей, повидаль, что у нихъ такая барышня хорошая, богатая, да только съ каприза-

ми, и жалко ему ее стало, а тоже и зубки на нее разгорѣлись. — Вотъ онъ и говоритъ отцу своему: „позвольте, батюшка, мнѣ на ней жениться!“ — Что ты! — говоритъ отецъ, — ни за что! — Нѣтъ отъ меня на то тебѣ благословенія! — „Позвольте,—говоритъ,—батюшка!“ — Ни за что! — говоритъ, баринъ, — чтобы такого чорта къ себѣ въ домъ я пустил! — А женишься, такъ ко мнѣ и глазъ не кажи! — Живи, гдѣ хочешь, одинъ съ женой! — Сынъ не послушался отца, женился на этой красавицѣ капризной, взялъ въ приданое, кромѣ денегъ, еще деревню въ другой губерніи. — Тотчасъ же послѣ свадьбы поѣхалъ туда съ женой и сталъ жить. Молодая принялась было тамъ по прежнему мучить его своими капризами. Онъ сначала не зналъ, что дѣлать, — все уговаривалъ честью, да ласками. Потомъ видитъ, что ничего не беретъ, — и давай спрашивать няньку ея: какъ ее съ дѣтства учили и воспитывали? — По рассказамъ вышло, что ее учили и воспитывали больше все по нѣмецкому, да по французскому, а по русскому вовсе мало, даже не пеленали и въ люлькѣ не качали, а только все на рукахъ — распелененную убаюкивали. „Вотъ оно въ чемъ дѣло-то! говоритъ молодой баринъ, — не всю русскую школу проишло!“ — И тотчасъ же давай ее пеленать, да въ люлькѣ качать, какъ настоящаго младенца. Какъ, бывало, чуть она закапризничаетъ, или закричитъ, онъ тотчасъ же пеленать ее, въ люльку, да и качать! — Качаетъ, качаетъ до тѣхъ поръ, пока дурить перестанетъ. Какъ опять что пикнетъ, тотчасъ же пеленать, въ люльку и качать! — Что жъ бы ты думалъ? Въдь откачалъ и отнянчилъ совсѣмъ! Шелковая стала — за какіе-нибудь полгода! За то послѣ и благодарны же ему были за такую выдумку: и сама и отецъ, и тестъ, — потому всѣмъ прі-

ятнѣ стало, что такая красавица отъ капризовъ избавилась. — Поѣхали потомъ молодые къ старикамъ, зажили всѣ вмѣстѣ однимъ домкомъ, и стали жить, да поживать, да добра наживать.

(Записана въ Москвѣ.)

24. Морока,

а) Морочилъ солдатъ народъ, — увѣрялъ, что сквозь дерево пролѣзетъ. Положилъ бревно, народъ смотритъ, а онъ полѣзъ. Да вмѣсто того, чтобы сквозь дерево-то лѣзть, полѣзъ позади его. Народъ стоитъ на одной сторонѣ, а онъ лѣзетъ по другой. Ъхалъ тѣмъ мѣстомъ мужикъ въ городъ съ сѣномъ. Ъдетъ и видитъ, какъ морока народъ морочитъ. Поравнялся съ народомъ и говоритъ: „Православные! смотрите-ка, вѣдь онъ позадь дерева лѣзетъ, а не сквозь!“ — Солдату показалось это обидно. Всталъ онъ изъ за дерева и говоритъ: „мужикъ, а мужикъ! посмотри-ка, сѣно-то у тебя на возу загорѣлось!“ Мужикъ посмотрѣлъ, сѣно точно занялось! Вотъ давай его расшвыривать, да тушить! А народъ покатывается со смѣху, что морока такъ мужика заморочилъ. Размѣталъ мужикъ сѣно, морока и говоритъ ему: „мужикъ, и мужикъ! оглобли то горятъ!“ Мужикъ давай рубить оглобли. Изрубилъ оглобли, морока и говоритъ: „мужикъ, а мужикъ! смотри-ка, хомутъ-то съ дугой занялись!“ Мужикъ давай рубить гужи, да лошадей изъ хомута вонъ! — „Довольно теперь!“ говоритъ морока. Глядь мужикъ, — никакого огня не видать, сѣно и не думало горѣть, а такъ только разшвырено, — оглобли и гужи даромъ изрублены. Мужикъ такъ и взвылъ на мороку, что онъ такъ его заморочилъ. — „Впередъ самъ умнѣй будь!

говорить ему морока, — когда видишь, что человекъ знающій что дѣлаетъ, молчи, коли хошь цѣль быть!“ — Такъ мужикъ за свой языкъ и потерялъ даромъ цѣлый возъ сѣна, съ телегой и хомутомъ и поѣхалъ назадъ верхомъ съ пустыми руками.

б) Зашелъ солдатъ переночевать въ избу въ одно селенье. Въ избѣ были дѣвки, прями на постѣдкахъ. Солдатъ былъ морока. Захотѣлось ему потѣшиться надъ дѣвками. Вотъ онъ вынулъ изъ котомки бутылку съ какимъ-то составомъ, откупорилъ ее, — откуда ни возмись вода, — на цѣлый аршинъ на полу! Дѣвки поскакали на лавку, вода за ними, прибываетъ все больше и выше. Дѣвки подняли вой, испугались, чтобы совсѣмъ не утонуть, а солдатъ только покатывается на нихъ со смѣху. Дѣвки видятъ, что солдатъ не простой человекъ, а морока, — давай его просить, да молить, чтобы воду выпустилъ изъ избы. Солдатъ потѣшился надъ дѣвками, подошелъ къ двери, отворилъ, и воды какъ не бывало. Дѣвки перепуганныя тотчасъ же и разошлись всѣ по домамъ. А хозяинъ видитъ, что солдатъ знающій человекъ, такъ-то важно угостилъ его на сонъ грядущій, чтобы тотъ только еще какой штуки не снютилъ надъ нимъ въ избѣ!

в) Зашелъ солдатъ въ одномъ селеньи переночевать въ богатый домъ. Усталъ онъ послѣ дороги и просить чего нибудь поужинать. Хозяева были скупые, — не даютъ ничего. Горе взяло солдата, — вотъ онъ и вздумалъ надъ ними сыграть шутку. — „Не можетъ быть, говоритъ, — чтобы у васъ ничего не было, — я чую, говоритъ, — что въ печи и щи и каша стоятъ.“ — Да нѣту, говоритъ хозяйка, — посмотри хошь самъ. — „Покажи!“ — говоритъ солдатъ. Хозяйка пошла заслонъ открывать, а солдатъ вынулъ изъ ранца порошокъ какой-то и идетъ за ней. Хозяйка

открыла заслонъ, солдатъ видитъ, что тамъ заправду въ уголку стоятъ и щи и каша, — сердце взяло его, — вотъ онъ какъ швырнетъ туда этотъ порошокъ. И откуда ни возмись сразу вода! Такъ и полилась рѣкой изъ печки на полъ. Хозяева на лавки отъ воды, вода за ними, хозяева на печку, вода и туда подходитъ. Хозяева видятъ, что солдатъ не простой человѣкъ, и давай просить у него милости противъ воды. Солдатъ и говоритъ: „что жъ вы ужли подумали, что я васъ затопить хочу? — Да я и вниманія этого не возьму. Чего жъ вы заработали-то? Я только ужинъ себѣ вздумалъ приготовить, — сейчасъ утки сюда прилетятъ, — отъ того я и воды столько напустилъ!“ И точно откуда ни возмись пара дикихъ утокъ, прилетѣли и заплывали по водѣ возлѣ самага голбца. Солдатъ и говоритъ хозяину: „лови ихъ съ печи-то, да руби головы!“ — Хозяинъ схватилъ топоръ съ голбца и давай рубить имъ головы. Порубилъ, — солдатъ и говоритъ: „ну вотъ и ужинъ готовъ! Теперь и воды не надо!“ — Отворилъ дверь, вода вся мигомъ вышла. Посмотрѣлъ хозяинъ на утокъ убитыхъ, а вмѣсто нихъ теплые сапоги лежатъ и вмѣсто головъ утиныхъ онъ головы у этихъ сапоговъ своихъ отрубилъ. — Хозяинъ видитъ, что съ солдатомъ шутки плохи, давай ругать свою хозяйку, что не дала служивому поужинать. Хозяйка слѣзла за благо съ печки и давай солдата угощать, какъ дорогаго гостя. Вотъ что значить отказывать страннымъ то людямъ, потому странніе люди всякіе бываютъ.

d) У одного царя былъ морока. Царь былъ скупой, жадный до золота. Призываетъ онъ разъ къ себѣ мороку и говоритъ: „сдѣлай, чтобы у меня вся посуда, — чашки, ложки, и стаканы были золотыя.“ — Морока сказалъ слово такое и сдѣлалъ. Другой разъ призываетъ къ себѣ царь

этого мороку и говорить: — „сдѣлай, чтобы у меня всѣ стулья, столы и шкапы были золотые!“ — Морока сказалъ слово и сдѣлалъ. Царь призываетъ его третій разъ и говорить: — „сдѣлай теперича, чтобы все формально въ домѣ у меня было золотое: и одежда и все, чтобы ничего другаго, кромѣ золота, я не видалъ!“ — Морока и говорить: — Эй, царское величество, неладно приказываете! — „Не твое дѣло, говорить царь, — дѣлай, какъ приказываютъ!“ Морока сдѣлалъ по царскому приказу, а самъ ушелъ. Царь смотритъ, — вездѣ у него золото, — нѣтъ пылинокъ простой въ домѣ, а все золото! Сидитъ и любитъся. Захотѣлось ему потомъ пить. Призываетъ слугу и приказываетъ себѣ пить подать. Слуга приноситъ: золотой графинъ, золотой стаканъ! Царь смотритъ и не нарадуется. Только наливаетъ изъ графина воды, глядь, вмѣсто воды — золото жидкое! — Царь усумнился было сначала пить, да пить-то больно хотѣлось. Вотъ онъ выпилъ стаканчикъ. Какъ выпилъ, золото-то у него въ животѣ и свернулось и такая-то боль поднялась въ немъ. Тотчасъ же послалъ онъ за морокой. Пока морока пришелъ, а царь ужъ умеръ. Вотъ до чего зависть-то человѣческая доводитъ.

(Всѣ четыре списка записаны въ Тверской губерніи.)

25. Колдунья.

Жила въ одномъ селеньи колдунья, — такая-то пугала, что всѣ ее въ округѣ на страхъ боялись. Бывало въ полночь выйдетъ на перекрестокъ, кричитъ источнымъ голосомъ, скликаетъ нечистую силу. То крикнетъ: „ей Мишкишка, чортовъ сынъ, выходи на работу! То: Максимка, бѣсенокъ, иди на работу!“ — Нечистая сила ей откликается,

а она ей работу задаетъ. Бывало кто изъ православныхъ по этому полю идетъ, али ѣдетъ, да услышать ея голосъ, сейчасъ же въ сторону поскорѣй воротить, а то либо самъ ногу сломаетъ, либо ось пополамъ, гужи лопнуть, тяжъ оборвется, либо какое другое несчастіе, а ужъ безпримѣнно случится. Въ церковь бывало придетъ когда она, Богу не молится, а только стоитъ, да губами шевелить гдѣ нибудь въ уголку. Изъ церкви выйдетъ, говорить: „Ну, сегодня немного-же было народу-то!“ — Какъ же немного? — кто спросить. — „А такъ: кто на лѣвой ногѣ стоялъ, тотъ *наша*, а не Божій; — кто назадъ оборачивался, съ *нимъ* цѣловался; кто зѣвалъ, тому дѣдъ *того-то* въ ротъ клалъ!“ — Такъ бывало напугаетъ, что волосъ дыбомъ индо станетъ. — Придетъ иной разъ баба какая поворожить на счетъ пропажи; — она возьметъ помело и начнетъ обшаркивать избу, да приговаривать: „ну, вы, — волкъ васъ ѣшь, — выходите, да сказывайте: кто у такой-то рабы покражу такую-то сдѣлалъ! — Какъ скажетъ, такъ ни одна баба не устоитъ на мѣстѣ и тотчасъ же драго!“ — А за ней словно погоня... насилу иная ноги унесетъ. А иногда придетъ кто, спросить объ ворѣ, — „ну, говорить, — тамъ-то, — и гадать нечего, — голосятъ мнѣ былъ изъ лѣсу!“ Пойдутъ и найдутъ. И такъ эти воры всѣ ее боялись, что бывало, какъ который украдетъ, сейчасъ же и несетъ къ ней прямо на столъ покражу-то да просить, чтобы не показывала про него. Ну, иного тутъ же и сама научить: „эту вещь, скажетъ, нельзя украсть; — али: изъ этой возьми половину; — изъ этой поменьше, а остальное спрячь туда-то!“ — Придутъ потомъ спрашивать на счетъ этихъ вещей, она и скажетъ: „тамъ-то найдете, — голосъ мнѣ былъ съ лѣсу!“ Пойдутъ и найдутъ. Разъ мужикъ одинъ безъ спроса ея вздумалъ же-

ниться. Поѣхалъ свататься, а она узнала объ этомъ, вышла на встрѣчу, да какъ кинетъ предъ лошадыю его палочку какую-то: „ну, говоритъ, полѣзутъ теперича и куры и гуси и люди всѣ подъ печку!“ — Пріѣхалъ этотъ мужикъ къ своей невѣстѣ: домъ богатый, гостей много, жениха съ невѣстой образомъ благословили, — вдругъ ни съ того ни съ сего женихъ, какъ бросится подъ печку! — Окошечко печное было маленькое, а мужичинище здоровенный, дюжій, — кости трещать индо, а лѣзетъ туда, да и только! Его и за ноги держать, и клюкой и помеломъ отгоняють отъ окошка, — ничего не беретъ, — лѣзетъ, да и только! Смѣху-то что было со стороны, а невѣста плачетъ! Послали за Анной, угостили, — сняла вѣдь заговоръ-то, сдѣлала такъ, что обошлось послѣ дѣла-то ничего! И такъ она всю жизнь чудила. Пріѣдутъ бывало за ней господа, — въ славѣ вѣдь была покойница, далеко объ ней молва-то шла, — и спрашиваютъ: чтожь, Анна, мужъ-то, какъ былъ живъ, мѣшалъ тебѣ онъ въ колдовствѣ? — „А что мнѣ мужъ-то, — говоритъ, — хоть бы десять ихъ было, не устерегъ бы ни одинъ, кабы вздумала ворожить! Бывало покойнику своему положу на ночь вмѣсто себя шубу овчинную, онъ и спитъ, доволенъ, а я тѣмъ временемъ въ каменныхъ палатахъ гуляю!“ — Вотъ какая была Анна-то! — А съ чего надъ ней все это сдѣлалось, — съ чего она колдуньей-то стала? Было ей лѣтъ 14. Въ то время стоялъ у ея отца на фатерѣ въ избѣ солдатъ полякъ съ женой. Солдатка была колдунья. Стала она умирать и мучается тяжело, потому нужно было ей кому нибудь колдовство свое сдать передъ смертью, а она еще никому не сдавала. Вотъ солдатка эта и говоритъ: „Аннушка! Поищи-ка ты у меня въ головѣ чего, — чешется что-то!“ — Аннушка взяла гребень и давай искать.

Полька и спрашиваетъ: — „ну, что жь, Аннушка, нашла что?—“ „Нашла, — говоритъ Аннушка, — много!“ — Ну такъ и будь это при тебѣ, говоритъ полька, — съ тѣмъ и умерла, а Аннушкѣ колдовство свое передала. Аннушка сначала этого дѣла не понимала, — за то нечистая сила совсѣмъ было ее замучила. Прилетятъ, бывало, словно воронье какое, цѣлыми стаями насядутъ надъ избой, отдоху не даютъ, пристають къ ней: давай да подавай работы! — Она сначала не знала, что имъ говорить, потомъ и выдумала. Какъ бывало пристанутъ только, она и скажетъ: „да подите веревки вейте изъ песку!“ — Они и угомонятся. Потомъ приняла ихъ къ себѣ въ работы и стала колдовать. Колдовала до 80-ти лѣтъ. — Послѣ колдовство свое зятю передала, а сама въ христіанскую вѣру обратилась! Два послѣднихъ года передъ смертію говѣла, исповѣдывалась и пріобщалась. И какъ бывало каялась предъ всѣми въ церкви! Встанетъ на амвонъ и кричитъ на всю церковь: „простите, православные, грѣшницу!“ — И такъ на четыре стороны всякій разъ съ поклономъ. А умерла все-таки не своею смертію: съла о праздникѣ за обѣдъ, вынула кусочекъ мяса изо щей, хотѣла проглотить, да имъ и подавилась.

(Рассказана уроженкой Смоленской губерніи.)

26. Черно книжникъ.

Стоялъ солдатъ на квартирѣ. Занимался черно книжіемъ и книжки такія имѣлъ. Отлучился онъ разъ изъ дома и приходитъ къ нему въ это время товарищъ. Видитъ, что земляка дома нѣту, нашелъ его книжки и давай читать отъ скуки. Дѣло было ночное. Читаетъ при ночничкѣ, — все какія-то имена записаны. Прочиталъ ихъ до половины,

оглянулся назадъ, тамъ цѣлый полкъ чертей стоитъ. Солдаты испугался, — давай скорѣй опять книжку читать. Читалъ, читалъ, обернулся назадъ, чертей еще больше. Сталъ опять читать, дочиталъ до конца, — обернулся назадъ, чертей столько прибыло, что на силу даже въ солдатской квартирѣ помѣщаются, — чортъ на чортѣ сидитъ, — чортомъ погоняетъ. Солдаты видятъ, что дѣло плохо, закрылъ книжку, зажмурился и сидитъ, ждетъ товарища. А черти къ нему приступаютъ, тормозятъ: — „давай, да подавай работы!“ — Думалъ, думалъ солдаты и говорятъ: натаскайте въ городскія бани воды рѣшетомъ во всѣ катки и котлы. — Черти побѣжали, — минуты черезъ двѣ бѣгутъ назадъ. „Натаскали! говорятъ, — задавай новой работы!“ — Солдаты и приказываетъ: разнесите воеводы домъ по кирпичику, людей въ немъ никого не троньте, не побезпокойте и вновь точь въ точь такой же выстройте! Побѣжали черти, — минуты черезъ двѣ бѣгутъ назадъ. „Готово! — говорятъ. — Задавай новой работы!“ — Насыпьте говорить солдаты, — толченымъ пескомъ гору въ такомъ-то мѣстѣ! Черти побѣжали. Черезъ минуту прибѣгаютъ. — Готово! — говорятъ, подавай новой работы. — Считите, — говорить солдаты, — сколько въ Волгѣ песчинокъ на днѣ лежитъ отъ истока до впаденія въ море, сколько капель воды въ ней и сколько рыбы числомъ! — Побѣжали черти, — черезъ минуту приходятъ и всѣ приказанья его также скоро исполнили. Подумать хорошенько не дадутъ солдату на счетъ новой работы, а ужъ старую исполнили, спрашиваютъ новой. И какъ чуть только солдаты задумается, — тормозятъ его черти, не даютъ покоя, не то убить грозятся, какъ долго безъ дѣла ихъ оставляетъ. Замучился солдатъ совѣмъ, а товарища все нѣтъ. Какъ быть? Какъ отъ чертей избавиться? Вотъ онъ и думаетъ:

пока я читалъ эту книжку, ни одинъ чертенокъ не приставалъ ко мнѣ, — дай попробую опять почитать ее, — можетъ легче будетъ. Читаетъ чернокнижницу съизнова, — только и замѣчаетъ. — что чертей еще больше прибавляется, такъ что даже и свѣтъ отъ ночника насилу, насилу проглядить, — такъ ужъ много поганой силы скопилось во кругъ него. И чуть только солдатъ запнется въ которомъ словѣ, али отхаркиваться станеть, тотчасъ же пристають опять тошнѣе прежняго: „давай да подавай работы!“ — Изъ силъ выбился солдатъ отъ бѣсовскаго навожденья, а горю все незнаеть какъ помочь. Вотъ и пришло ему въ голову: бѣсовы дѣти стали сюда являться, когда я читалъ эту книжку сначала, дай попробую почитать ее съ конца, — можетъ, не пойдутъ ли на убыль? — Тотчасъ же перевернулъ книжку вверхъ ногами и давай читать съ конца. Читаетъ, читаетъ, — только замѣчаетъ, что бѣсовой силы точно меньше стало: свѣтъ отъ ночника яснѣе и въ избѣ просторнѣй стало. Солдатъ обрадовался, давай читать дальше. Читалъ, читалъ, всѣхъ отчиталъ назадъ. Такъ тѣмъ только и спасся отъ бѣсовъ поганыхъ. Приходитъ потомъ его товарищъ домой. Этотъ ему и рассказываетъ, что съ нимъ было. „Ну, — говоритъ товарищъ, — счастье твое, что еще скоро спохватился читать съ конца, а то кабы неотчиталъ ихъ до полуночи, такъ они бы тебя съѣли!“ — Съ тѣхъ поръ полно солдатъ книжки читать чернокнижныя, а товарищъ его сталъ ихъ припрятывать подальше.

(Записана въ Тверской губерніи.)

27. Вызываніе привидѣній.

Ѣхалъ по Литвѣ полковникъ. Проѣзжаетъ разъ мимо одного господскаго помѣстья и видитъ, — въ сторонѣ—

барскій домъ, вѣтхій, не жилой, окна забыты, Любопытно ему стало осмотрѣть этотъ домъ въ подробности. Заѣзжаетъ къ помѣщику, спрашиваетъ позволенія. Помѣщикъ не отказываетъ, только говоритъ: „смотрите, — сами не спойкайтесь!“ — А что? говоритъ полковникъ. — „Да то, — говоритъ помѣщикъ, — что этотъ домъ давно ужъ такъ стоитъ, — лѣтъ, можетъ, съ 300 послѣ нашихъ дѣдовъ и столько же, можетъ, времени никто въ немъ не бывалъ, и близко не подходилъ!“ — Отчего? спрашиваетъ полковникъ. — „Отъ того, говоритъ помѣщикъ, — что въ немъ не совсѣмъ благополучно, — привидѣнья видятся!“ — Это для меня ровно ничего, — говоритъ полковникъ, я даже самъ ихъ вызываю нарочно, — это дѣло по моей части. Помѣщикъ согласился пустить полковника въ тотъ домъ, а съ нимъ захотѣлось побывать въ домѣ и всему помѣщичьему семейству. Услышали объ такомъ полковникѣ сосѣди помѣщика, пріѣхали, тоже просятъ позволенія полюбопытствовать вмѣстѣ съ нимъ. Полковникъ согласился, — приказать приготовить мѣлъ, жаровню съ угольями и пошли всѣ въ домъ. Пришли, двери отворили, изъ нихъ сыростью такъ и понесло, словно изъ душнаго погреба. Взошли въ домъ, ставни отворили, смотрятъ, — вездѣ дорогія столы, стулья, богатая украшенія, по стѣнамъ развѣшены старинные портреты. Прошлись по дому, — настоящая степь, — таково - то пустынно повсюду! Полковникъ очертилъ мѣломъ кругъ на полу, поставилъ всѣхъ въ него, посреди нѣ жаровню поставилъ, всыпалъ туда порошокъ какой-то и стали всѣ смотрѣть, что будетъ дальше. Дѣло было въ полдень. Вдругъ ночь стала. Посмотрѣли на часы, у всѣхъ полночь показываютъ. Вдругъ видятъ, — спальня передъ ними. Въ спальнѣ лежитъ дѣвушка, хорошенькая,

разхорошенькая и таково-то тяжко вздыхаетъ. Приходитъ вскорѣ къ ней такой-то статный молодцоватый изъ себя мужчина, одѣтый какъ монахъ! Дѣвушка такъ и бросилась къ нему на шею и таково-то крѣпко обнимаетъ его! Посидѣлъ у ней онъ нѣсколько времени и ушелъ. Смотрятъ дальше, — начинается разсвѣтать. Посмотрѣли на часы, — утро показываютъ. Дѣвушка встала съ постели, начала Богу молиться таково-то усердно. Слышатъ вдругъ, — звонятъ будто къ обѣднѣ. Посмотрѣли на часы, — точно время къ обѣднѣ. — Приходятъ потомъ къ этой дѣвушкѣ горничныя, посадили ее на стулъ, стали расчесывать волосы и опять причесывать. Причесали, — стали одѣвать. Одѣли въ подвѣчное платье, — потомъ ушли. — Дѣвушка одна осталась и такая-то грустная. Посмотрѣли на улицу: каретъ видимо невидимо валить на дворъ. Кругомъ двора народъ, — всѣ въ праздничныхъ одеждахъ. Приходитъ потомъ къ дѣвушкѣ старый баринъ, съдой какъ лунь, — подаетъ ей букетъ цвѣтовъ. Она какъ шваркнетъ его на полъ. Баринъ поблѣднѣлъ, затопталъ ногами и вышелъ. Черезъ минуту прибѣгаетъ тотъ же молодой челоуѣкъ, схватилъ дѣвушку подъ мышки, побѣжалъ съ ней въ уголь, стукнулъ ногой, оба тутъ же и пропали. Входитъ вскорѣ въ эту спальню опять съдой баринъ, видитъ, — дѣвушки нѣту, — давай звонить въ колокольчикъ. — Прибѣжали горничныя. Баринъ показываетъ руками, что ея нѣту. Горничныя блѣдныя только показываютъ головами, — говорятъ, значить, что не знаютъ гдѣ. Старикъ баринъ хлопнулъ дверью, ушелъ. Ушли и горничныя. Кареты стали разѣзжаться, — народъ и все стихло. Полковникъ выпалъ потомъ на жаровню другой порошокъ и все стало по прежнему, какъ они застали при началѣ. Посмотрѣли въ часы, показы-

вають настоящее, какъ быть должно. Полковникъ и говоритъ послѣ того: „Эта дѣвушка должна быть невеста, просватанная за какого нибудь немилаго. Старикъ баринъ, должно быть, отецъ, — приносилъ ей букетъ отъ жениха. Молодой человѣкъ, должно быть, какой нибудь рыцарь переодѣтый въ монашескую одежду, ея возлюбленный. Кареты и народъ собраны были на свадьбу, а свадьба не удалась, потому что рыцарь похитилъ эту невесту. Пойдемте-ка теперича, — говоритъ полковникъ, — къ тому мѣсту, гдѣ они пропали“. — Приходятъ, видятъ, въ углу плита лежитъ чугунная. Нажали въ одномъ мѣстѣ эту плиту, — она опустилась. Видятъ, тамъ ходъ въ подземелье. Спустились туда. Видятъ, ходъ дальній. Пошли къ нему со свѣчкой. Шли, шли, пришли въ большую, темную комнату. Смотрятъ, — посрединѣ лежитъ этотъ молодой человѣкъ съ барышней, обнявшись. Полковникъ дотронулся до нихъ, они такъ и рассыпались въ прахъ одной минутой.

(Записана въ Тверской Губ.)

28. Оборотень.

Ѣздили троичники съ Москвы до Кіева. Ѣдутъ по дорогѣ, — пристала къ нимъ въ одномъ мѣстѣ собака черная, какъ смоль, и такая-то умная, что твой человѣкъ. Впередъ забѣжитъ, — ворота отворить; — проѣдутъ воза, опять затворить. Пріѣдутъ на постоялый дворъ, уляжется въ телегу, глазъ не сомкнетъ, все дозорить и никого не подпустить близко. Скажутъ что ей извошки, такъ и видно, что все поняла, — только языка нѣтъ, чтобы сказать въ отвѣтъ. Вотъ и стали они сумлѣваться: „Полно простая-ли это собака, — не оборотень-ли какой?“ —

Показали ее знающему человѣку, тотъ и говорить: „точно-оборотень!“ — Они и стали его просить: „нельзя ли какъ избавить этого оборотня отъ притчи?“ — Оборотень слышитъ, что про него разговариваютъ и такъ-то ласково смотритъ имъ въ глаза, — такъ и видно сейчасъ, что онъ этого желаетъ, — только вымолвить не можетъ. — Извозчики дали знающему человѣку пять цѣлковыхъ, чтобъ научилъ ихъ, какъ изъ оборотня человѣка сдѣлать. — Онъ ихъ и научилъ: „закажите, — говоритъ, — баню натопить, какъ можно жарче, — туда его введите и положите на полоть. — Онъ, можетъ, не пойдетъ самъ-то туда, жарко покажется, а вы все-таки хоть насильно введите, — свяжите, да втащите безпремѣнно на полоть. — И парьте такъ, чтобы шкура слезла долой. — Шкура слезетъ, онъ и будетъ человѣкъ!“ — Извозчики все такъ сдѣлали и что же? — Отпарили въдь оборотня, шкура вся слѣзла и сталъ онъ человѣкомъ. — Посмотрѣли они въ лице ему, парень изъ сосѣдней деревни. — „Иванъ! ты?“ — Я! — говоритъ. „Какъ ты оборотнемъ сдѣлался?“ — Не я сдѣлался, говоритъ, а меня сдѣлали и кабы не вы, такъ мнѣ ходить бы весь вѣкъ въ собачей шкурѣ и околѣть бы въ ней! „Кто-жь тебя оборотнемъ сдѣлалъ?“ — Зудилиха, — говоритъ, — проклятая, съ сердцовъ, что лѣтошней зимой обраковалъ ея дочь, — замужъ за себя не взялъ. — „Это чертово племя! А давно ты такъ сдѣланъ?“ — Больше году! — „Тото не видать тебя было въ это время, а по деревнѣ толковали, что ты въ бѣгахъ отъ барина!“ — Какое отъ барина! Отъ Зудилихи оборотнемъ сдѣланъ былъ! — Спасибо вамъ, добрые люди, что меня опять въ крещенные произвели! — и бухъ имъ въ ноги! „Не кланяйся, Иванъ, не кланяйся! — Поѣдемъ теперича домой вмѣстѣ!“ — Взяли Ивана и поѣха-

ли. — Дорогой Иванъ поразсказалъ извозчикамъ такихъ диковинокъ про себя, что онъ видѣлъ и слышалъ, бывши оборотнемъ, что твоя сказка. — Сначала, — говорить, — я вертѣлся больше по своимъ деревнямъ, да тутъ плохо было, — въ забѣглыхъ собакъ мальчишки все камнями, да поленьями швыряютъ. — Убѣжалъ въ городъ, тамъ ни кто не кормитъ; — что стащишь гдѣ, — только тѣмъ и живъ. — Надумалъ я тогда бѣжать изъ города по большой дорогѣ. Гляжу, — баринъ ѣдетъ на тройкѣ. Я остановился, — поровнялся съ бариномъ, всталъ на заднія лапы и кланяюсь. Баринъ такъ на меня и уставился, — велѣлъ остановить ямщику тройку — и говорить: „что за чудесная собака?“ Ударилъ себя по ляшкамъ и говорить: „иди сюда!“ Я скокнулъ въ тарантасъ, увиваюсь около барина, баринъ гладитъ, да что-то приговариваетъ. Ямщикъ тронулъ лошадей, — такъ мы и пріѣхали немного погодя въ господскій домъ. Тутъ мнѣ хорошо было сначала. Баринъ на одну постель съ собой спать клалъ, — съ одной тарелки ѣсть давалъ, — баринъ попался добрый. Потомъ догадай его нелегкая на охоту итти! И меня съ собой взялъ. Только на охотѣ я ему не показался, плохо дичь отыскивалъ. Приходить домой и говорить: „нѣтъ! эта собака хоть и хороша, а на охоту не годится, — не охотничья! Видно, что она больше къ комнатѣ привыкла. Дать ее, говорить, — надо малымъ дятямъ на забаву.“ Какъ дали, — ну, — тутъ совсѣмъ житье другое пошло. Оно бы и ничего, дѣтишки кормили тоже всякой всячиной, что въ рукахъ у нихъ бывало: и бѣлымъ хлѣбомъ, и сладями, — да только безпокойно больно. Бывало, зніжку не дадутъ, все тормошатъ: то за ухо, то за хвостъ щипнуть, то верхомъ насадутъ человѣкъ шесть. Не стало моихъ силъ подъ конецъ въ такомъ житьѣ, вотъ я

и давай опять бѣжать. Выбѣжалъ на большую дорогу, — вижу купецъ ѣдетъ. Я сталъ на заднія лапы и кланяюсь. Купецъ остановилъ тарантасъ, взялъ меня съ собой и поѣхалъ дальше. Ъхали, ѣхали мы въ ту пору, пріѣхали на ярмонку въ Черниговъ. У купца тоже сытно было. Купецъ любилъ меня. За то ужъ, какъ въ хмѣльномъ видѣ придетъ, бывало, домой, — такъ просто унеси ты мое горе. Такъ-то иной разъ вавакнетъ, что съ полсутокъ не очнешься, — буянливъ былъ хмѣльной! Пожилъ я у купца, должно быть, съ мѣсяцъ и опять бѣжать. Жилъ былъ у разныхъ господъ и протчихъ православныхъ и чего только не навидался и не наслышался отъ нихъ, потому никто не догадывался, что я не простая собака, а оборотень. И все, стало быть, при мнѣ безъ опаски говорили и дѣлали всѣ, у кого только я нибывалъ. Ну, ужъ и видалъ же я виды, только объ этомъ когда-нибудь послѣ. Последній разъ я былъ у жида, — тутъ было больно голодно. Вотъ выбѣжалъ я, по обычаю, отъ него на большую дорогу, увидалъ васъ и думаю: дай пристану, — можетъ, домой отвезутъ! Собака-собакой хоть я былъ, а тоже разумъ человѣческій еще имѣлъ, такъ и захотѣлось на родинѣ матушкѣ побывать. Присталъ къ вамъ, а вы вотъ какую благодать надо мной сдѣлали. Вѣкъ не забуду этой услуги вашей. — Такъ ѣхали, да разговаривали обозники съ Иваномъ, долго и много еще кое-чего порасказалъ имъ Иванъ, — такъ они подъ конецъ и пріѣхали на родину. Разказали по деревнѣ, что Зудилиха съ Иваномъ сдѣлала, — тотчасъ же миромъ захватили ее и присудили въ тюрьму отправить. А Иванъ женился на дочери богатаго мужика, потому парень былъ расторопный, и сталъ послѣ того онъ жить, да поживать, да добра наживать и разказывать, когда случится, про свои оборотничкія похождения.

(Записана въ Тверской губерніи.)

29. Кладъ

а) Было у одного крестьянина два дома: одинъ лѣтній, въ которомъ онъ съ семействомъ по лѣтамъ жилъ, другой — зимній, — назывался *истопкой*. Вздумалось ему разъ лѣтомъ почевать въ этой истопкѣ одному. Пришелъ, легъ, — ночь мѣсячная, — спать не хочется и давай онъ глазѣть по стѣнамъ. Вдругъ изъ подпола выходитъ мужчина: поступъ тяжелая, ступить, словно мѣшкомъ съ деньгами тряхнетъ и прямо идетъ къ нему. Крестьянинъ перекрестился, молитву сотворилъ, потомъ приговариваетъ: „чуръ меня, чуръ меня!“ — Слава Богу, зачурался. Этотъ мужикъ прошелъ мимо его на дворъ, побывалъ тамъ мало-ли, много-ли, идетъ потомъ назадъ въ истопку. Крестьянинъ опять перекрестился, молитву сотворилъ, да чурается. Запѣлъ пѣтухъ, мужчина и пропалъ въ одну минуту около подполья. Крестьянинъ тотчасъ домой, рассказываетъ. Дома подумали объ этомъ виданьи хорошенько и говорятъ: надо объ этомъ съ знающимъ человѣкомъ посовѣтываться. Нашли на другой день знающаго человѣка и говорятъ ему все до чиста. — „Ахъ! говоритъ знахарь, — вещь-то хорошу упустилъ ты, хозяинъ!“ — А что такое? — „Да это вѣдь кладъ былъ!“ — Какъ? — „Такъ!“ — Нельзя ли же его какъ поймать? — „Можно!“ — Какъ? — „Вотъ какъ: когда выйдетъ еще изъ подполья этотъ мужчина и пойдетъ къ тебѣ, — ты его подпусти! Потомъ какъ шага два подойдешь, ты егохвати хорошенько раза три по макушкѣ, да каждый разъ приговаривай: аминь, аминь, разсыпся!“ — Крестьянинъ такъ сдѣлалъ. Мужчина весь разсыпался на мѣдные пятаки старинные. Однако всего поболь тысячи ассигнаціями вышло.

б) Ходилъ мужикъ въ пустую избу ночевать. Придетъ, бывало, только начнетъ засыпать, вдругъ откуда не то, — выскочить рыжая кошка и начнетъ бѣгать по избѣ. Сама вся свѣтится, словно золото, а хвостомъ гдѣ ударить, точно мелкими деньгами звякнетъ. Мужикъ и давай совѣтываться на счетъ этого видѣнья съ знающими людьми. Ему и посовѣтывали: „поймай, говорятъ, эту кошку, — постарайся, — за хвостъ и прежде, чѣмъ она вырвется изъ рукъ, проговори три раза: аминь, аминь разсыпся!“ — Мужикъ такъ и сдѣлалъ. Послѣ третьяго раза кошка (*) разсыпалась, вся разсыпалась на пятирублевые червонцы. Знать, тысячь съ пять мужикъ огребъ тутъ денегъ этими червонцами и, знамо, разбогатѣлъ — тотчасъ, какъ передъ кашей. —

с) Запримѣтили въ одной деревнѣ мужики, не годъ, не два, а изъ поконъ ужъ вѣку, что какъ пойдетъ дожжикъ, али снѣгъ весной растаетъ, да нальется водой одна ямка на задворкахъ, тотчасъ же откуда не возьмется утка и плаваетъ на ней. Кто спугнетъ, черезъ нѣскольکو времени опять прилетитъ и плаваетъ, а убить никому не поддается, сколько ни пробовали. Приходитъ Ивановъ день, — если сухой, въ этой ямкѣ свѣчка горитъ, а мокрый, опять таже утка плаваетъ. Мужики посовѣтывались межъ собой, рѣшили, что тутъ кладъ и давай рыть. Рыли, рыли, — нашли одинъ пустой котелокъ. Стали сказывать объ этомъ знающимъ людямъ, — имъ и говорятъ: „а вы вотъ что: ройте эту яму на саму Иванову ночь, ройте и чурайтесь, ройте и чурайтесь; а какъ чуть чей заступъ стукнетъ объ котелъ, сейчасъ и зааминивай, кричи:

(*) Въ иныхъ расказахъ роль кошки замѣняетъ кикимора, — ростомъ съ собаку, — толщиной со свинью, шерсть бурая, лохматая, рыло толстое, хвостъ длинный, крючкомъ.

аминь, аминь, аминь! и опять ройте, — тогда деньги выроете!“ — Мужики такъ сдѣлали и отрыли огромнѣйшій котелино съ золотыми старинными. Раздѣлили ихъ промежь себя и всѣ разбогатѣли такъ, что всѣ сразу въ купцы первой гильдіи пошли, а деревню прозвали городомъ.

(Всѣ три списка записаны въ Тверской губерніи.)

30. Василиса Васильевна.

Жилъ баринъ, да баба Яга. У барина было три дочери, а у Яги только одинъ сынъ, Василій Васильевичъ. Этотъ сынъ служилъ въ службѣ. И барину тоже служить надо было, да за него пошла въ службу меньшая дочка, Василиса Васильевна. Только вотъ и служить они долго ли, коротко ли вмѣстѣ, въ одной службѣ съ Ягинымъ сыномъ. Только баба Яга и говоритъ разъ сыну, когда онъ пріѣхалъ съ товарищемъ своимъ къ ней въ гости: „вѣдь, это молъ, не парень, а дѣвка!“ — Что это ты, матушка! — говоритъ сынъ, — вѣдь я съ нимъ давно служу въ одной службѣ, съ одной ложки ѣлъ, одну одежду ношу, — мнѣ ли не знать? — А та ему опять говоритъ, что это женщина. — Ей, вишь, захотѣлось ее за сына за мужъ взять, да потомъ извести, а сынъ все не вѣритъ. — Вотъ они и придумали штуку: взяли шелковъ разныхъ, да золота, — и вышили работу прекрасную и позвали Василису Васильевну работу эту смотрѣть. — „Коли баба, молъ, такъ залюбуется!“ — Да Василиса-то Васильевна сама дѣвка была не промахъ. — „Что это, молъ, вы мнѣ дрянъ-то показываете? Баба что ли я какая? А вы меня лучше въ конюшню ведите, да коней показывайте, — вотъ это такъ дѣло будетъ!“ — Василій Васильевичъ радъ

что не ошибся въ товарищѣ, а Яга говоритъ: „надо те-
перича баню истопить, да позвать Василису Васильевну
париться!“ Истопили баню, позвали ее. Василиса Василь-
евна не отказывается, идетъ въ баню, да только просить,
чтобы ей собаку свою можно было съ собой взять. —
Вотъ Василій Васильевичъ раздѣлся и ужъ парится, а
Василиса Васильевна все еще въ передбанникѣ. Онъ зо-
ветъ ее, а она велитъ своей собакѣ отвѣчать, что, молъ,
сейчасъ буду. — А сама давай Богъ ноги, къ отцу пос-
какала. Долго звалъ Василій Васильевичъ Василису Василь-
евну, а собака за нее все отвѣтъ держала. Подъ конецъ
уже вымылся Василій Васильевичъ и самъ идетъ въ перед-
банникъ, а Василисы Васильевны и слѣдъ простылъ. По-
вѣрилъ тогда онъ матери, а она въ догоню за ней поска-
кала, да не догнала. Вотъ и задумали они потомъ ее из-
ловить. Сдѣлали они пару голубей, выкрасили ихъ дивной
краской и послали на базаръ. А баринъ тоже задумалъ
въ то время на базаръ ѣхать. И спрашиваетъ онъ у до-
черей своихъ, что которой купить? — Старшая говоритъ:
„мнѣ шелку; — другая — золота; а третья, Василиса
Васильевна, говоритъ: мнѣ то купи, на что народъ будетъ
смотрѣть!“ — Вотъ баринъ поѣхалъ, шелку съ золотомъ
купилъ, а меньшей дочери и не знаетъ, что купить? Вдругъ
видитъ дивныхъ голубей и народъ къ нимъ такъ и льнетъ.
— Онъ ихъ и купилъ, чтобы дочь наградить за то, что она
за него службу отслужила. Привозитъ ей голубей, она
радехонька! Ложатся они потомъ спать ночью, голуби и
говорятъ Василисѣ Васильевнѣ: „мы къ Ягѣ полѣтимъ и
тебя унесемъ!“ А она все спитъ, не просыпается. Они
говорятъ такъ до трехъ разъ, а она все спитъ, не просы-
пается. Они ее и унесли, а баба Яга ее замужъ за сына
своего отдала. Сынъ съ ней хорошъ, да Яга-то съ ними

не хороша и все извести ее старается, да только ничего ее неберетъ, — такую крѣпость Господь далъ! Только вотъ разъ Василиса Васильевна бросила полѣно березовое на улицу и говоритъ: „когда изъ этого полѣна роща вырастетъ, я съ мужемъ хорошо жить буду!“ — Вдругъ роща огромнѣйшая выросла. Съ тѣхъ поръ Василиса Васильевна хорошо съ мужемъ жить стала да и до сихъ поръ живетъ.

(Записана въ Нижег. Губ. Макарьевского уѣзда.)

31. Коркунъ съ Коркунихой.

Жили коркунъ съ коркунихой. Было у нихъ дѣтище одно. Вотъ и стали они спорить: кому это дѣтище имѣть? Спорили, спорили, — ни который себѣ дѣтища не выпорилъ. Вотъ и пошли они къ царю, — какъ это дѣло разсудить? Царь собралъ сходъ со всего царства. Были тутъ и енаралы и никто этого дѣла не могъ разсудить. Вотъ и выискался одинъ мужичекъ: „я, говорить, разсужу!“ — Разсуди! — говорить царь. Мужичекъ и говорить: „ну, коркунъ съ коркунихой, слетайтесь сюда!“ — Коркунъ съ коркунихой прилетѣли. — „Ты коркунъ! — говорить мужикъ, — вездѣ лѣтаешь, стало быть, и другое дѣтище себѣ можешь имѣть, а коркунихѣ гдѣ взять?“ Такъ это дѣло и разсудилъ мужикъ. Коркуненокъ и остался у коркунихи.

(Записана тамъ же.)

П Р И Б А У Т К И .

I.

„Что ты, дѣвица красная!
 У вородѣ стоишь, призадумалась?
 Али крѣпку думу думаешь?
 Аль на сердцѣ что не весело?
 Для чего, дѣвица красная!
 Не вплетаешь ленту алую
 Въ косу русую,
 По примѣру сельскихъ дѣвушекъ?“ —
 — Нѣтъ, нѣтъ, служивый!
 Я не дѣвушка и не вдова, —
 Сирота я вовсе круглая!
 Семь годовъ уже исполнилось,
 Какъ бурмистръ и мѣръ
 Присудили мужа милаго
 Отвести на службу царскую!
 Нѣтъ отъ милаго ни вѣсточка,
 Ни поклона ни записочки!
 „Вглядись, взглядишь, Маша милая!
 Я твой мужъ, солдатъ израненный!“ —
 Покатилися горячи слезы
 По ея лицу бѣлому.

(Записана со словъ урожденки Смоленской губерніи.)

II.

Заинька! гдѣ ты былъ?

Бѣленькій! гдѣ ты былъ?

Въ огородѣ, пане мой,

Въ огородѣ, душа мой!

Заинька! ты что дѣлалъ?

Бѣленькій! ты что дѣлалъ?

Всю капустку поломалъ,

Всѣ вилочки поглоталъ.

Заинька! Не видалъ ли?

Бѣленькій! Не видалъ ли?

Видѣлъ, видѣлъ, пане мой!

Видѣлъ, видѣлъ, сердце мой!

Заинька! а кто такой?

Бѣленькій! а кто такой?

Двѣ дѣвицы, пане мой!

Двѣ дѣвицы, сердце мой!

Заинька! не били ли?

Бѣленькій! не били ли?

Били, били, пане мой!

Били, били, сердце мой!

Заинька! чѣмъ били?

Бѣленькій! чѣмъ били?

По бокамъ — кулакамъ

По колѣнамъ — полѣномъ.

Заинька! ты бы бѣжалъ?

Бѣленькій ты бы бѣжалъ?

Чисто поле широко,

Темны лѣсы далеко.

Заинька! въ бороздынку!

Бѣленькій! въ бороздынку!

А бороздка узенька,
А капуста низенька!

(Записана Нижегород. губ. въ Макарьев. уѣздѣ.)

III.

Сивка, воронка!

Даль-гой-да!

Куда полетѣла?

Даль-гой-да!

Къ Ивану на дворъ.

Даль-гой-да!

Что Иванъ дѣлать?

Даль-гой-да!

Косы клепить.

Даль-гой-да!

На что ему косы?

Даль-гой-да!

Сѣно косить.

Даль-гой-да!

На что ему сѣно?

Даль-гой-да!

Коровъ кормить.

Даль-гой-да!

На что ему коровы?

Даль-гой-да!

Молоко собирать.

Даль-гой-да!

На что ему молоко?

Даль-гой-да!

Дѣтей кормить.

Даль-гой-да!

На что ему дѣти?

Даль-гой-да!
Желудей собирать.

Даль-гой-да!
На что ему желуды?

Даль-гой-да!
Свиней кормить.

Даль-гой-да!
На что ему свиньи?

Даль-гой-да!
Гору копать.

Даль-гой-да!
Что въ той горѣ?

Даль-гой-да!
Желѣзная ступа.

Даль-гой-да!
Что въ той ступѣ?

Даль-гой-да!
Маковое зерно.

Даль-гой-да!
И гдѣ то зерно?

Даль-гой-да!
Пѣтухъ склеваль.

Даль-гой-да!
И гдѣ тотъ пѣтухъ?

Даль-гой-да!
За море улетьль.

Даль-гой-да!
Гдѣ то море?

Даль-гой-да!
Краскѣми (цвѣтами) заросло.

Даль-гой-да!
И гдѣ тѣ краскі?

Далъ-гой-да!
 Дѣвки порвали.
 Далъ-гой-да!
 И гдѣ тѣ дѣвки?
 Далъ-гой-да!
 Замужъ вышли.
 Далъ-гой-да!
 И гдѣ ихъ мужья?
 Далъ-гой-да!
 Поѣхали въ Москву, —
 Далъ-гой-да!
 Ударились объ доску.
 Далъ-гой-да!
 Поѣхали въ Калугу, —
 Далъ-гой-да!
 Ввернулись въ дерюгу.
 Далъ-гой-да!
 Поѣхали въ Вязьму, —
 Далъ-гой-да!
 Тамъ и завязли.
 Далъ-гой-да!

(Записана въ Смоленской губерніи.)

IV.

Ку-ка-ре-ку, пѣтушокъ!
 На повѣтъ мужичокъ!
 Онъ и лапти плететъ
 И себѣ и женѣ,
 Ребятишечкамъ,
 Всѣмъ клонишечкамъ.
 Онъ и свайку (*) уронилъ

(*) Чѣмъ лапти плетутъ.

И повѣтъ обломилъ.
 Пошелъ свайку доставать,
 Нашелъ книжку.
 Что же въ той книжкѣ?
 Написано: мать Марeya
 Народила сына,
 Царя Константина.
 Бубень, ты Бубень! (*)
 Отдай свою дочку
 За моего сына,
 Царя Константина!

(Записана въ Нижегородской губерніи.)

V.

Посѣялъ я рѣпку,
 Нечасту не рѣдку.
 Повадилась теща
 По утру съ горшечкомъ
 Въ вечеру съ мешечкомъ.
 Совстрѣчаются дѣтки:

„А, маменька рѣпки!“ —

— А ну те, вы дѣтки!

Мнѣ не до рѣпки!

Попалась я зятю,

Попалась я вору.

VI.

Тараканъ дрова рубилъ,

Комаръ воду носилъ,

Блоха банюшку топила,

(*) Имя царя.

Гнида щелокъ щелочила,
 Вошка парилася,
 Съ полка ударила.

VII.

Гори, гори ярко!
 Приѣдетъ боярко! (баринъ)
 Самъ на кобылѣ,
 Сама на коровѣ,
 Дѣти на телятахъ,
 Слуги на собакахъ.

(прибаучиваютъ, во время топки печи.)

VIII.

Сѣлъ дѣдъ,
 Сѣла баба,
 Сѣло масло.
 Сѣлъ дѣдъ,
 Сѣла баба,
 Сѣло масло.

(и такъ далѣе до безконечности прибаучиваютъ, когда бьютъ масло. — Всѣ послѣднія четыре прибаутки записаны въ Смол. губ.)

IX.

Дожжикъ, дожжикъ, перестань,
 Я уѣду во Рязань,
 Куплю себѣ горностай!
 Останутся деньги,
 Куплю себѣ серги.
 Дожжикъ, дожжикъ, пущи(е)!
 Я тебѣ дамъ гущи.

(Смол. губ.)

Варіантъ:

Дожжикъ, дожжикъ, перестань!
 Я уѣду въ Верестань!
 Богу молиться, —
 Христу поклониться!
 Я у Бога сирота,
 Отпирала ворота
 Ключикомъ, замочикомъ
 Золотымъ платочикомъ.

(Твер. губ.)

Варіантъ:

.... Я у Бога сирота,
 Отпирала ворота
 Крючкомъ, замкомъ
 Золотымъ сучькомъ.

(Нижег. губ.)

(Прибаучиваютъ во время дождя.)

X.

Туру, туру, пастушокъ!
 Далеко ли утошолъ?
 — Отъ моря, до моря
 До Кіева города. —
 Что царь дѣлать? —
 — Туру ногу пишетъ
 На злотомъ стулѣ.
 У царя-то была,
 Дочь Катерина, —
 Народила сына,
 Царя Константина.

(Твер. губ.)

Варіантъ:

Туру, туру, пастушокъ!
 Калиновый бадожокъ!
 Далеко ли отошелъ?
 Отъ моря—до моря,
 До Кіева города.
 Тамъ моя родина.
 На родинъ дубъ стоитъ.
 На дубу сова сидитъ.
 Сова-то мнѣ теща,
 Воробушекъ шуринъ,
 Глазки прищурилъ.

(Нижег. губ.)

XI.

Иванушка, — дурачекъ!
 Не ходи въ кабачекъ!
 Тамъ тебя били
 Въ четыре дубины, —
 Пятый костыль
 По ногамъ гвоздилъ.

Варіантъ:

Пятая лазина
 По бокамъ возила
 (Записана въ Москвѣ)

XII.

Поди, утица, домой!
 Поди, сѣрая, домой!
 У ти (тебя) семеро дѣтей,
 Восьмой селезень, —
 Девятая утка!

XIII.

Ѣхалъ панъ, Ѣхалъ, панъ!

А за паномъ жидъ, жидъ,

А за жидомъ попъ, попъ.

Жидъ кричитъ: хопъ, хопъ, хопъ!

(Повторяютъ до безконечности при няньчаньи дѣтей. — Обѣ записаны въ Москвѣ.)

XIV

Кто идетъ?

Солдатъ.

Что несетъ?

Халатъ.

Гдѣ взялъ?

Укралъ.

Кто велѣлъ?

Капраль.

Котораго капральства?

Самъ подкрался.

Которой роты?

Пошелъ въ ворота.

(Смол. губ.)

XV

Теща про зятя пироги пекла.

Въ этомъ пирогѣ три осьмины муки, —

Соли, да крупы на четыре рубли, —

Масла, да яицъ на восемь рублей.

Сталъ же пирогъ безъ рубля въ двадцать.

Этотъ бы пирогъ семерымъ не съѣсть!

Зять-то пришелъ, за присѣстомъ съѣлъ.

Теща по сѣнюшкамъ похаживала, —

Съ коса на зятюшку поглядывала.
 Какъ тебя зятюшка, не розорвало?
 Какъ тебя пострѣломъ не положило?

(Тульской губ.)

XVI

— Тыринъ! выгони изъ такого-то мерина, или кобылы, или жеребца, — изъ такой-то шерсти, изъ такого-то мѣста червей! А не выгонишь червей, переведу всѣхъ твоихъ дѣтей! —

— „Какъ два хрѣна грызутся, межъ ихъ пѣна валить, такъ бы изъ такого-то мерина, или изъ такой-то кобылы, или жеребца, — изъ такой-то шерсти, изъ такого-то мѣста черви бы вывелись!“ — говоритъ Тыринъ. — Не выгналъ Тыринъ червей. Было у Тырина 12 дѣтей, осталось только 11. (и т. д.) — Остался подъ конецъ у Тырина одинъ дѣтенокъ, да и тотъ пропалъ.

(Тул. губ.)

Загадки.

- В. Кто не родясь умиралъ?
 О. Адамъ и Ева.
 В. Кто живота лишася не сгнилъ, или кто родясь не умиралъ?
 О. Лотова жена.
 В. Кто кричалъ, не имѣя языка?
 О. Кровь Авеля, убитаго братомъ своимъ Каиномъ.
 В. Гдѣ осель кричалъ такъ громко, что голосъ его весь свѣтъ слышалъ?
 О. Въ Ноевомъ ковчегѣ.
 В. Кто однажды рожденъ, а дважды умиралъ?
 О. Лазарь.

В. Какая вода обманчива?

О. Женскія слезы.

В. Кто дважды родился и одинъ разъ умеръ?

О. Цыпленокъ — первый разъ родился, какъ яйцомъ
вышелъ, — второй, какъ изъ яйца вылупился,
а умираетъ разъ своею смертию.

В. Сколько дней пріятныхъ съ женою?

О. Два: первый, какъ женишься, — другой, какъ
мертвую увидишь.

В. Кто богатъ на бумагъ, а скуденъ на дѣлъ?

О. Ариѣметчикъ.

В. Когда человекъ самъ себя больше бываетъ?

О. Послѣ смерти, когда вытянется.

В. Который камень на свѣтъ дороже?

О. Могильный, потому что онъ всѣхъ нужнѣй.

(Съ записки двороваго человека въ Москвѣ.)

ПОБАСЕНКИ.

а) Спросилъ разъ слѣпень комара: „ты что въ полдень не лѣтаешь?“ — Да жарко мнѣ, — говоритъ комаръ, — я очень жиренъ. А ты что во время дождя не лѣтаешь? — „Да я очень наряденъ, — говоритъ слѣпень. — боюсь, замараюсь!“

б) Соскучился зайчикъ житьемъ своимъ и говоритъ: „всѣ-то меня обижаютъ, — всѣхъ бойся, — не моги минуты одной въ покоѣ быть, — что это за житье? Пойду, — говоритъ, — съ горя утоплюсь!“ — Прыгъ, прыгъ къ рѣкѣ послѣ этого. А у берега лягушка была. Лягушка испугалась зайца, да какъ прыгнетъ отъ него въ воду. Заяцъ остановился и говоритъ; „А! — говоритъ, — вотъ оно что: есть люди, которые даже и меня боятся! Не хочу же топиться!“ — Такъ и не утопился.

с) Жилъ мужикъ лѣнивый къ работѣ, а на ѣду первый. Придутъ звать: „Тить, Тить! ступай молотить!“ — Брюхо болитъ. — „Тить, Тить! ступай щи хлебать!“ — А гдѣ моя большая-то ложка?

д) Просватали дѣвку за-мужъ. Вотъ она сидитъ и воетъ: „свѣтъ ты, мой батюшка! Свѣтъ ты, моя матушка! Хорошо вамъ было на свѣтъ жить! Батюшка-то на матушкѣ женился, а матушка за батюшкой жила; а я, безчастная, за чужаго парня за-мужъ выхожу!“

е) Везъ карелинъ въ городъ овесъ въ распутицу. Лошаденка замаялась по дорогѣ. Вотъ корело видитъ, что лошадь совсѣмъ нейдетъ, развязалъ возъ, снялъ съ него

мѣшокъ въ четверть, положилъ себѣ на плеча, самъ опять на возъ усѣлся на корточкахъ и погоняетъ лошадь: „ну, бурко, теперича тебѣ не такъ ужъ тяжело, — я самъ на себѣ цѣлую четверть везу!“

f) Нужно было попу нанять работника. Привелъ онъ одного съ базара и велѣлъ ему женѣ своей дать ѣсть въволю. Попадья дала. Работникъ ѣсть, не ѣсть, жуетъ, не жуетъ, а просто только мямлится. — „Этотъ негодится, — говоритъ попъ, — такой же мямлистый и къ работѣ будетъ!“ — Пошелъ за другимъ. Приводитъ другаго домой и тоже велитъ женѣ дать ему ѣсть въволю. Попадья дала. Работникъ какъ сталъ уписывать за обѣ щеки все, что ни подадутъ, въ минуту все очистилъ, что на столѣ было, набѣся, вылѣзъ вонъ и благодаритъ попа. — „Вотъ этотъ такъ работникъ будетъ!“ — говоритъ попъ. — Кто у хлѣба скоръ, тотъ и у работы споръ!“ — Его и нанялъ.

g) Пошелъ попъ къ вечернѣ, а работницѣ велѣлъ самоваръ поставить. Работница была деревенская, сроду самоваръ не ставила. Попъ и учить ее, какъ его поставить. Работница сдѣлала все такъ, какъ попъ научилъ. Самоваръ закипѣлъ. Какъ вскипѣлъ, работница сняла крышку, понюхала, — „тфу пропасть, — говоритъ, — одной водой пахнетъ! Дай-ка для скусу хоть крупницъ брошу, да телятинки положу туда кусочекъ!“ — Такъ и сдѣлала. Приходитъ попъ отъ вечерни, наливаетъ чайникъ, — „что за чудо, — говоритъ, — похлебкой пахнетъ! — Оетинья! съ чего это?“ — Да я, батюшка, — говоритъ, — какъ самоваръ-то уварился, крупницъ съ телятинкой туда и положила для скусу. — „Ахъ ты, деревенщина, — говоритъ попъ, — и на это-то у тебя разуму не хватило, что вмѣсто чаю нельзя похлебку дѣлать, — куда жъ ты послѣ того годишься?“

h) Былъ мужикъ богатый, а чаю съ роду не пиваль. Вотъ и вздумаль онъ разъ о праздникъ попа чайкомъ угостить. Купиль въ городѣ цѣлый фунтъ чаю, голову сахару, привезъ домой. Наканунѣ праздника велѣль снохѣ вскипятить котелъ кипятку. Сноха вскипятила. Мужикъ вбухаль туда весь этотъ чай съ сахаромъ сразу. Сноха попробовала, — не вкусно ей показалось. — „Не положить ли, — говоритъ, — батюшка, туда еще сальца съ баранинкой для скусу?“ — Клади, — говоритъ мужикъ, — добромъ дѣла не изгадишь! — Сноха положила, — такъ и сварила чай. — На утро приходитъ попъ, — мужикъ и говоритъ: „а я тебя, батюшка, чайкомъ хочу угостить!“ — Угости! — говоритъ попъ. — Мужикъ велѣль подать чашки деревянные съ ложками, налилъ ихъ взрѣсь изъ котла и потѣуетъ. Попъ попробоваль. — Тфу, — говоритъ, — деготь какой-то! — Попробовали причетники и тѣ тоже говорятъ. Такъ чаю этого никто и не пиль, а мужикъ только потратиль даромъ деньги на него.

i) Пиль мужикъ чай въ трактирѣ. Видить, поеть птица соловей, — спрашиваетъ: „дорого ли она стоитъ?“ — 500 рублей! — говоритъ половой. „Зажарь мнѣ мозги отъ нея!“ — говоритъ мужикъ. Половой зажариль, — приноситъ. Мужикъ и спрашиваетъ: „что тебѣ за это?“ — 500 рублей! — говоритъ половой. — „Что ты? — говоритъ мужикъ, — Ай, дурачишься? — Я велѣль тебѣ мозги только одни изжарить, — всего-то, можетъ, на гривенникъ, а ты за всю птицу спрашиваешь!“

j) Были у одной вдовы три дочери картавыя. Ждала она къ нимъ жениха. Только нужно было ей разъ отлучиться изъ дому, она и наказываетъ дочерямъ: „смотрите, дочьки, прїѣдетъ безъ меня женихъ, — много съ нимъ

не разговаривайте, — не то, пожалуй, ни которую не возьмет за-мужъ, какъ узнаеть, что вы картавые. А какъ заговорить съ которой, такъ вы отвѣчайте на его слова только: да, либо нѣтъ!“ Дочери общались такъ дѣлать. Приѣзжаетъ къ нимъ женихъ безъ матери, заговариваетъ со старшей, она и говоритъ: „мнѣ мамка ничено не вѣнна гононить!“ — А другая: „дуя, ты дую! за чѣмъ же гононишь?“ — А третья: „всѣ вы дуи! одна я умная, — ничено не говонина, мамки съюшаясь!“ — Женихъ всѣхъ разобралъ до единой, да драло! Пришла мать, узнала, что дочери безъ нея набѣдокурили, да такую-то имъ трепку задала, — всѣ косы повыдергала.

к) Рассказывалъ солдатъ морякъ про службу свою на морѣ: — „служба, — что и говорить, — всѣмъ хороша! Ухи и рыбы всякой довольно; — однимъ только безпокойно: бывало, какъ солнышко будетъ спускаться ввечеру, такъ того и смогри, что на корабль сядетъ! — А сядетъ въ море, такъ оно даже и зашипить, что твой камень банный, такъ что даже сразу на цѣлую версту воду нагрѣетъ и ухи такое же число наварить!“

л) Расхвастался солдатъ по деревнѣ, что онъ много непріятельской силы перевелъ. Мужики и говорятъ: „полно такъ ли, служивый, убилъ ли хоть одного?“ — Вотъ еще! — говоритъ солдатъ, — бывало идешь по полю послѣ сраженья, — видишь, который непріятель замедлилъ Богу душу отдать, сейчасъ же возьмешь его и приколешь!“

м) Стучится разъ кто-то подъ окошкомъ. Хозяйка выглянула: „кто тутъ?“ — спрашиваетъ. — Ми! — „Кто вы?“ — Корельяне. — „А сколько васъ?“ — Одно. — „Ну полезайте въ избу!“ — говоритъ хозяйка. Корело и вошелъ.

п) Пришелъ заика къ перевозу. Видитъ лодочникъ на другой сторонѣ и кричитъ: „п-по-дай л-ло-дку с-сю-да“. — А лодочникъ тоже былъ заика: н-не-по-дамъ! — говоритъ, — з-за чѣмъ д-дра-знишься! — Такъ и не подалъ.

о) Пришелъ Русскій на перевозъ къ Татарамъ. Видитъ, что Татары пьянехоньки и говоритъ: „что это вы какъ пьяны? — вѣдь Магометъ не вѣлѣлъ вамъ водки пить?“ — Ладно, — говорятъ Татары, — Магометъ-то не былъ на перевозѣ, а кабы былъ, такъ и самъ бы хватилъ порядкомъ.

р) Шли по дорогѣ умный съ дуракомъ, — нашли ружье. Умный взялъ и хочетъ стрѣлять. А дуракъ не даетъ: „что жъ ты, — говоритъ, — хочешь одинъ стрѣлять, — вѣдь мы вмѣстѣ нашли?“ — Умный увѣряетъ, что двоимъ нельзя стрѣлять, а дуракъ не вѣритъ, говоритъ: „дай хоть въ дырочку (дуло) посмотрю, когда ты будешь стрѣлять!“ — Умный увѣряетъ, что этого нельзя, — убить можетъ и хочетъ стрѣлять. А дуракъ заткнулъ дуло пальцемъ и говоритъ: „не пущу, коль не покажешь, какъ стрѣлять будешь!“ — Ружье выпалило, дуракъ и остался безъ пальца.

q) Дурочкѣ подали о праздникъ въ поповомъ дому кусокъ пшеничнаго пирога. Дурочка тотчасъ же его и съѣла. На другой день приходитъ она опять въ поповъ домъ, только пирога ужъ ей тутъ не подали. Вотъ она сидитъ и плачетъ: „дура, я дура! пирогъ-то вечера съѣла гольемъ, — что хочешь бы съ хлѣбцемъ!“

г) Встрѣтились два Нѣмца по дорогѣ. Одинъ другаго и спрашиваетъ: „ты откуда?“ — Изъ Рига! — говоритъ тотъ. — „И я тоже изъ Рига!“ — говоритъ первый. — Стало быть, мы оба земляника! (земляки) — говоритъ второй.

с) Встрѣтились два Нѣмца по дорогѣ. Оба говорятъ плохо по русски. Одинъ другаго и спрашиваетъ: „ти рюска?“ — Нѣтъ, — говоритъ, — я Нѣмца! — „А я тумѣль, што ми опа рюска, што такъ сляфне кафариль по рюскѣ!“

т) Слышалъ Нѣмецъ русскую пословицу: не красна изба углами, а красна пирогами. Вздумалось ему разъ эту пословицу кстати сказать. Вотъ онъ и говоритъ: не красенъ пирогъ углемъ, а уголь красенъ пирогомъ!

и) Жила въ одной деревнѣ старуха, а у ней внученокъ былъ. Внученокъ этотъ словилъ на Святой пару скворцовъ. А подъ этотъ разъ ѣхалъ мимо приказный и цапъ-царапъ этого внученка: „какъ ты смѣешь, — говоритъ, — изводить птицу Божью до Петрова дня? — Пойдемъ въ судъ!“ — Старуха такъ-сякъ, просить за внученка, — нѣту, — ничего не беретъ! — И ужъ только потомъ насилу, насилу сговорила его на пару золотыхъ, чтобъ онъ только по начальству не доносилъ про ея внученка.

v) Собралась однопворка обуваться и кричить: „дѣвка! подай-ка лапотъ-то!“

х) Пришелъ мужикъ на казенную конюшню и говоритъ конюху: „позволь, служба, казеннаго козла за хвостъ поддержать! Говорятъ, какъ казеннаго козла за хвостъ поддержишь, такъ шуба будетъ?“ —

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. Мизинчикъ	1
2. Солдатъ	5
3. Иванъ, вдовинскій сынъ и Гриша	7
4. Али-баба Мустафа и Али-баба	41
5. Волшебная дудочка	44
6. Купецъ	47
7. Болтунья	48
8. Жена доващица	49
9. Небесная избушка	54
10. Дуракъ набитый	58
11. Лукавая жена	63
12. Медвѣдь и лисица	64
13. Дочь и пачерица	67
14. Вѣщій сонъ	70
15. Дока на доку	75
16. Деревянный Орелъ и Царевичъ-лѣтатель	76
17. Райская птичка	92
18. Золотая нога	94
19. Цыганъ въ монастырѣ	96
20. Русскій и Жидъ	98
21. Мужикъ и царь	100
22. Барыня и горничныя	101
23. Капризная жена	102
24. Морока	104
25. Колдунья	107
26. Чернокнижникъ	110
27. Вызываніе привидѣній	112
28. Оборотень	115
29. Кладъ	119
30. Василиса Васильевна	121
31. Коркунъ съ Коркунихой	123
Прибаутки отъ I — XVI	124—134
Загадки	134
Побасенки отъ а) — х).	136—141